

Национальная Академия наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет

В. М. ПЛОСКИХ

**КИРГИЗЫ
И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО**

Собрание научных трудов

I

Бишкек — КРСУ — 2014

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)
П 39

*Рекомендовано к изданию учеными советами
Института истории и культурного наследия НАН КР
и гуманитарного факультета
Кыргызско-Российского Славянского университета*

Ответственный редактор

Н. А. Халфин, д-р ист. наук

Рецензенты:

Д. Д. Джунушалиев, чл.-кор. НАН КР, д-р ист. наук

Х. З. Зияев, д-р ист. наук

В. А. Ромодин, канд. ист. наук

М. Я. Сушанло, д-р ист. наук

Плоских В. М.

П 39 **КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО.** Собрание научных трудов. Том 1; 2-е изд., испр. и доп. — Б.: КРСУ, 2014. 276 с.
ISBN 978–9967–19–187–7

В книге исследуются вопросы взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII — 70-х гг. XIX в. На базе архивных, литературных, этнографических и археологических материалов анализируются политические факторы и экономические связи, социальная структура и формы эксплуатации народа, характер и движущие силы восстаний.

Автор приходит к выводу об исторической общности судеб киргизского и узбекского народов, даже в условиях ханского деспотического гнета объединившихся в массовом народно-освободительном движении, которое привело к ослаблению и, в конечном итоге, падению Кокандского ханства и соединению с Россией.

Монография, дополненная приложением, адресована историкам, культурологам, политологам, ученым и студентам, знатокам и любителям отечественной истории.

П 0503020911–14
ISBN 978–9967–19–187–7

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Ки)

© Плоских В. М., 1977; 2014

ВВЕДЕНИЕ

Поднятое в 1871 г. в горах сохскими киргизами восстание превратилось в мощное народно-освободительное движение, охватившее все Кокандское ханство. Династия минг пала. Ханство, отразившееся в памяти народа как время жесточайшего деспотизма и безудержного гнета, перестало существовать и было присоединено к России. Население южной Киргизии воссоединилось со своими северными собратьями, за два десятилетия до этого принявшими российское подданство.

История Кокандского ханства и связанной с ним с середины XVIII до 70-х гг. XIX вв. Киргизии является до сих пор еще сравнительно слабо разработанной темой центральноазиатской историографии. Несмотря на явные достижения кыргызской исторической науки в последние годы, многие проблемы отечественной истории нуждаются в серьезной разработке, уточнении и переосмыслении.

Путь познания исторического прошлого Кыргызстана ¹, равно как и других государств и народов Центральной Азии, был нелегким. Он связан с кропотливым собиранием

¹ Первое издание книги было осуществлено в 1977 г., когда Киргизская ССР была составной частью Союза ССР, поэтому написание слов «киргиз», «Киргизия» и их производных соответствовало грамматике русского языка (через «и»), что сохранено и во втором издании, т. е. в данной монографии. Ныне, в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики и грамматикой кыргызского языка, этноним «кыргыз» и название государства пишутся через «ы», что вполне оправданно также используется автором.

материалов, шел через дискуссии и преодоление ошибок, вызванных очень незначительным количеством собственно кыргызских исторических источников и малой общей источниковедческой базой.

Автор настоящей работы ставит цель путем привлечения широкого круга источников более глубоко и всесторонне, чем это было сделано до сих пор, исследовать вопросы, связанные с киргизско-кокандскими взаимоотношениями с середины XVIII и до конца 70-х гг. XIX в., особенности политики кокандских ханов на временно завоеванных киргизских землях в тесной связи с внутренним положением Киргизии. Киргизско-кокандские отношения рассматриваются в аспектах взаимосближения народов в процессе трудового сотрудничества, политического и налогового гнета ханов и киргизских феодалов, народно-освободительной борьбы киргизов, казахов, узбеков и других этносов времен Кокандского ханства.

Более полутора столетий находясь в тесных хозяйственных и политических взаимоотношениях — то в качестве равноправных соседей, то в зависимости от Кокандского ханства — киргизский народ испытывал на себе благотворное влияние узбекских тружеников — мастеров ирригационной системы земледелия, гончарного и ремесленного производства. Обмен и торговые контакты между земледельцами-узбеками и скотоводами-киргизами способствовали в определенной степени выравниванию хозяйственного баланса обоих народов.

Основное внимание в работе уделяется вопросам, ранее слабо освещенным в киргизской историографии: борьбе киргизов против агрессивной завоевательной политики ханов; территориально-административному устройству Кир-

гизии в системе ханства; строительству и значению кокандских крепостей; роли киргизских феодалов в политической жизни ханства; влиянию кокандских аграрных отношений на формы землевладения и землепользования у киргизов; влиянию хозяйственной деятельности узбекского и таджикского населения на развитие земледелия у киргизов, социальной структуры киргизского общества; вопросам форм эксплуатации, народно-освободительной борьбы киргизского народа против угнетателей.

В основе исследования лежит стремление всесторонне раскрыть исторические корни общности и дружеских взаимоотношений между узбекским, таджикским и киргизским народами, которые, вопреки деспотической политике ханов, способствовали объединению, а не разобщенности народов.

В связи с историей возвышения Кокандского ханства и взаимоотношений его с киргизами в работе пришлось уделить некоторое внимание попытке вмешательства в киргизско-кокандские дела цинского Китая, а также остановиться на участии Коканда в событиях Восточного Туркестана, в освободительной борьбе местного населения против засилия маньчжурских завоевателей. Эти вопросы научно актуальны еще и в том плане, что в результате названных событий второй половины XVIII — первой трети XIX в. определилась разграничительная линия между Кокандским ханством (и Киргизией как его составной частью), с одной стороны, и Восточным Туркестаном (как новой имперской провинцией Китая — Синьцзяном) — с другой.

Исследование киргизско-кокандских взаимоотношений представляет интерес на фоне и при сравнении

с последующим, более ускоренным развитием Киргизии уже в составе России.

Автор считает своим приятным долгом выразить признательность российским, киргизским и узбекским историкам Б. П. Гуревичу, Т. А. Жданко, Х. З. Зияеву, А. Л. Нарочницкому, В. А. Ромодину, М. Я. Сушанло, К. У. Усенбаеву, Н. А. Халфину, К. К. Юдахину, всем читавшим рукопись и консультировавшим по отдельным вопросам, своей критикой, замечаниями и дополнениями способствовавшим подготовке книги.

Работа в целом выполнена в 70-х гг. XX в., опубликована как монография в 1977 г., необходимые дополнения и коррективы внесены автором в 2014 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Несмотря на сравнительно слабую разработанность, тема взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства затрагивалась во многих исследованиях и публикация отдельных вопросов ее берет свое начало с сер. XVIII в. Своеобразную роль «лоцмана» здесь выполняют библиографические издания, значение которых нередко недооценивается. Замечательным справочником опубликованной литературы с 1750 по 1936 г. служат аннотированные библиографии по истории Киргизии З. Л. Амитина-Шапиро¹. Составителем наиболее полно зафиксированы даже незначительные печатные заметки редких периодических изданий, в которых хотя бы вскользь затронуты вопросы истории киргизов, в том числе в связи с Кокандским ханством.

Дополнительную библиографическую информацию дают указатели по истории Казахстана², указатель литературы

¹ *Амитин-Шапиро З. Л.* Аннотированный указатель... 1958; *Его же.* Библиография Киргизии... Т. 1 (1918—1924). Фрунзе, 1963. Т. 2. Вып. I (1925—1936). Фрунзе, 1965. (В монографии принято усеченное оформление библиографических ссылок. Полное описание цитируемой литературы и источников представлено в специальном разделе в конце данной книги. — В. П.).

² Библиография по истории Казахстана... Вып. 1. 1964.

по истории Средней Азии известного библиографа, одного из основателей и собирателей знаменитого «Туркестанского сборника» В. И. Межова ¹, историографические и биобиблиографические очерки Б. В. Лунина ².

Б. В. Луниным скрупулезно собраны многочисленные сведения о научном наследии дореволюционных востоковедов и туркестанских краеведов, в том числе и тех, кто внес определенный вклад в изучение Кокандского ханства. В частности, биобиблиографические заметки и характеристика работ В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Веселовского, А. А. Диваева, А. Л. Куна, В. П. Наливкина и других позволяют исследователям не только увереннее ориентироваться в литературном наследии дореволюционных авторов, по достоинству оценить их вклад в востоковедение, но и шире использовать рукописные и документальные материалы, относящиеся к отдельным периодам истории Кокандского ханства и Киргизии.

Известия в печати о связях киргизов с Кокандским владением появляются впервые в середине XVIII в. Начало им было положено исследованиями оренбургского краеведа, впоследствии члена-корреспондента Российской академии наук Петра Ивановича Рычкова. Сначала в рукописи (1750 г.) ³, а затем, — в книге «Топография Оренбургская» П. И. Рычков сообщает читателям о «сильном»

¹ В Отделе редких книг ГПБ им. А. Навои в Ташкенте (ныне — Национальная библиотека Узбекистана).

² *Лунин Б. В. Средняя Азия...* Ташкент, 1965; *Его же: Историография общественных наук в Узбекистане...* Ташкент, 1974.

³ *Рычков П. И. Краткие известия о татарах.* Архив РАН. Р. II. Оп. I. Д. 126. Рукопись до сих пор полностью не опубликована. — В. П.

и «кочевом» народе — алатай-киргизах, которые обитали «около городов Ходжента, Найматана и Марталана ¹, в горах каменистых и неприступных» ².

Первым российским путешественником, «странником поневоле», побывавшим в пределах Кокандского ханства и прошедшим по киргизской территории от Оша до Кашгара, был унтер-офицер Филипп Ефремов. Описывая свой маршрут «девятилетнего странствования», он сообщает о земледелии у киргизов, их меновой торговле с Кокандом, упоминает об их торгово-политических связях с Восточным Туркестаном, приводит расстояния от Оша до Маргелана (3 дня пути) и до Кашгара (13 дней). Ф. Ефремов еще говорит о независимости киргизов от Кокандского ханства, но подчеркивает, что г. Ош был ему уже «подвластен» ³.

Наиболее полный свод сведений XVIII в. о киргизах содержался в незаконченном сочинении сибирского инженера И. Г. Андреева «Описание Средней Орды...». Сам автор в Киргизии не был, но информацию черпал у казахских знатоков. Не исключено, что в 1784—1786 гг. он в Петропавловске и Омске встречался и с первыми киргизскими послами, направлявшимися в Санкт-Петербург ⁴.

¹ Имеются в виду города Ферганской долины — Ходжент, Наманган и Маргелан.

² Рычков П. И. Краткие известия... Л. 9; *Его же*. Топография Оренбургская. Ч. 1... С. 133—134.

³ Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова... Казань, 1811. С. 73, 103.

⁴ См.: Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи... Фрунзе, 1970. С. 32—41; *Его же*: У истоков... С. 40—64.

Во всяком случае, многие замечания И. Г. Андреева свидетельствуют о хорошей осведомленности о положении северных киргизов. По его словам, киргизы граничили с казахскими «ордами», Кокандским владением и Китайским Туркестаном и в «рассуждении своей вольности» никому спуска не давали. Так, кокандский правитель Нарбута-бек, даже «усилившись весьма своими подданными», не считал их подвластными и «у себя в протекции» не имел. В целом это соответствовало действительности, хотя отдельные племена киргизов уже признавали власть Коканда, что было известно И. Андрееву. В одном месте он пишет о перекочевке в 1785 г. киргизского племени сару с «родоначальником» Саит Батыром из пределов Восточного Туркестана, занятого цинами, «под протекцию куконского бека». «Хотя же китайцы, — писал И. Андреев, — сию волость и требовали назад», но фактически ничего «учинить не в силах»¹.

К концу XVIII в. относится и первый картографический чертеж «Кокандского владения» и территории «обитания каменных киргизцев». Он связан с ташкентской миссией Д. Телятникова (1796 г.) и составлен А. С. Безносиковым².

Из приведенного нами обзора следует, что исторические известия XVIII в.³ о киргизах и Кокандском ханстве несут определённую информационную нагрузку и могут использоваться в качестве ценных источников. Но авто-

¹ Андреев И. Г. Описание Средней Орды... СПб., 1795—1796. С. 26—50.

² Соколов Ю. А. Начало военных действий... Ташкент, 1969. С. 34 (прим. 9), 56; Югай Р. Л. Путешествие... С. 66—77.

³ Подробнее см.: Плоских В. М. Сведения о киргизах... С. 74—81.

ры этих сведений еще не могли подняться до их критического осмысления или построения в определенную систему, поэтому к литературному наследию XVIII в., да за редким исключением и следующего, XIX столетия, нужен не столько историографический, сколько источниковедческий подход.

Дореволюционная историческая литература о киргизах и Кокандском ханстве связана, в первую очередь, с именами российских ученых и путешественников¹. «Лекарь» Ф. К. Зибберштейн, посетивший в 1825 г. Иссык-Куль, сообщает о неудавшейся попытке кокандских послов склонить кочевавших там киргизов к подданству и дает их общую характеристику. И хотя записки впервые были опубликованы спустя сто с лишним лет М. П. Вяткиным², они задолго до этого в копийных списках были известны многим путешественникам и в должной мере сыграли свою информационную роль.

В 1836 г. в «Военном журнале» появляются «Записки» о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина, сопровождавшего из Санкт-Петербурга возвращавшихся кокандских послов³. Он имел задание «описывать, по мере

¹ См.: Русские путешественники и исследователи о киргизах / Под ред. Б. В. Лунина; (Авт. колл.: В. Я. Галицкий, А. Ш. Абышкаев, В. М. Плоских, Д. О. Айтмамбетов и др.)...

² *Зибберштейн Ф. К.* Путевые замечания... М.; Л., 1936. С. 242—258, 249. В приложении давался дорожник караванных маршрутов, который не вошел в публикацию М. П. Вяткина. — В. П. См.: ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415.

³ В 1857 г. под влиянием обративших на себя внимание статей В. В. Вельяминова-Зернова «Записки» Н. Потанина были опубликованы вторично П. Савельевым в Вестнике РГО. Кн. VI. — В. П.

возможности, положение и свойство тех мест, через которые надлежало проходить»¹, и добросовестно справился с обязанностями. В своем путевом дневнике Н. Потанин отметил в качестве непокорного «владения» кочевья киргизов к востоку от Ташкента, где они никого «не допускают пользоваться богатствами земли своей, даже за плату»². В 1841 г. при штабе Отдельного Сибирского корпуса «из разных материалов вновь проверенных и исправленных» составляются две примечательные записки о Кокандском ханстве, в которых получили отражение и отдельные сведения о киргизах³.

В самом начале 1850-х гг. в «Записках РГО» появляется анонимная статья, которую вправе назвать первой энциклопедической справкой о киргизах⁴. В ней, в частности, сообщается не только о зависимости большинства киргизов от Кокандского ханства, но и о мощном антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 г.; приводятся сведения о происхождении и расселении киргизов, о хозяйстве, социальных и общественных отношениях. М. И. Венюков приписывал авторство статьи Воронину и Нифантьеву⁵, что было воспринято и большинством последующих иссле-

¹ Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве... СПб., 1857. С. 256.

² Там же. С. 274.

³ «Взгляд на северную часть Кокандского ханства с присовокуплением сведений о сношении России с его владельцем и правителем Ташкении» и «Образование Кокандского ханства» // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254. Последняя записка опубликована позже, в 1949 г. в Записках РГО. Ч. XVIII. Кн. III. С. 176—216. — В. П.

⁴ Сведения о дикокаменных киргизах... С. 140—153.

⁵ Венюков М. И. Очерки Заилийского края... С. 203; *Его же*. Путешествие... С. 153.

дователей¹. Однако обнаруженные нами архивные записки переводчика И. Бардашева², служившего в 50-х гг. «при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой Орды», неоднократно путешествовавшего по Семиречью (самостоятельно, а также с П. П. Семеновым и Ч. Валихановым), сличение архивных материалов с другими публикациями И. Бардашева³, дают основание утверждать, что составителем статьи «Сведения о дикокаменных киргизах» 1851 г. был И. Бардашев.

В середине 50-х гг. появляется ряд работ о внутреннем положении и торговле Кокандского ханства, написанных В. В. Вельяминовым-Зерновым по материалам, собранным им «от очевидцев, добросовестных русских и азиатских купцов»⁴. «Ручаемся мы только за справедливость

¹ *Амитин-Шапиро З. Л.* Аннотированный указатель... С. 23.

² Сведения о Дикокаменных Киргизах, собранные толмачом Бардашевым // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18551 (1). Л. 1—25; Здесь же «Описание караванных путей, идущих с Заилийской долины в города Турпан и Кашгар»... Л. 26—33. Идентичная, в несколько сокращенном варианте, рукопись (правда, без указания автора) под тем же названием — «Сведения о Дикокаменных Киргизах»... // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18551 (2). Л. 1—8; РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 29. Л. 19—35 (то же: ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 14—37); обнаружено «Распросное описание путей» Пишпек—Ташкент—Коканд—Наманган, составленное И. Бардашевым в 1859 г.

³ Здесь неверно обозначены его инициалы как Г. Бардашев (правильно — И. Бардашев. Г — сокр. «господин»). См.: *Бардашев И.* Сведения о дикокаменных киргизах // ТВ. 1870. № 15. Статья перепечатана в 1873 г. в ежегоднике «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. II под заглавием «Заметки о дикокаменных киргизах»... С. 384—390.

⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о Кокандском ханстве...; *Его же.* Сведения о Кокандском ханстве...; *Его же.* Торго-

фактов, — подчеркивал автор, — они взяты из показаний таких лиц, которые вполне заслуживают доверия»¹.

В дальнейшем идет более успешное накопление материалов о Киргизии и Кокандском ханстве, появляются заметки, обзоры и описания путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова, А. Л. Куна и др.² Выявляются и собираются туркестанские исторические хроники.

Наконец, появляется первая специальная работа по истории Кокандского ханства, написанная ташкентским преподавателем «местных наречий» Владимиром Петровичем Наливкиным. Автор показывает политическую историю ханства, следуя за местными историческими повествованиями, привлекая отдельные ханские документы и народные предания. В книге нашло широкое отражение участие киргизов в политических событиях внутри ханства, многочисленных антикокандских восстаниях, а также роль

вое значение Кокандского ханства... (Рукоп.). Б. В. Лунин ошибочно приписывает В. В. Вельяминову-Зернову авторство вышеупомянутой анонимной статьи «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», опубликованной в III томе Записок РГО в 1849 г. (Б. В. Лунин. *Историография...* С. 124). Однако В. В. Вельяминов-Зернов, только окончивший в 1850 г. лицей, в этом же году поступивший в Азиатский департамент и лишь на следующий год откомандированный в Оренбург, едва ли мог быть автором «Обозрения», составленного в 1841 г. в Отдельном Сибирском корпусе, отложившегося в Военно-историческом архиве и опубликованном в 1849 г. (См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19254).

¹ Лунин Б. В. *Историография...* С. 123; Вельяминов-Зернов В. В. *Торговое значение...* (Рукоп.). С. 4.

² Наиболее полный их обзор и значение для киргизской историографии см.: Русские путешественники и исследователи о киргизах... См. также: Плоских В. *Вклад русских исследователей...*

киргизских феодалов в дворцовых переворотах и военных походах. Но, с другой стороны, В. П. Наливкин почти не уделяет внимания социально-экономическим вопросам, нередко путает киргизов, кыпчаков и узбеков. Киргизские феодалы, такие как Алымбек, Абдулла-бек, киргиз-кыпчакские Алымкул и др.; отдельные киргизские роды в большинстве названы им собирательно — кыпчаками, киргизский род багыш — узбекским и т. д. Некритически следуя за нарративными источниками, часто не называя их, В. П. Наливкин отступал от требований, предъявляемых к научным исследованиям даже своего времени, что тогда же отметил в рецензии известный востоковед Н. И. Веселовский. В. П. Наливкин сам понимал справедливость подобного рода замечаний и в предисловии к книге оговаривал: «Сведения эти получились мною лишь попутно, при изучении быта и других особенностей вновь завоеванной нами страны, так как до сих пор история отнюдь не составляла моей специальности. Пусть благосклонный читатель примет все это во внимание и простит мне те недостатки, которые он, конечно, встретит в моем сочинении»¹. Работа была в целом положительно оценена общественностью, переведена на французский язык, о ней тепло отозвался другой востоковед проф. В. Р. Розен. Книга до сих пор является уникальным пособием для всех, занимающихся историей Кокандского ханства, хотя «во многих отношениях устарела» (В. А. Ромодин). Не удовлетворяя современным требованиям исторических исследований, труд В. П. Наливкина продолжает сохранять

¹ *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 4.

значение как ценный свод сведений из среднеазиатских рукописных источников (часть из которых оказалась безвозвратно потерянной) по истории Кокандского ханства и роли в нем киргизов.

После «Краткой истории» В. П. Наливкина не появлялось ни одной сводной монографии по истории Кокандского ханства. Лишь отдельные вопросы в той или иной степени рассматривались в вышедших время от времени работах. Но история Киргизии (с древности до конца XIX в.) стала объектом изучения другого туркестанского деятеля — Николая Александровича Аристова. В его обширной двухтомной рукописи ¹, задуманной как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера, несколько глав посвящено положению Киргизии в период господства Кокандского ханства. Автор со всей возможной полнотой представил опубликованную предшественниками литературу, использовал многочисленные собственные наблюдения, привлек записанные им со слов киргизских знатоков старины этнографические материалы ², биографические очерки и воспоминания.

К сожалению, и Н. А. Аристову, так же как и В. П. Наливкину, был свойствен скорее собирательный, чем исследовательский характер использования источников. Именно

¹ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргызы. Ч. 1—2. СПб., 1893. Рукопись архива РГО. Впервые опубликована в 2001 г. в Бишкеке по инициативе и при участии автора данной монографии. — В.П. См.: *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта...

² Опубликованы позже отдельной статьей. См.: *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды... С. 391—486.

за это рукопись подверг серьезной критике Н. И. Веселовский, что послужило препятствием к ее публикации. Но в то же время Н. А. Аристов выдвинул свою гипотезу этногенеза киргизов (от древних усуней), наметил периодизацию истории Киргизии, принятую в основе и В. В. Бартольдом, предложил свою концепцию активного участия киргизов в политической жизни Кокандского ханства и Восточного Туркестана. В целом он не сумел подняться до критического анализа многочисленного круга источников, что существенно снижает историографическую ценность его рукописи. Однако в качестве первоклассных материалов по истории Киргизии его работа не потеряла своего научного значения до наших дней и широко использовалась В. В. Бартольдом, Б. Д. Джамгерчиновым, К. И. Петровым, А. Х. Хасановым и другими историками Киргизии ¹.

Наряду с работами передовых русских ученых и путешественников, представлявших научные интересы общества, появляется серия работ, отразивших колонизаторские цели. Это книги М. А. Терентьева, Л. Ф. Костенко, К. П. Кауфмана, А. К. Гейнса, Н. И. Гродекова, В. И. Масальского и др., в которых авторы фиксировали особенности местной истории, укладов и обычаев народов, что соответствовало требованиям политики царизма.

¹ Статьи Н. А. Аристова, видного представителя русской науки конца XIX в., давно ставшие библиографической редкостью, опубликованы отдельной книгой в 2003 г. (отв. ред. — сост. и автор предисловия — В. Плоских при участии А. Ч. Какеева, Д. Д. Джунушалиева и В. А. Воропаевой). См.: *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племён...

Бегло взглянув на дореволюционную литературу, в которой нашла отражение история Кокандского ханства и Киргизии, можно заключить, сколь невелико это наследие. Оно, скорее, представляет интерес в источниковедческом ключе и только в качестве исторических источников использовалось в советской историографии. В целом дореволюционная историческая литература несла на себе печать социального заказа господствующих классов России, оправдывая колониальные устремления царизма. В литературе прямо или завуалировано, под влиянием господствовавшей европейской концепции, явно недооценивалась история «инородцев». Положение о родовом строе у киргизов и других народов Туркестана принималось как бесспорное. И только усилиями отдельных представителей передовой интеллигенции, путешественников и ученых, искренне интересовавшихся прошлым местных народов, удавалось выявлять достоверные сведения по истории киргизского народа и его взаимоотношениям с соседями. Основные достижения в этом плане были сделаны русскими учеными. Публикации зарубежных путешественников (нередко по материалам работ русских авторов), часто связанные с попытками проникновения английского влияния в Среднюю Азию и Восточный Туркестан, обычно ограничивались зарисовками общего характера и мало что могут внести дополнительно в исследование киргизско-кокандских взаимоотношений.

Один из первых обзоров иностранной литературы о Киргизии сделал О. Л. Вайнштейн ¹, оценивший ее в качестве второстепенного источника, имевшего лишь «некоторое

¹ *Вайнштейн О. Л.* Иностранцы путешественники о Киргизии... С. 39—72.

значение». Из работ названных им авторов заслуживает внимания двухтомник американского путешественника Юджина Скайлера, оставившего краткий очерк истории Коканда и почти дневниковые записи поездки по Киргизии в 1873 г. ¹ О. Л. Вайнштейн отмечает книгу англичанина Чарльза Боулджера, посвященную жизнеописанию восточнотуркестанского бадаулета Якуб-бека и восторговшегося кыпчакским феодалом Абдурахманом Афтобачи, рассматривает сведения английского агента Роберта Шоу, в частности, его характеристику кашгарских и кокандских киргизов и т. п. Одна из работ Р. Шоу — «Очерки Верхней Татарии...» — была издана в русском переводе в 1872 г., т. е. через год после их появления в Англии. В 60—70-х гг. были опубликованы в переводе книги венгерского путешественника А. Вамбери, английских путешественников Белью, Б. Гордона и некоторых других. Однако целый ряд работ, в которых нашли фрагментарное отражение отдельные моменты истории Кокандского ханства или прошлого Киргизии, не был переведен, хотя и являлся доступным для небольшого круга образованных читателей. Из подобной литературы можно отметить незавершенные О. Л. Вайнштейном книги проводников британской экспансии на Востоке — Г. Раулинсона, Д. Боулджера, Ф. Скрайна и Э. Росса, американца В. Куртиса ².

С продвижением России в Среднюю Азию и отмежеванием от Кокандского ханства части Киргизии, а также

¹ *Schuler E.* Turkistan... V. 1. P. 337—358. V. 2. P. 128—141.

² *Rawlinson H.* England and Russia in the East...; *Boulger D. C.* England and Russia in Central Asia...; *Skrine F. H. and Ross E. D.* The Heart of Asia...; *Curtis W. E.* Turkestan: «The Heart of Asia»...

в связи с взятием ряда городов в 60-х гг., среди правящих кругов Англии оживилось беспокойство за свои индийские колонии. Задачу раскрыть для зарубежного читателя характер политических отношений России со среднеазиатскими ханствами, а также обрисовать положение Восточного Туркестана выполнил сборник, составленный по материалам публикаций Ч. Валиханова, М. Венюкова и других русских путешественников и изданный в 1865 г. в Лондоне ¹. Подготовка сборника и перевод материалов на английский язык осуществлены Джоном и Робертом Митчеллами. Работа заслуживает внимания, так как является не просто первой зарубежной публикацией, но специальным обобщающим изданием, где наряду с Кокандским ханством и Восточным Туркестаном заметное место отводится внутреннему и внешнеполитическому положению киргизов в начале 60-х гг. XIX в. В частности, отмечается, что влияние киргизских племен в Кокандском ханстве чрезвычайно велико, поскольку даже первый ханский министр Алымбек был из киргизов племени адыгине ². Составители сборника отмечают, что своей публикацией они «обязаны мистеру Бардашеву, талантливому переводчику, прикомандированному к начальнику Алатавского района».

Дополнительную информацию по частным вопросам можно почерпнуть из публикаций А. Вамбери и В. Радлова ³. В. В. Радлов в 60-х гг. посещал Киргизию и записал фрагменты знаменитого киргизского народного эпоса

¹ The Russians in Central Asia...

² Ibid. P. 277.

³ *Vambery H. Das Turkenvolk...; Radloff W. Aus Sibirien...*

«Манас», отметив, что в нем нашли отражение отзвуки длительной борьбы киргизов за этническое и политическое самосохранение против калмыков, китайцев и кокандцев ¹.

Надо сказать, что киргизский народ, не имевший до революции национальной письменной традиции, понимание своей истории пытался выразить в эпических произведениях. Главное место среди них по праву занимает героический эпос «Манас» ². Киргизские акыны XIX в. выражали в песнях и санатах ³ свое отношение к происходящему и прошедшему, свои думы и чаяния о будущем. В поэтических произведениях акынов-демократов — Токтогула Сатылганова, Тоголока Молдо, Барпы Алыкулова мы находим мотивы обличения ханского гнета, бичевания кокандских сановников и их прислужников — киргизских феодалов. Тоголок Молдо оставил ряд рукописей исторического характера ⁴, в которых подверг осуждению

¹ Radloff W. Aus Sibirien... S. 526—533.

² Несколько вариантов этого монументального сказания записано уже в годы Советской власти и хранятся в рукописных фондах ООН НАН КР. Сводный вариант трех частей (в 4-х книгах) эпоса «Манас» — «Семетей» — «Сейтек» опубликован в 1958—1960 гг. на киргизском языке. Русский перевод издавался в 1946 и 1960 гг. В середине 30-х гг. замечательный подстрочный перевод с обширными примечаниями одной части эпоса «Манас» («Великий поход») сделал видный советский лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов (хранится в рукописных фондах НАН КР). В 1984—1995 гг. в Москве в двуязычной академической серии «Эпос народов СССР» (с 1992 г. — «Эпос народов Европы и Азии») был опубликован четырехтомник в варианте С. Орозбакова на русском и киргизском языках.

³ Санат (*кирг.*) — поучение, песня из рифмованных афоризмов // Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 632.

⁴ Тоголок Молдо. Деление родов... (Рукоп.); *Его же*. Манапы...

былую родоплеменную вражду и поднялся до понимания социальной эксплуататорской сущности бай-манапства. Историю киргизов он представлял непрерывной серией битв с нашествиями завоевателей, как тяжелую участь обездоленного народа.

Обусловленная былой социально-экономической отсталостью края историческая ограниченность мировоззрения акынов наложила отпечаток на их творчество, которое в целом призывало к борьбе с несправедливостью, за лучшее будущее, к дружбе с русским народом.

В то же время в произведениях таких киргизских акынов-заманистов ¹, как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч преобладало упадочническое настроение: выступая против произвола и притеснений Кокандского ханства, они взывали к старине, идеализировали патриархальщину ².

Если киргизскому народу, его прогрессивным акынам-демократам в основе были присущи стихийно-реалистические взгляды на вещи и верная оценка исторической перспективы, то идеология заманистов базировалась на восхвалении традиционного народного быта и обычаев, умилении окружающей природой, что вызывало в советской

¹ Заманисты — акыны, выступавшие в жанре и по теме заман — коротких бессюжетных стихотворений, выражавших отношение акына к современности (См.: *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь... С. 287); создатели произведений «Тар заман» («Трудное время»), «Акыр заман» («Конец мира»), «Зар заман» («Эпоха скорби»). Поэма Молдо Кылыча «Кыса-и-Зильзала («Сказ о землетрясении») опубликована в Уфе в 1911 г.

² См.: *Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф.* Очерк истории... С. 30—31; *Алтымшбаев А.А.* Ленин и пропаганда марксизма... С. 36—41.

историографии незаслуженную, тенденциозную критику и воспринималось как реакционная концепция истории.

Кстати, тема анализа исторической концепции представителей так называемой «демократической» и «заманистской» поэзии остается актуальной особенно сегодня, когда на новом методологическом уровне пересматриваются основные вехи национальной истории.

Как известно, местных печатных публикаций по истории Кокандского ханства до его присоединения к России не было. В рукописных сочинениях кокандских и бухарских авторов, как правило, отражалась идеология придворных феодальных кругов. Так, грабительские устремления ханов к завоеваниям соседних территорий философски оправдывались «законом миродержавия и царственного поведения»¹. Основное внимание в них уделялось деяниям ханов, политические события освещались в рамках династийной истории, им была присуща резко выраженная тенденциозность в толковании фактов и пренебрежение собственно историей народа. Отдельные такие работы в оригинале или в переводных извлечениях были изданы Н. Н. Пантусовым, В. В. Бартольдом в 80—90-х гг. XIX в.

Заслуживает внимания публикация в 1885 г. Н. Пантусовым в оригинале работы Муллы Нияз-Мухаммеда «Тарихи Шахрохи» (на тадж. яз.) по истории Кокандского ханства со времени Шахруха (ок. 1112/1700 г.) и до 1288/1871 г. — времени завершения рукописи². Автор представляет

¹ Тухфат ат-таварих-и хани... Л. 59.

² *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед. Тарих-и Шахрохи. История владетелей Ферганы...* Далее как в рукописи — «Тарих-и Шахрохи».

историю Кокандского ханства, как цепь дворцовых переворотов и войн с соседями, проявляет симпатии к одним правителям (и идеализирует их), антипатии — к другим (в связи с чем встречаются элементы критики и осуждения действий отдельных правителей), много внимания уделяет выступлениям киргизов и кыпчаков (правда, нередко путая их) против кокандских ханов. Но и в этой работе, как и во всех подобных нарративных сочинениях кокандских авторов, практически отсутствовала стройная *система* (курсив наш. — В. П.) исторических взглядов, ярко выраженная историческая концепция. Поэтому такие работы представляют интерес, скорее, как источники, совокупность хронологически изложенных фактов и событий и будут нами рассмотрены ниже.

В начале XX в. была предпринята попытка воссоздания исторического прошлого Киргизии и представителями кыргызской интеллигенции, в частности, воспитанником новометодной школы Осмоналы Сыдыковым — «Краткая история киргизов» и «История киргизского раздолья». В основу его книг, изданных арабской графикой в Уфе, были положены устные родословные предания и жизнеописания крупных манапов ¹.

¹ *Сыдыков О.* Мухтаси тарихи Киргизия. («Краткая история киргизов»). Уфа, 1913; *Его же.* Тарихи киргиз Шадмания («История киргизского раздолья»). Уфа, 1914. Последняя работа более известна как «История Шабданов» (метатеза: «Шадман» — «шабдан» — ?), в которой, действительно, немало места уделено прославлению известного киргизского манапа XIX в. Шабдана Джантаева. Уточнённый перевод под названием «История киргизского раздолья» был предложен К. К. Юдахиным в личной беседе с автором. — В. П.

В них нашли отражение и исторические события Киргизии, связанные с Кокандским ханством, но через призму деяний крупных киргизских феодалов — Ормон-хана, Джантая, Шабдана, сыновей Тыная и других манапов. Автор исходил из принципа родоплеменного деления киргизов, утверждения бесклассовости общества в прошлом, идеализации «тюркоязычного родства». Несмотря на схематичность изложения материала и ученический подход к осмыслению своей национальной истории автор заслуживает особого уважения как известный историк киргизского народа, явившийся зачинателем национальной историографии.

Таким образом, дореволюционная литература по истории Киргизии и взаимоотношений с Кокандским ханством хотя и не сумела подняться до уровня стройного обоснования определенных научных концепций, убедительного обобщения системы знаний, накопила достаточно исторических сведений, опираясь на которые советская историография делала свои первые шаги.

Восприняв все лучшее, что было достигнуто дореволюционными исследователями, советская историография создала подлинно научную историю Киргизии и Узбекистана. При этом уже с 20-х гг. предпринимается попытка по-новому осмыслить былое родоплеменное деление и патриархально-феодалные отношения у киргизов, их внешнеполитические связи с соседними народами и, в частности, с Кокандским ханством и Россией. Первоначальное изучение этих вопросов было связано с необходимостью коренных социально-экономических преобразований в Средней Азии, над народами которой тяготели унаследованные от прошлого экономическая отсталость,

неразвитость общественно-социальных отношений, живучесть патриархально-родовых традиций. Первые авторы экспедиционных и статистических обследований 20-х гг. прошлого века еще сами не всегда представляли в полном объеме сложности исторического процесса, не владели в должной мере методологией научного исследования; экскурсии в дореволюционное прошлое, особенно такое отдаленное, как кокандский период, проводили на сравнительно бедном фактическом материале. Из этого вытекали и первые противоречивые оценки политического и общественно-экономического развития в прошлом, а отсюда — много ошибок и неточностей.

Приступая в 1925 г. к исследованию социальных процессов в Киргизии, П. Кушнер был не так уж неправ, когда заметил, что «истории киргизского народа пока еще не существует»¹. Имевшиеся отрывочные сведения еще не представляли историческую науку. Первый печатный сводный очерк по истории Киргизии принадлежит акад. В. В. Бартольд. «Главной побудительной причиной к такому изданию, — сказано в предисловии к первому изданию 1927 г., — послужил возросший после самоопределения киргизского народа интерес к самопознанию, к познанию, в частности, своей истории»². Заключительная VII глава очерка посвящена тянь-шаньским киргизам XVIII—XIX вв., но затрагивает лишь вопросы политической истории. К сожалению, В. В. Бартольд совершенно не останавливается на вопросах общественно-экономического развития киргизского народа.

¹ *Кушнер П. П. (Кнышев)*. Горная Киргизия... М., 1929. С. 81.

² *Бартольд В. В.* Киргизы... Соч. Т. II. Ч. 1... С. 473.

Другие исследователи общественного строя Киргизии в XIX в. высказывали нередко противоречивые суждения. В начале 20-х гг., некритически следуя за материалами дореволюционных авторов, многие исследователи и практические работники были склонны говорить о родовом строе киргизов в недалеком прошлом (Т. Рыскулов, Ю. И. Пославский и др.). Но постепенно, с накоплением новых материалов, их критическим осмыслением, эволюционирует и взгляд на общественно-экономический строй киргизов в XIX в.

В исторических экскурсах П. П. Кушнер уже исходит из предпосылок, что Киргизия до революции находилась на «границе, рубеже двух социологических эпох» — родового и феодального строя, основу которого составлял институт манапства¹. П. Погорельский и В. Батраков называли такой подход «своеобразным историческим упрощением»². Они высказались, что «эпоха манапства», во всей форме проявлявшаяся в кокандский период, была «дальнейшим развитием характерных черт так называемого феодализма»³.

В ходе длительной дискуссии об «азиатском способе производства», переросшей в общеметодологическую дискуссию о социально-экономических формациях (30-е гг.), утвердилось мнение об общественном строе стран средневекового Востока как о феодализме. Правда, иногда в запале дискуссии высказывались и крайне бездоказательные

¹ *Кушнер (Кнышев) П. П.* Горная Киргизия... С. 4.

² *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана... С. 136.

³ Там же. С. 142.

положения, по сути ставившие знак равенства между феодализмом Западной Европы и стран Азии со всеми их идентичными компонентами. Так, С. П. Толстовым без достаточного аргументирования предпринимается попытка определить феодальные формы земельной собственности в кочевых обществах, обосновать тезис о наличии у киргизов в кокандский период крупных помещичьих хозяйств, основанных на барщинном труде ¹.

В конце 30-х гг. к теме Кокандского ханства и истории его взаимоотношений с соседними народами, преимущественно в политическом аспекте, обращается П. П. Иванов, посвятивший ей специальную статью и отдельную главу монографии ². Содержательная, написанная в основном по нарративным источникам статья, в задачу которой, по словам автора, «входит характеристика лишь первых шагов кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Киргизии» ³, к сожалению, почти ничего не вносит нового в разработку истории кокандско-киргизских взаимоотношений, так как ограничивалась лишь кратким освещением процесса завоевания кокандцами Ташкента и его роли в распространении ханского влияния на казахов.

В другой своей работе, подготовленной в 1938—1941 гг. (опубликована лишь в 1958 г.), П. П. Иванов отмечал недостаточность разработки истории народов Средней Азии. В названной книге впервые в правильном аспекте стави-

¹ Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых обществах... С. 190.

² Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство... С. 92—128; *Его же*. Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.). М., 1958. Гл. VII.

³ Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство... С. 95.

лись вопросы взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, хотя ввиду недостаточности материалов, краткости изложения, они не нашли должного решения. Архив кокандских ханов был еще не выявлен, другими архивными документами автор не располагал и ограничился по преимуществу нарративными таджикско-тюркскими источниками. В связи с этим в книге нечетко сформулировано положение о развитии феодализма, формах земельной собственности и феодальной эксплуатации, зависимости дехканства. Но одновременно справедливо подчеркивается активное участие киргизов в политической жизни ханства, их важная роль в антикокандских восстаниях.

В 40-е гг. выходит в свет ряд работ по отдельным конкретным вопросам политической истории и социально-экономических отношений киргизов в прошлом (С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, А. Н. Бернштам, С. И. Ильясов), которые, однако, не решали проблемы в целом — шел процесс количественного накопления исторического багажа и его осмысления. Правда, отдельными учеными все еще допускалась недооценка степени феодализации киргизского общества. Претерпевают эволюцию и взгляды на общественный строй дореволюционной Киргизии такого опытного исследователя, начавшего работать по киргизской этнографии еще в сер. 1920-х гг., как С. М. Абрамзон. По его мнению, нашедшему отражение в монографии 1946 г. о культуре киргизского народа, до присоединения к России киргизы находились на стадии первобытно-общинных отношений, «феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собою определенной системы». Он считал, что «зависимость ряда киргизских племен от Кокандского ханства сыграла

некоторую роль в ускорении процесса феодализации киргизского общества»¹. Позже, развивая этот тезис, учёный выдвигает и убедительно обосновывает наличие у кочевников Средней Азии патриархально-родового уклада, «находящегося в стадии угасания», и «прочно господствующего феодального уклада»². Существование и переплетение этих двух укладов и создавало своеобразную систему патриархально-феодальных отношений, которые, по мнению С. М. Абрамзона, выраженному им в 1951 г., включали в себя «не только господствовавшие раннефеодальные или феодальные отношения, вынужденные облечься в старую, законсервированную патриархальную форму, но и собственно патриархально-родовые отношения, занимавшие хотя и подчинённое, но свое определённое место в системе патриархально-феодальных отношений»³.

Окончательная формулировка и определение общественного строя киргизов в прошлом (к чему мы полностью присоединяемся) сделаны С. М. Абрамзоном уже в конце 60-х гг. — в докторской диссертации и монографии. «...У киргизов, как и других народов Средней Азии и Казахстана, — утверждает автор, — господствовали феодальный строй и патриархально-феодальные отношения»⁴. Накануне добровольного вхождения в состав России их «феодальные отношения переплетались с остатками и пережит-

¹ Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа... Фрунзе, 1946. С. 42.

² Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников... С. 47.

³ Там же.

⁴ Абрамзон С. М. Киргизы... Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук... С. 20.

ками дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений»¹, в чем и заключалась одна из главных особенностей общественного строя киргизов.

Таким образом, в советской историографии окончательно утвердилось положение о господстве в Киргизии кокандского периода феодальной формации в своеобразном проявлении патриархально-феодальных общественных отношений. Немалая роль в этом принадлежала ташкентской объединенной научной сессии 1954 г. Ее участники преодолели теорию особого пути развития кочевых народов и пришли к заключению, что при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов сущность этих отношений оставалась феодальной, как и у оседло-земледельческих народов, в ее основе лежала феодальная собственность на землю, которая реализовывалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты². Однако дискуссионным остался вопрос об основном средстве производства у скотоводов-кочевников. Большинство ученых (Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, А. Б. Турсунбаев и др.) обосновывали тезис, что в основе феодализма как скотоводческого, так и земледельческого хозяйства лежала собственность на землю и главным средством производства являлась земля. Меньшинство (В. Ф. Шахматов, С. Е. Толыбеков) отстаивало точку зрения, что основным средством производства у кочевников служил скот. Киргизский историк С. И. Ильясов считал, что главным средством производства «были скот и пастбище одновременно».

¹ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические... С. 155—156.

² *Материалы объединённой научной сессии...* С. 581.

В историографии этот вопрос продолжает дискутироваться до сих пор. Но утверждение единого мнения о феодализме народов Средней Азии и взаимовлиянии кочевого скотоводства и оседло-земледельческого хозяйства явились той плодотворной основой, на которой получили дальнейшее развитие исследования в области истории, в частности, Киргизии и Узбекистана ¹.

Всю литературу второй половины 50-х и особенно с 60-х гг., относящуюся к истории взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, можно систематизировать следующим образом: а) исследования, посвященные истории Киргизии; б) работы по отдельным вопросам истории Кокандского ханства; в) публикации по истории взаимоотношений народов Средней Азии и Восточного Туркестана и организации отпора агрессии Цинской империи в XVIII—XIX вв.

Научные труды Б. Д. Джамгерчинова, А. Л. Троицкой, Р. Н. Набиева, В. А. Ромодина, С. И. Ильясова, Н. А. Халфина, Х. З. Зияева, А. Х. Хасанова, К. У. Усенбаева, Б. П. Гуревича и других позволили подойти вплотную к исследованию киргизско-кокандских взаимоотношений, с возможной полнотой и по-новому осветить многие вопросы, которые предшественниками были только намечены.

В монографиях и серии статей Б. Д. Джамгерчинова ² находит отражение и положение Киргизии под властью Ко-

¹ См.: *Плоских В. М.* Советская историография... С. 71—77.

² *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России...; *Его же.* Очерк политической истории Киргизии XIX в. ...; *Его же.* Из истории военных отношений Киргизии...; *его же.* Из истории киргизов первой половины IX в. ...; *Его же.* К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов... и др.

кандского ханства. Но автор своей основной задачей ставил рассмотрение политической истории и взаимоотношений киргизов с Россией, исследование процесса и прогрессивных последствий добровольного вхождения Киргизии в состав России. В силу этого другие вопросы, естественно, отошли на задний план, были только намечены и не получили всестороннего освещения.

Две книги А. Х. Хасанова, подготовленные в качестве учебных пособий для студентов исторических факультетов и преподавателей школ ¹, в первую очередь преследуют цель популяризировать научные знания, но в них довольно полно освещены последний этап взаимоотношений южных киргизов с Кокандским ханством, ход восстания 1873—1876 гг. и влияние его на судьбу киргизов и Кокандского ханства.

Изучению хозяйства киргизов, формам собственности на землю и скот, социальным отношениям киргизов в период Кокандского ханства, восстанию 1873—1876 гг. посвящены работы К. У. Усенбаева ². Автор наметил основные этапы борьбы киргизского народа против ханской

¹ *Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов...; Его же. Из истории Киргизии... Когда работа (имеется в виду первое издание данной монографии 1977 г.) была уже в наборе, из печати вышла новая книга А. Х. Хасанова «Народные движения...», в которой автор обобщил свои предшествующие исследования по вопросу восстаний в Киргизии, в том числе двух этапов последнего народного движения 1873—1876 гг. — В. П.*

² *Усенбаев К. У. Присоединение Южной Киргизии к России...; Его же. Общественно-экономические отношения киргизов...; Его же. О характере национальных движений в Южной Киргизии...; Его же. К вопросу о присоединении Южной Киргизии и др.*

агрессии, раскрыл положение народных масс и охарактеризовал общественный строй Киргизии в период господства Кокандского ханства. Однако из-за отсутствия материалов К. У. Усенбаеву в свое время не удалось с достаточной полнотой исследовать такие важные темы, как характер и формы землепользования у киргизов, классы и классовая борьба в Киргизии в кокандский период. Автор сам признает, что отдельные вопросы, связанные с общественно-экономическими отношениями киргизов в период господства Кокандского ханства, «освещены недостаточно», «решены предварительно и нуждаются в дальнейшем глубоком изучении, а также уточнении»¹.

Социально-экономическое положение в киргизском аиле первой половины XIX в. затрагивается и в книге М. Айтбаева, во многом путанной и противоречивой. Автор широко использует полевые этнографические материалы, привлекает частично и архивные данные. Но, механически следуя схеме развитого «европейского» феодализма, он без достаточного обоснования приходит к утверждению «крепостной зависимости киргизских крестьян от баев к манапов»². Критикуя сторонников положения, по которому основу производственных отношений у кочевников составляла собственность на скот, автор тут же утверждает, что «земля не могла у них выступать в качестве основного способа производства». И далее новое противоречие — «основу способа производства у киргизов составляла земля»³.

¹ Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов... С. 4.

² Айтбаев М. Социально-экономические отношения... С. 86.

³ Там же. С. 13, 23, 93.

Не вносит ясности и рассмотрение М. Айтбаевым вопроса о характере и структуре киргизской общины. А утверждения, что «земельно-родовые общины во главе с манапом, бием или баем зачастую *отбирали у дехкан* хорошие угодья и закрепляли их за собой, становясь здесь *монопольными* владельцами»¹, и многие подобные приведенным, только усугубляют путаницу.

Действительно, как могли общины, в которых были объединены дехкане, отбирать лучшие земли у самих же дехкан и при этом становиться монопольными владельцами? Другое дело, когда феодальная верхушка общины в лице манапов и биев захватывала у рядовых общинников-дехкан лучшие угодья и узурпировала коллективное право общины на владение землями, превращая его в монопольное право распоряжения.

Вопрос о влиянии кокандских форм собственности на землю в Киргизии в период зависимости от ханства затрагивает в своей монографии (в целом посвященной более позднему периоду) С. И. Ильясов. Не исключая у киргизских феодалов — манапов права собственности на землю в период их независимости, С. И. Ильясов считает, что они были лишены этого права в годы зависимости от Кокандского ханства. Лишь ханские наделы, по мнению автора, давали право собственности². Мильк он классифицирует как «частную земельную собственность», которая была у киргизов³, хотя вообще ставит под сомнение

¹ *Айтбаев М.* Социально-экономические отношения... С. 15.

² *Ильясов С. И.* Земельные отношения... С. 33.

³ Там же. С. 82—83.

вопрос о частной земельной собственности в докапиталистическом обществе¹. Эти разночтения автором были устранены в докторской диссертации. Здесь он уже определенно отмечает появление под влиянием Кокандского ханства частной собственности на землю в южных районах Киргизии «в результате ее орошения, купли у ханов и частных собственников». И приходит к совершенно верному выводу, что в период Кокандского ханства «у киргизов, особенно южных, в основном сложились такие же земельные отношения, как у оседлых узбеков и таджиков»². Правда, это положение не подкреплено достаточным количеством документов и основывалось лишь на сравнительно противоречивых материалах ранее опубликованного монографического исследования.

Надо сказать, что и в наших предшествующих работах³ отрицалась частная земельная собственность в киргизском обществе в период временной зависимости от Кокандского ханства, а ее прерогативы (отчуждение, передача по наследству и пр.) приписывались мильку лишь как *владению*. Уточняя и развивая это положение, в данной работе мы пришли к выводу о наличии в Кокандском ханстве (и, соответственно, в Киргизии этого периода) *милька* как *феодальной частной собственности*, поскольку даже пользование уже несет в себе элементы собственности, владение обладает всеми основными компонентами феодальной, условной или ограниченной

¹ *Ильясов С. И.* Земельные отношения... С. 59.

² Там же. С. 12.

³ *Плоских В. М.* Очерк земельных отношений...; *Его же.* Очерки патриархально-феодальных отношений...

собственности при праве государства как верховного земельного собственника.

Помимо названных работ, отдельные аспекты истории Киргизии второй половины XVIII в. — 70-х гг. XIX в. в той или иной степени затрагивались и в публикациях К. И. Петрова, К. Д. Джунушева, А. Ш. Абышкаева, В. Я. Галицкого, А. Д. Джаманкараева и др. исследователей. Получили они отражение на страницах художественной литературы. К истории борьбы киргизского народа против джунгарских феодалов сквозь призму художественных образов обратился известный советский писатель академик Чингиз Айтматов. Интересный остросюжетный роман об участии киргизов в политических событиях ханства 40—70-х гг. создал киргизский писатель С. Касымалиев («Сломанный меч»). Повести и новеллы Амана Газиева¹ («Пулат-хан», «Курманджан-датка — некоронованная царица Алая» и др.) также раскрывают перед читателем события этой полной драматизма исторической эпохи².

Но имеются и другие примеры — ошибочной трактовки некоторых событий, попытки идеализации отдельных исторических личностей. Так, неточно освещаются события последнего этапа присоединения к России алайских киргизов, в идеализированном виде предстает перед читателем образ «алайской царицы» Курбанджан-датхи (Курманжан) на страницах одной из статей художественного

¹ Аман Газиев — коллективный псевдоним трёх историков (Ю. Бородина, В. Мокрынина и автора данной монографии).

² Аман Газиев. Курманджан-датка — некоронованная царица Алая. Фрунзе: Илим, 1991; *Его же*. Пулат — хан. Историческая повесть / Ред.-сост. В. Воропаева. Бишкек, 2010 и др.

альманаха «Гулистан», перепечатанной целиком газетой «Кыргызстан маданияты»¹. Умная и, безусловно, дальновидная феодальная родоправительница Алая в обход исторических фактов, на основе фольклорных материалов рисуетя как защитник народных интересов, вдохновитель антикокандского восстания и борьбы с царскими отрядами генерала Д. Скобелева. Статья имеет много фактических ошибок (в частности, не было бегства Курманжан в Кашгар и Афганистан, не возглавляла и не вдохновляла она повстанцев) и дает общую неверную оценку взаимоотношениям киргизов с Кокандским ханством и Россией в 70-х гг. XIX в.

В целом в киргизской историографии получили верное отражение многие вопросы истории Киргизии в период господства Кокандского ханства, в том числе, социально-экономические отношения, налоговый гнет, восстание 1873—1876 гг. и последовавшее за ним присоединение Кокандского ханства к России, воссоединение всех частей Киргизии в составе российского государства. Но всем им присуща одна характерная особенность: недостаточное внимание внешнеполитическим связям киргизов, раскрытию дружественных хозяйственных взаимоотношений земледельческого узбекско-таджикского и скотоводческого киргизско-казахского населения в рамках Кокандского ханства, временами искусственное разделение истории отдельных частей Киргизии, Узбекистана и Казахстана, некогда регионально объединенных в границах одного Кокандского ханства, и вытекающее из этого слабое внимание сюжетам исторической общности судеб народов

¹ Садыков Х., Бабабеков Х. Курманжан — калк таламдашы...

Средней Азии и Казахстана, всему тому, что их объединяло, а не разделяло в историческом процессе.

Литература, связанная непосредственно с исследованием истории Кокандского ханства, представлена меньшим количеством источников. Несмотря на то, что появился целый ряд работ, посвященных отдельным аспектам истории Кокандского ханства в свете нарративных источников (Р. Н. Набиев, В. А. Ромодин), по документам архива кокандских ханов (А. Л. Троицкая) или по материалам русских архивов (Н. А. Халфин, Ю. А. Соколов),¹ всестороннее изучение истории Кокандского ханства еще впереди.

Авторы содержательных, как правило, публикаций ограничены обычно конкретно-узкими рамками кокандской истории — отдельных восстаний, состояния военного дела, категорий землевладения и форм землепользования, присоединения к России и т. п., преимущественно вопросами, связанными с последним этапом Кокандского ханства. Вне поля зрения историков остается проблема в целом, а в связи с этим нуждается в оценке и общая

¹ *Набиев Р. Н.* Ташкентское восстание 1847 г. ...; *Его же.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства...; *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы...; *Его же.* Новый источник по истории Кокандского ханства...; *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления сведений...; *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов...; *Её же.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра...; *Её же.* Сагира в Кокандском ханстве...; *Её же.* Несколько документов по военному делу...; *Её же.* Материалы по истории Кокандского ханства...; *Зияев Х.* Урта Осие ва Сибирь...; *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии...; *Его же.* Присоединение Средней Азии...; *Его же.* Россия и ханства Средней Азии...; *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия...; *Его же.* Начало военных действий против Кокандского ханства... и др.

внешнеполитическая роль ханства, продолжает оставаться нераскрытым характер кокандской колонизации завоеванных соседних территорий, требует особого исследования социально-экономическая структура ханства как феодального государства, особенности внутриклассовой борьбы и специфика народно-освободительных движений.

Чрезмерное увлечение авторов частными вопросами исследований иногда приводит к потере ориентации в общей истории Кокандского ханства и допущению ряда серьезных неточностей. В качестве примера можно привести работу Ю. А. Соколова, посвященную исследованию военных действий России против Кокандского ханства. Тема раскрыта аргументированно и всесторонне, но в исторических экскурсах по многим вопросам допускаются грубые ошибки. Так, распространение власти кокандских правителей на всю Фергану автор связывает лишь с именем Алим-хана, когда он выступил в начале XIX в. «против других ферганских феодальных княжеств». К этому же времени автор ошибочно относит и завоевание кокандцами Оша с предгорьями, населенными киргизами ¹. Как будет показано ниже, и консолидация Кокандского владения в самостоятельное государство, и завоевание им Оша с окрестностями произошли на несколько десятилетий ранее.

Считаем, что другой серьезной ошибкой Ю. А. Соколова является отнесение Кокандского ханства к категории «этнически однородного» (автор, правда, уточняет — «за малым исключением»), образование которого шло «по пути формирования национального государства» ². Кокандское

¹ Соколов Ю. А. Начало военных действий... С. 35.

² Там же. С. 36.

ханство не было единым национальным государством. По крайней мере, как и Бухарское, оно включало как узбекское, так и таджикское население. С другой стороны, в Кокандском ханстве многочисленным и очень влиятельным контингентом было киргизское кочевое население, а некоторое время — часть казахов Старшего жуза.

Многотомные истории Киргизской, Узбекской, Таджикской и Казахской республик дают лишь самое общее представление о положении Кокандского ханства в Средней Азии, картину труда и борьбы народов против деспотического гнета. Неоднократные попытки создания сводного фундаментального труда по истории народов Средней Азии и Казахстана, свидетельствуют о настоятельной необходимости показа общего исторического процесса народов региона в их тесной взаимозависимости. Но это не исключает, а наоборот, побуждает к более углублённому исследованию отдельных проблем и вопросов, слабая изученность которых может проявиться при подготовке подобного рода обобщающих изданий.

Третья группа публикаций связана с комплексом кокандско-киргизско-кашгарских отношений и отпором со стороны местных народов цинской агрессии во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. После известных трудов Н. Я. Бичурина появились работы советских ученых — Л. И. Думана, А. Н. Бернштама, М. И. Сладковского, С. Л. Тихвинского и др. Для разрешения вопросов взаимоотношений киргизов (сначала как независимого народа, затем в составе Кокандского ханства) с Восточным Туркестаном использованы исследования советских востоковедов — Б. П. Гуревича, В. С. Кузнецова,

К. Ш. Хафизовой, Г. П. Супруненко и других, написанные по китайским первоисточникам.

Имевший место в более ранней литературе не критический подход к китайским источникам, особенно в оценке положения киргизов во второй половине XVIII — середине XIX вв., привел к ряду исторических искажений, нашедших отражение даже на страницах таких обобщающих работ, как «Всемирная история» (т. V), «История Киргизии» (1-е и 2-е изд.). Они были исправлены в третьем издании «Истории Киргизской ССР» (1968 г.). Однако до последнего времени вопросам киргизско-китайских взаимоотношений и участию Кокандского ханства в политических событиях Восточного Туркестана специального внимания не уделялось.

Из фактического материала следует, что Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе Цинской империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела и давали должный отпор внешней агрессии со стороны маньчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана, киргизы являлись непосредственными свидетелями и участниками всех антицинских восстаний местного населения. Между народами Средней Азии и Восточного Туркестана были не только исторически сложившиеся экономические и культурные связи, но и исторически обусловленная этническая близость. С публикацией ряда работ, построенных на материалах истории киргизов, показывающих решение национального вопроса в СССР, заметно оживился интерес к истории киргизско-китайских отно-

шений. В частности, высказывается следующее положение, которое находит документальное обоснование в данной монографии: «... хотя маньчжуро-китайская империя Цин и претендовала на господство над частью киргизов, киргизы никогда не входили в состав этой империи. Более того, они всегда вели упорную и небезуспешную борьбу против джунгарских и китайских завоевателей... В то же время киргизы всегда играли видную роль в политических событиях Восточного Туркестана. И после его завоевания цинскими агрессорами они выступили совместно с казахами в поддержку насильственно покоренных народов Туркестана»¹.

Зарубежная историография, в какой-то мере затрагивающая вопросы истории Средней Азии XVIII—XIX столетий, довольно бедна и, за редким исключением, не оригинальна. Она включает работы ученых-историков, которые пытаются, по возможности, осмыслить прошлое, но не располагают новыми материалами, слабо знают советскую литературу и исходят преимущественно из фактов, введенных в научный оборот еще в XIX в. зарубежными путешественниками, или препарированных материалов отдельных советских изданий. Типичной иллюстрацией сказанному служит книга Мэри Холдсворт, выпущенная Оксфордским издательством в 1959 г.² В ней рассматривается краткая история Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств в плане внутреннего развития (административное устройство, экономика и т. п.) и внешнеполитических

¹ *Усубалиев Т. У.* Торжество ленинской национальной политики... С. 35.

² *Holdsworth M.* Turkestan in the Nineteenth Century...

отношений (как определила автор во введении: в отношении их друг к другу и к кочевым и полукочевым «ордам», в отношении к соседним странам — Афганистану и Китайскому Кашгару, в отношении к России) ¹.

Не располагая новыми материалами, такие работы носят чаще всего компилятивный характер. К тому же основываются на ошибочных общеметодологических концепциях и нередко преследуют фальсификаторские цели, идеализируя вольность кочевников, в розовом свете рисуя ханства и представляя национальную политику СССР как продолжение «традиций, начатых империалистическими предшественниками» (выражение сотрудника Калифорнийского университета Р. А. Пирса) ².

В зарубежной литературе особое место занимают труды известного английского историка А. Тойнби, выдвинувшего свою культурно-историческую концепцию всемирного развития истории ³, концепцию, включающую и восточную проблематику. Проф. А. Тойнби не выделяет историю Среднеазиатского региона, тем более Кокандского ханства и киргизов (он вообще отвергает хронологический и региональный принципы), мало того, его источниковедческая база даже по истории России ограничивается либо западной и эмигрантской, либо устаревшей литера-

¹ Ibid. P. 2.

² См.: *Pierce R. A. Russian Central Asia...* P. 306. К другим открыто антисоветским изданиям, которые являются антинаучными и носят чисто пропагандистский характер, можно отнести работы Д. Армстронга, М. Фейнсоды, Р. Пайпса, Д. Уиллера, У. Коларза и др., статьи на страницах английского журнала «*Central Asian Review*», существовавшего 17 лет и бесславно закрытого в 1970 г. — В. П.

³ *Toynbee A. A Study of History...* V. 1—12.

турой. Все это отрицательно сказалось на его схеме «застывшей» цивилизации номадизма. В целом автор немало внимания уделяет проблеме кочевничества и наиболее последовательно из зарубежных ученых попытался обосновать положение о якобы извечной вражде, непримиримом антагонизме между «застойной экономикой кочевых орд» и развивающимися земледельческими «цивилизациями»¹. А. Тойнби представляет общество скотоводов-кочевников как бесклассовый монолитный организм, лишь механически воспроизводящий сам себя в течение веков и тысячелетий в неизменном виде, постоянно испытывающий антипатию к оседлым жителям. Рисуя кочевое общество как застойный организм, вторжение которого в оседло-земледельческие оазисы, в развитые ойкумены, являлось якобы проявлением лишь мощных физических и социальных сил, подобных извержению вулкана, А. Тойнби отказывает кочевым народам в праве на историю.

Признавая большой вклад английского ученого в историческую науку, советская историография тем не менее доказательно опровергает кочевническую концепцию А. Тойнби². История взаимоотношений киргизского кочевоего скотоводческого населения Тянь-Шаня и узбекско-таджикских оседло-земледельческих жителей Ферганского

¹ *Toynbee A. Idem. V. 3; Ego же. Between Oxus and Jumna...* Книга написана по материалам путешествия историка в 1960 г. по следам бывшей Кушанской империи, основанной кочевниками и простиравшейся от Средней Азии до Индии. — В. П.

² См.: *Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби...*; *Его же. А. Тойнби об историческом прошлом...*; *Дахилейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии...*; *Рашковский Г. Б. Востоковедная проблематика...*

оазиса показывает непропорциональность утверждений А. Тойнби, доказывает, что в основе исторического развития этих многовековых соседей лежали хозяйственные и культурные процессы, что, несмотря на различие в способе ведения хозяйства, в быте, сущность их отношений составляли дружественные контакты. Стимулами к объединению служили этническая близость, производственные связи, классовая солидарность, совместная борьба против феодального гнета.

Подытоживая историографический обзор, можно заключить, что отдельные вопросы истории киргизско-кокандских взаимоотношений в той или иной мере уже находили отражение в работах предшествующих исследователей. Но в целом проблема истории взаимоотношений среднеазиатских народов, в частности киргизов, с Кокандским ханством и Восточным Туркестаном разработана в недостаточной степени.

Допускалась ошибочная трактовка и продолжает до сих пор оставаться дискуссионным целый ряд вопросов, имеются неясные моменты в оценке общественно-экономического устройства среднеазиатских ханств и Киргизии XVIII—XIX вв., слабо изучен характер народно-освободительного движения. Много и других актуальных вопросов еще ждет своего решения. Поэтому нам кажется преждевременно оптимистичным вывод Г. Ф. Дахшлейгера на пленуме научно-проблемного совета «История исторической науки в СССР» в июне 1975 г., что «все большее место в исследованиях историков как республик, так и Центра занимают вопросы международного положения Кокандского, Хивинского, Бухарского, Казахского ханств, истории английской агрессии в Средней Азии и в погра-

ничных с территорией Казахстана районах Восточного Туркестана»¹. Это, скорее, темы предстоящих исследований, только намеченные, но еще не разработанные в должной мере историографией. Очевидна настоятельная необходимость дальнейшей работы по изучению внешнеполитических связей и особенно внутриэкономического положения и государственного устройства Кокандского ханства, патриархально-феодальных отношений в Киргизии XVIII—XIX вв., освободительной борьбы киргизского и узбекского народов. Возможности для углубленного исследования существенно расширились с введением в научный оборот новых исторических источников, документов русских архивов и составленного А. Л. Троицкой обстоятельного каталога архива кокандских ханов².

В настоящей работе отдельные положения по вопросам киргизско-кокандских отношений, уже нашедшие отражение в трудах предшествующих исследователей, обобщены и развиты, даны выводы по новым историческим сюжетам. Все они подкреплены либо критически осмысленными известными источниками, либо впервые вводимыми в научный оборот архивными первоисточниками.

2. Источники

Дореволюционной и советской литературой поднят немалый пласт фактического материала по истории киргизско-кокандских взаимоотношений. Нами дополнительно выявлены оригинальные архивные документы,

¹ *Дахилейгер Г. Ф.* Проблемы развития... С. 11.

² *Троицкая А. Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.

использованы нарративные источники, этнографические материалы, проведены специальные археологические раскопки, т. е. для выполнения темы применен комплексный метод привлечения источников.

Все использованные источники для удобства обзора можно подразделить на три комплекса: архивные документы; нарративные источники; фольклорно-этнографические и археологические. Деление в некоторой степени условное, так как часть нарративных источников, этнографических и фольклорных материалов нами также взята в архивах.

Самую многочисленную категорию источников составляют архивные документы. Серьезную трудность при их выявлении представляло то, что, во-первых, они рассредоточены по различным архивохранилищам; во-вторых, содержатся крупными в самых, казалось бы, не причастных к теме архивных фондах.

Нами обследованы и использованы материалы центральных государственных архивов Узбекской, Казахской и Киргизской ССР (ныне соотв. ЦГА РУз., ЦГА РК, ЦГА КР); Центрального государственного архива древних актов (ныне — РГАДА); архива Географического общества СССР (ныне — РГО); Академии наук СССР (ныне — РАН) и Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне — Архив Института этнологии и антропологии РАН); Центрального государственного военно-исторического архива (ныне — РГВИА); архива внешней политики России (ныне — АВПРИ), Центрального государственного исторического архива СССР (ныне — РГИА); центральных государственных архивов Омской (ГА ОО), Оренбургской (ГА ОрО) и Ошской областей

(ООГА). Интересные материалы выявлены в рукописных фондах и отделах государственных публичных библиотек им. В. И. Ленина (г. Москва) — ныне: Российская государственная библиотека (РГБ); им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург) — ныне: Российская национальная библиотека (РНБ); им. А. Навои (г. Ташкент) — ныне: Национальная библиотека Узбекистана (НБУ); Центральной научной библиотеки НАН КР (г. Бишкек) и научной библиотеки Омского областного музея, в музее г. Петропавловска, в Институте востоковедения АН Республики Узбекистан и в рукописных фондах Института истории и культурного наследия Отделения общественных наук Национальной Академии наук Кыргызской Республики (ООН НАН КР).

С 70-х гг. часть материалов XVIII — начала XX вв. стала сосредотачиваться в фондах Института истории НАН КР (ныне — Институт истории и культурного наследия НАН КР), особенно интенсивно в связи с развертыванием археографических работ в республике, вызванных принятием Закона об охране и использовании памятников истории и культуры.

I. Все относящиеся к теме архивные материалы подразделены нами на несколько групп.

1. Исторические акты — указы и другие документы государственного управления, землевладения, налоговой политики, делопроизводства и т. п. Основным государственным языком ханской канцелярии и администрации являлся таджикский язык, и лишь некоторые распоряжения, хозяйственные, налоговые и поименные списки, относящиеся к скотоводческому узбекскому и киргизскому населению, писались

на староузбекском языке. Так, почти из пятитысячной коллекции документов архива кокандских ханов, разобранного А. Л. Троицкой, только единицы написаны на узбекском языке: свиток о расходах по Араванскому бекству и поименный список биев киргизских родов адыгине и мункуш. Даже «челобитные и прочие *ариза* от киргиз и кочевых узбеков» писались на таджикском языке ¹. Только из этого одного можно сделать вывод: чтобы преуспеть на государственном поприще, узбекские и киргизские феодалы должны были знать не только разговорный, но и канцелярский таджикский язык. Двуязычие населения Ферганской долины — характерная черта местных жителей нескольких поколений.

Документы архива кокандских ханов были еще в 1876 г. подобраны и переданы А. Л. Куном в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку, где почти 75 лет пролежали без движения. В 1952 г. их планомерным разбором и изучением занялась А. Л. Троицкая. После реставрации и описания архив в 1962 г. был передан на постоянное хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР, где мы с ним впервые и ознакомились.

С 1955 г. А. Л. Троицкая опубликовала сначала предварительный обзор и ряд содержательных статей по материалам архива, а затем его полный каталог и часть документов в факсимиле и переводах ². По ее вполне справедливой

¹ Троицкая А. Л. Архив... С. 192, 208; *Её же*. Каталог... С. 331.

² Троицкая А. Л. Архив...; *Её же*. «Заповедники» — курук...; *Её же*. Сагира...; *Её же*. Ганчи...; *Её же*. Несколько документов по военному делу...; *Её же*. Каталог...; *Её же*. Материалы по истории...

оценке, архив «является совершенно новым и, пожалуй, уникальным первоисточником по социально-экономической истории Кокандского ханства»¹.

Кокандский архив использован как по публикациям А. Л. Троицкой, так и по фотокопиям, выполненным по нашему заказу в ЦГА Узб. ССР (ныне — ЦГА РУз.)². К сожалению, документы архива, во-первых, ограничены узкими хронологическими рамками последнего десятилетия Кокандского ханства; во-вторых, по своему содержанию представляют типично хозяйственный архив. Довольно полно раскрывают характер земельных отношений и налоговой политики ханов, но сравнительно мало несут иной информационной нагрузки; и, в-третьих, документов, связанных с киргизами, едва ли наберется 0,5%, но даже они вносят существенные новые штрихи в раскрытие киргизско-кокандских взаимоотношений. Жалованные грамоты, распоряжения ханов, беков и других официальных лиц (*васика*, *иноят-наме*, *мубарак-наме*, *патта*), отчетные записи налоговосборщиков (*дефтер*), всевозможные донесения и отписки позволяют составить яркое представление о хозяйственной жизни ханских «уделов», налогообложении в Кокандском ханстве, о ханских «заповедниках» — куруках, о влиянии норм кокандского землевладения на земельные отношения у киргизов и т. д. Они проливают некоторый свет и на положение киргизов в кокандском войске, свидетельствуют о широком спросе в ханстве на киргизские кошмы и пр.

¹ Троицкая А. Л. Архив... С. 188.

² Фотокопии документов, связанных с историей Киргизии (в пер. В. К. Шуховцова и В. Н. Настича) хранятся в рукописных фондах Отделения общественных наук НАН КР.

В 1963 г. А. Мухтаров опубликовал 47 документов (факсимиле и в переводах), относящихся к истории Ура-Тюбе. Среди них часть документов (*хукм-наме, иноят-наме*), выданных правителем Коканда, в том числе уникальный ханский приказ (*фирман-и али*) о пожаловании некоему феодалу Турахан-накибу 11 киргизских семей — свидетельство определённой категории лично зависимых крестьян в ханстве ¹.

Аналогична опубликованной коллекции архивная книга «Копии с документов мильковых, вакфных и проч., явленных в Ура-Тюбинскую Комиссию» 1869 г. из канцелярии туркестанского генерал-губернатора ². В книге 177 копий документов ханского времени на индивидуальное и коллективное владение землей и водой на правах *милька* и *вакфа*. Компактно собранные, относящиеся к одному району, касающиеся только землевладения, документы еще не были предметом специального исследования, а к нашей теме имеют лишь косвенное отношение, хотя в окрестностях Ура-Тюбе имелось и киргизское (преимущественно скотоводческое) население.

Значительно более разносторонние, как тематически, так по хронологии и географии, актовые материалы ханского времени, выявленные нами в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и Ферганского областного правления ЦГА РУз., а также канцелярии начальника Алатавского округа и киргизов (казахов) Большой Орды (Старшего жуза) ЦГА РК. Среди них следует

¹ Материалы по истории Ура-Тюбе...С. 67.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 14. Д. 26. Л. 12—150.

отметить ханские грамоты (*ярлыки*)¹ по назначению на должности, наделению феодалов льготами, связанные с административными распоряжениями, распределениями пастбищ и т. п.

Особую подгруппу составляют во множестве отложившиеся в архивах документы по землевладению: ярлыки на земельные пожалования в частную собственность (*мильк*), документы на отчуждение частных владений (*васика*), документы на определение земель в пользу мусульманских духовных учреждений и лиц (*вакф-наме*). Дело в том, что в ходе выработки Положения по управлению Туркестанским краем и нового земельного законодательства (после присоединения Кокандского ханства к России) местное население обращалось к новым властям с просьбой определить их поземельный статус. И в доказательство своих прежних прав на землевладение предъявляло документы ханских времен, которые переводились канцелярскими чиновниками на русский язык, выяснялась их подлинность и юридическая сила, проводилось обследование фактического состояния, опрос свидетелей — и все это фиксировалось специальными журналами Общего присутствия поземельно-податного отделения Ферганского областного правления.

¹ Единичные ярлыки были опубликованы в дореволюционной литературе и в советских изданиях. См.: *Каллаур В. А.* Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов...; *Остроумов Н.* Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али...; Перевод двух ярлыков...; Алайские аульные общества...; *Джувонмардиев А.* (*Жувонмардиев А.*). Ценный документ по истории Кокандского ханства...; *Его же.* XVI—XIX асрларда Фаргонада...; Материалы по истории Ура-Тюбе...; указанные публикации А. Л. Троицкой.

Немало среди документов оказалось и таких, которые характеризовали степень влияния и распространения кокандской земельной практики на киргизское население, не только земледельческое, но и скотоводческое. К примеру, на 1 июня 1887 г. (крайний срок, установленный Российским Государственным Советом, после которого документы к рассмотрению не принимались) в Ферганское областное правление только вакфных документов было предъявлено свыше 5,5 тыс. на выделение более 9 тыс. отдельных владений.

Туркестанской администрацией, державшей курс на ликвидацию вакфов, были рассмотрены лишь вакф-наме с ханской печатью и специальными «обельными» грамотами с претензией на освобождение от налогов. Таковых оказалось 1/9 часть (около 600 документов), по которым было выделено 561 вакфное владение на 80 тыс. десятин в основном орошаемых земель, из них на территории Киргизии — около 100 вакфов на 16 тыс. десятин земли. Если принять во внимание и бывшие облагаемые вакфы, то их общее количество увеличивается в 9 раз ¹. И это не считая других земельных документов, купчих крепостей, ханских пожалований, общинных договоров.

В совокупности актовые документы Кокандского ханства, собранные и отложившиеся в туркестанских канцеляриях, в несколько раз превышают объем архива кокандских ханов и содержат богатый материал по административному и аграрному вмешательству Кокандского ханства в жизнь киргизских кочевников. В оригинале подавляющая масса

¹ *Плоских В. М.* Очерки патриархально-феодальных отношений... С. 69.

документов составлена на языке ханской канцелярии — таджикском. Но часть документов, адресованная киргизам и кыпчакам, особенно периферийному скотоводческому населению Алая, Тянь-Шаня и Семиречья, писалась на тюркском (староузбекском) языке. Их перевод на русский язык туркестанскими чиновниками отличается достаточной фактической достоверностью, хотя с научной точки зрения является «вольным». Сопоставление канцелярского перевода с современным научным переводом, выборочно сделанным по нашей просьбе востоковедами А. Б. Халидовым, В. П. Юдиным, В. К. Шуховцовым и В. Н. Настичем, доказывает правомерность их использования как оригинального первоисточника.

2. Существенно меньшую, но поистине уникальную группу первоисточников, которая почти не использовалась предшествующими исследователями, составляют киргизские письма, прошения и жалобы¹. В них содержатся элементы исторических сведений: о политической обстановке в Кокандском ханстве, об отношении киргизов к кокандским событиям и к России, по поводу затянувшихся с ханских времен до конца XIX в. поземельных споров, налоговых и прочих тяжб. Основная их ценность заключается в том, что это единственные свидетельства ханского времени, составленные в киргизской среде

¹ Частично, в источниковедческом плане, письма рассматривались нами ранее. См.: *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи... С. 42—83; *Плоских В. М., Кудайбергенев С. К.* Ранние киргизские письменные документы... С. 75—82; *Плоских В. М., Назаралиев Т. Н.* Оригинальные источники по истории Киргизстана... С. 64—72.

либо под диктовку киргизов татарскими и узбекскими писцами, либо грамотными киргизами, которых было чрезвычайно мало — буквально единицы.

Как известно, киргизский народ не имел до революции своей национальной письменной традиции. Однако это вовсе не исключало появления в его среде отдельных документов, в том числе и юридических и даже исторических трактатов, написанных главным образом на староузбекском языке арабской графикой ¹. Подобные документы имеют первостепенное значение, так как отражают настроение, потребности населения, а иногда содержат и исторические экскурсы, показывая атмосферу жизни и быта киргизов (преимущественно феодальных слоев), их отношение к ханам, кокандцам, а также характеризуют экономические и политические взаимоотношения с соседями — казахскими жузами, Россией, Восточным Туркестаном.

Нами в фотокопиях собрана коллекция более чем из ста киргизских писем — в оригинале и переводах туркестанских чиновников. Часть из них уточнена и откорректирована совместно с К. К. Юдахиним, Т. Назаралиевым и С. К. Кудайбергеновым. Но это касалось лишь отдельных деталей, поскольку смысловой архивный перевод выполнен на достаточно квалифицированном уровне, а в совокупности с сопутствующими разъяснительными материалами и комментариями переводчиков и других туркестанских чиновников позволяет более полно представить содержание документа в связи с мотивами его составления и обстановкой, в которой он рождался.

¹ *Каракеев К. К., Джамгерчинов Б. Д., Орузбаева Б.* Язык науки, культуры и прогресса...

Самыми ранними в хронологическом отношении выявленными нами киргизскими документами являются письма нач. XIX в. к западносибирским властям ¹. Но имеются указания и о киргизских письмах XVIII в. Так, в конце 1759 г. бий киргизского племени адыгине Хаджи-бий через своего посланца Сары-Кучука направил командующему цинскими войсками Чжао Хуэю письмо от себя и от имени кокандского бека Ирданы, высказывая готовность к установлению равноправных отношений с Китаем. Или другой пример: по дороге из С.-Петербурга в Чуйскую долину первый киргизский посол Абдырахман Кучаков направил из Омска в январе 1789 г. письмо «к своему старшине Этеке-батырю, в котором его уведомляет, что съездил благополучно». В архивных делах имеется только «экстрактная» регистрация письма, но самого документа разыскать пока не удалось. Более или менее систематизированно коллекция представлена с 1847 по 1876 г. Это письма «от родовичей дикокаменных киргизов», в которых они информировали западносибирского генерал-губернатора о взаимоотношениях с кокандцами и кашгарцами, просили прислать на Иссык-Куль русские воинские отряды, письма о принятии в подданство и с просьбой о поддержке антикокандских восстаний. Переписку с русскими властями вели бии и манапы-родоправители Качибек, Аджибай, Джантай, Шабдан, Байтик, Боромбай, Умбеталы, Алымбек, Курманджан-датха и др. Это письма киргизов ханским визирям, главнокомандующим, заместителям; характеризующие отношение к деспотическому правлению

¹ Часть материалов опубликована нами ранее. См.: *Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи...* (см. Прил.).

и злоупотреблению кокандских чиновников, к налоговому гнету, к участию в войнах и в целом — к кокандскому подданству. Это редкая переписка между киргизскими родоправителями Алая — Чуйской долины — Восточного Туркестана (Алымбека, Алымкула, Боромбая, Джантая, Умбеталы, Якуб-бека и др.) по поводу непризнания кокандской зависимости, поддержки повстанческого движения, с информацией о внутренних перемещениях кокандских и русских отрядов ¹.

Небольшую историческую информацию несут более поздние киргизские письма с жалобами и просьбами разорвать споры, уходящие своими истоками в ханские времена. Таких документов было бы больше, но они не поощрялись царскими властями и поэтому сохранились единичные экземпляры. Параграф 17 инструкции командующему Сыр-Дарьинской линии и пограничному старшему чиновнику Министерства иностранных дел, утвержденной царем в 1856 г., специально предписывал «в сношениях с киргизским начальством ²: избегать по возможности всякой переписки, стараясь все делопроизводство вести словесно» ³.

3. Следующую группу архивных источников составляют налоговые записи (*дефтеры*) и поимённые списки родоправителей, из которых можно выде-

¹ В 1869 г. в русской печати появилось, например, сообщение, что во время поездки осенью 1868 г. штабс-капитана артиллерии Рейнталя в Кашгар киргизские манапы Иссык-Куля известили письмом Якуббека, будто под видом купеческого каравана направляется военный отряд, который и был встречен выстрелами. См.: *Н...ъ В. Поездка в Кашгарию...* С. 124.

² Имелись в виду как киргизские, так и казахские родоправители.

³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Св. 889. Д. 11-а.

лить относящиеся как к киргизской территории, так и непосредственно к киргизам. Все налоговые списки отмечены в каталоге архива кокандских ханов А. Л. Троицкой, частично переведены и даны в указанных выше публикациях, а также в фотокопиях с переводами, хранятся в Институте истории и культурного наследия НАН КР. Некоторые были собраны еще в 1876 г. А. Куном и Н. Пантусовым¹ и отложились в архивах канцелярии туркестанского генерал-губернатора и Ферганского областного правления. Эти налоговые ханские дефтеры легли в основу статей Н. Н. Пантусова, были частично использованы в публикациях А. Куна и в выписках сохранились в материалах А. Л. Куна в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения (ныне — Архив Института восточных рукописей РАН)².

Значение первоисточника по вопросам системы и объема ханского налогообложения могут иметь налоговые записи, проводившиеся в первые три года после присоединения Кокандского ханства к России, поскольку они составлялись по методу и образцу предшествующих списков. «Представляя при сем ведомость о количестве танапов в Ошском уезде с показанием цифры денег, взимаемой с каждого танапа, — рапортовал начальник Ошского уезда военному губернатору Ферганской области 20 декабря 1876 г., — имею честь донести..., что подать эта в таком же

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22469. Л. 12, 18.

² *Пантусов Н. Н. О податях и повинностях...; Его же. Сборы и пошлины...; Кун А. Очерк Кокандского ханства; Его же. Некоторые сведения...; Архив ИВР РАН. Ф. 33-А.Л. Кун.*

размере взималась с населения при бывших ханах и осталась непременно в настоящем году»¹.

К этой же группе документов относятся всевозможные журналы, обследования и обзоры по поводу земельных споров и прочих тяжб, уходящих своими истоками в кокандское время. Как правило, здесь были оригиналы документов, их переводы, записи опроса жителей, иногда снятые на план земельные участки и вынесенные по делу решения.

4. Многочисленную коллекцию материалов документального характера представляют свидетельства путешественников, записки русских посланцев и купцов, сводные отчеты туркестанских чиновников о событиях в Кокандском ханстве, документы, связанные с присоединением Киргизии к России. Путевые дневники Ф. Ефремова (80-е гг. XVIII в.), Ф. Назарова (1813 г.), Ф. К. Зибберштейна (1825 г.), Ч. Ч. Валиханова и П. П. Семенова-Тян-Шанского (50-е гг. XIX в.), Н. А. Северцова и А. П. Федченко (1870-е гг.), других путешественников, содержащие фрагментарные сведения о киргизско-кокандских взаимоотношениях, были в разное время опубликованы², но часть материалов выявлена нами и в архивных фондах.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22513. Л. 42. Этой практики придерживались во всех уездах Ферганской области как по налогообложению сельскохозяйственных площадей, так и скота. См. Инструкцию относительно взимания в Ферганской области установленного зякетного сбора со скота, утвержденную в 1877 г. // ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 22516. Л. 23—30.

² Источниковедческий анализ и связанную с ним литературу см.: Русские исследователи и путешественники...

Это путевые записи Н. Лещёва и Р. Данибегашвили, дорожники русских купцов и их приказчиков, отчеты приграничных политических обозревателей, донесения начальников военных отрядов, рапорты и распоряжения военных и гражданских властей Туркестана о событиях в Кокандском ханстве, отношении киргизов к Коканду, участии и роли их в повстанческом движении.

Документы, связанные с присоединением Средней Азии к России, в начале XX в. были собраны военным инженером А. Г. Серебренниковым. 70 томов этих уникальных материалов в машинописных копиях составили особый фонд в ЦГА РУз. (Ф. И. 715), но поскольку их критично восприняли официальные царские власти, было опубликовано только четырнадцать томов¹. Наиболее ранние документы, относящиеся к киргизам, датируются в Сборнике 1847 г. и свидетельствуют о борьбе киргизов с кыпчаками Кокандского ханства. Подавляющее большинство документов характеризуют политические события в Кокандском ханстве, выступления киргизов против кокандских войск и обращение с просьбами о присоединении к России.

5. Интересную группу архивных источников составляют всевозможные проекты управления, поземельного и налогового устройства Туркестанского края, сопутствующие им записки об истории, быте местного населения, религии, традициях и обычаях, содержащие немало фактических данных, относящихся к кокандскому периоду. Составление и сбор

¹ *Серебренников А. Г. Сборник материалов...*

в свое время этих материалов были вызваны чисто практическими, фискальными соображениями царских властей. Они имеют тенденциозную окраску и требуют особо критического подхода, но содержащиеся в них фактические данные в ряде случаев не потеряли своего значения и сейчас.

В качестве характерного иллюстративного примера остановимся только на одном вопросе, отражающем суть экономического могущества, — вопросе о собственности на землю в Туркестане после присоединения к России и в Кокандском ханстве в предшествующий период. В 60—70-х гг. XIX в., когда начали разработку проектов Положения об управлении Туркестанского края, чисто в меркантильном плане встал вопрос о государственной и частной собственности на землю в присоединенных районах. Было создано несколько комиссий (М. Николаева, А. Гомзина, Ф. Гирса и др.), приступивших к изучению основ земельного права Кокандского ханства с тем, чтобы на его основе разработать новое аграрное законодательство в Туркестане. При этом столкнулись две прямо противоположные концепции, приверженцев которых, прибегая к современной терминологии, можно разделить: а) на сторонников проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений (и в связи с этим стремившихся обосновать исторически наличие в Кокандском ханстве частной собственности на землю) и б) сторонников феодально-колониального развития края, прежде всего, в интересах царизма и чиновничьего аппарата (отсюда отрицание частной собственности на землю и стремление обосновать тра-

диционность и единственно приемлемую форму государственной собственности на землю) ¹.

Исследователи в подтверждение своей точки зрения (первой или второй концепций) подобрали исторические материалы, которые и могут быть использованы в качестве источника, однако при этом необходимо учитывать, что они в определенной мере отмечены печатью субъективизма собирателей.

К подобного рода материалам относятся и записи решений волостных съездов биев, сведения местных информаторов, составителей официальных отчетов и других чиновников.

Так, при подготовке книги Н. И. Гродекова о юридическом быте казахов и киргизов А. Вышнегорский (фактический автор) использовал как собранные среди киргизов сведения (в частности, его информатором был известный в Таласе бий Курпетай Даулет), так и специально направленные ему начальником Аулие-Атинского уезда В. А. Каллауром материалы «об обычаях каракиргиз и киргиз и о их родопроисхождении». В феврале 1887 г. В. Каллаур передал А. Вышнегорскому 15 книг разных решений волостных и чрезвычайных съездов киргизов, кочевавших по р. Чу ². Названных книг с решениями съездов киргизских биев нам обнаружить не удалось, но факт использования их

¹ В конечном итоге в Положении об управлении Туркестанского края 1886 г. было сформулировано компромиссное решение: верховная собственность на все земли объявлялась государственной, но земля закреплялась в пользование коренного населения по местным обычаям.

² Архив РГО. Ф. 30. Оп. 11. Д. 52. Л. 40.

А. Вышнегорским в изданной им книге ¹ позволяет относиться к публикации в определенной степени как к ценному источнику норм киргизской юридической практики.

6. И наконец, последнюю группу источников, которую только условно можно отнести к архивным, представляют отдельные документы и рукописи, время от времени обнаруживаемые в пещерах, мавзолях или частных коллекциях. Только в течение 60—70-х гг. XIX в. сделано четыре находки, две из которых, по крайней мере, определенно относятся к кокандскому периоду. В мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане ² обнаружен целый архив кокандских документов (более 400 тюркоязычных, около 400 персидских и 38 русских), который обрабатывался В. К. Шуховцовым и В. Н. Настичем для издания. Документы относятся в основном к прошлому самого г. Туркестана, но вносят и некоторые общие уточнения в историю административной и хозяйственной жизни Кокандского ханства.

Так, один из указов свидетельствует о своеобразных должностных пожалованиях, например, некоему Падшаху-ходже «половины благородной должности раиса» Туркестанского вилайета. Долговые расписки, арендные обязательства, документы отказа от права собственности по тем или иным причинам, акты уголовного делопроизводства, решения казиев о «действенном осуждении и по-

¹ См.: *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области...

² Туркестан — один из древнейших городов Казахстана (Южно-Казахстанская обл.).

боях мучительных» виновного в угоне баранов и другие документы указывают на глубину социальных противоречий, которые были характерны как для казахских районов, так и Киргизии времени зависимости от Кокандского ханства ¹.

Как проинформировали нас В. К. Шуховцов и В. Н. Настич, документов, непосредственно относящихся к киргизам, в собрании нет. Тем не менее, общие данные позволяют во многом полнее осветить не только различные стороны социально-экономической жизни г. Туркестана, в окрестностях которого кочевали как казахи, так и киргизы, но и способствуют в определенной степени раскрытию взаимоотношений ханства с соседними кочевыми народами.

В ходе археографической экспедиции 1975—1977 гг. нами среди населения было собрано несколько старых документов актового и распорядительного характера. И хотя по времени они относятся к к. XIX — нач. XX в., своим содержанием традиционно восходят явно к более ранним временам и ретроспективно использованы в соотношении с кокандскими документами. Это, к примеру, васика 1309 (1892 г.) об условиях аренды мелькового участка земли (док. № 3), черновик васики 1318 (1901 г.) на продажу участка земли — «правомочного владения и милька» с последующей его арендой прежним владельцем (док. № 2); распоряжение парваначи от 1336 (1917 г.) о беспрепятственном прогоне киргизами своих отар из Гиссара в Фергану (док.

¹ Кумеков Б. Е., Настич В. Н., Шуховцов В. К. Письменные документы...

№ 1) и др. ¹ Несомненный интерес представляет и бухарская вакфная грамота от 1066 (1655—1656 гг.) о землях в Шахрисябском вилайете ² (док. № 10), служившем с XVIII в. яблоком раздора между Бухарским и Кокандским ханствами. По аналогичным канонам оформлялись позже и все кокандские вакфы.

В 1964 г. руководителем Тянь-Шаньской физико-географической станции Р. Д. Забировым у подножья отвесного склона на берегу Иссык-Куля (близ с. Карабулак Тонского района) обнаружена «пещерная библиотека» ³, состоящая преимущественно из учебных пособий для новометодных школ. Как выяснилось из беседы с Р. Д. Забировым, книги и вырванные листы (не исключено, что и отдельные документы) были некогда запрятаны в пещере на холмистом берегу. С течением времени пещеру размыло и всю «мешанину» вынесло вниз, к озеру, где книги и были подобраны сотрудниками станции. Особого научного интереса сохранившиеся книги не представляют. Но аналогичный факт обнаружения в 1971 г. целого вороха полуистлевших книжных листов и разрозненных документов в другой пещере, уже в Ляйлякском районе Ошской области ⁴, позволил отнестись более серьезно к таким находкам и поставить вопрос о целесообразности специальной экс-

¹ Хранятся в рукописных фондах ООН НАН КР.

² Оригинал — в Ошском областном музее. Фотокопия — в фондах Института истории и культурного наследия ООН НАН КР.

³ См.: *Алтмышбаев А. А.* Ленин и пропаганда... С. 30.

⁴ Образцы материалов переданы автору бывшим студентом-практикантом сельхозинститута В. А. Гучевым и хранятся в фондах ООН НАН КР.

педиции по сбору документов и книг в отдаленных уголках республики.

Примером того, что подобные случайные находки могут иногда таить в себе приятные неожиданности, служит передача в республиканскую библиотеку в нач. 1960-х гг. одним стариком из Атбашинского района (в центре Тянь-Шаня) нескольких книг. Среди них была и рукопись из Атбашинского мазара, которая несколько поколений хранилась у местных жителей. Рукопись в библиотеке зарегистрировали как «Законы Кокандского ханства», поскольку хозяин связывал ее с господством на Тянь-Шане кокандцев. И только специальное обращение к рукописи заставило усомниться в ее отношении к ханскому законодательству. Фотокопия была направлена в Ленинградское отделение Института востоковедения и Институт истории АН Казахской ССР. По заключению востоковедов П. Б. Пиотровского и В. Н. Настича, рукопись содержит три копии довольно известных трактатов по логике к богословию. Это «Солнечный» трактат об основах логики Али ал-Катиби Дабиран (XIII в.), «Критическое изложение логики» Омара ат-Тафтазани (789/1387 г.) и «Догматы» (ислама) в толковании ан-Насафи (XII в.).

Трактаты являются арабскими копиями, переписка которых была закончена в месяце рамадане 1197 г. х. (в июле 1783 г.). У нас нет оснований считать, что копия выполнена в киргизской среде, скорее всего, сделана каким-нибудь ферганским богословом. Но обнаружение ее в одном из самых отдаленных высокогорных уголков Киргизии свидетельствует в определенной мере о степени распространения мусульманской культуры на территории Киргизии.

Рукопись действительно могла служить руководством для кокандских казиев в местных спорах по религиозным вопросам. Во всяком случае, без сомнения, ее появление на Тянь-Шане связано с влиянием и господством здесь в первой половине XIX в. кокандцев.

Предварительное всенародное обсуждение, а затем и принятие в октябре 1976 г. сессией Верховного Совета Закона об охране и использовании памятников истории и культуры дало новый импульс к сбору документальных памятников истории и культуры дало новый импульс к сбору документальных памятников, к которым отнесены «акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы и звукозаписи, а также древние рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания»¹.

После публикации проекта Закона Институт истории АН Кирг. ССР (ныне — Институт истории и культурного наследия НАН КР) создал в составе комплексной археолого-этнографической экспедиции специальную полевую археографическую группу, в задачу которой входили фиксация и сбор старопечатных книг, рукописей и документов на территории Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областей².

В плане полевого археографического обследования всё предшествующее время Киргизия оставалась, можно сказать, «белым пятном» среднеазиатского региона. Отсут-

¹ Правда. 1976. 31 октября.

² Состав группы: В. Плоских (руководитель), востоковед А. Халидов, научные сотрудники: Д. Нурмаматов, А. Ормушев, В. Ратман и фотограф Ю. Михайлов.

стве до революции национальной письменной литературы и мектебов, почти поголовная безграмотность населения не способствовали, естественно, хождению в Киргизии рукописных и печатных книг. Отсюда и бытовавшее нигилистическое отношение к полевой археографии, неверие в наличие здесь ценных письменных памятников прошлых времен. Но оказалось, что владельцев рукописей и старопечатных книг не так уж мало. За полтора месяца работы мы встретились с рядом владельцев и нам назвали много лиц и местонахождений рукописных памятников. При этом почти всюду нам рассказывали, что прежде — четыре десятилетия, полвека тому назад — подобного арабографического материала было намного больше. Однако в силу многих причин — изменение сознания и быта, моральное и физическое старение материалов, стихийные бедствия, обычай захоронения книг вместе с покойным владельцем и т. п. — его объем резко сократился, а местами он совсем исчез. Тем не менее, нам за два полевых сезона — 1976 и 1977 гг. — удалось приобрести свыше 40 рукописей и 60 старопечатных и литографических изданий на староузбекском, таджикском и арабском языках.

По времени происхождения подавляющее большинство этих материалов относится к XIX — нач. XX в., лишь редкие рукописи восходят к XVIII в. или являются копиями более ранних оригинальных произведений.

По месту происхождения все рукописи — с территории Средней Азии, некоторые переписаны на территории Киргизии местными молдо. Печатные книги привозились издалека, их география включает Ташкент, Казань, Бухару, Стамбул, Лакхнау, Канпур.

По содержанию рукописные материалы и книги отражают те формы, в которых были распространены в Киргизии грамотность и образование, исламское учение, литература. Это книги и рукописи как светского содержания — несут историческую и бытовую информационную нагрузку, хоть в малом количестве, но содержат имена и даты, — так и духовного — изложение положений ислама в специфическом суфийском варианте, который был распространен в Средней Азии и Киргизии в XIX в. Это фольклорные и исторические записи киргизского молдо, одного из первых советских учителей на Иссык-Куле Наамата Укубаева; необычайно популярное сочинение по законоведению, этике и исламскому ритуалу среднеазиатского ученого XII в. Бурханаддина ал-Маргинани «Ал-Хидайа» («Верный путь») в индийском литографическом издании 1872 г.; это средневековое шеститомное сочинение по фикху и сборник судебных решений «Ал-Фатава ал-аламгирийа», содержащие тексты исторических документов; анонимный рукописный сборник с бытовыми и поучительно-нравственными сюжетами из Баткенского района; рисоля (трактаты) земледельцев, мясников, ткачей, кузнецов, сапожников и т. п.

Очевидно, что всестороннее исследование находок, раскрытие содержания рукописей и книг позволит выяснить круг чтения и репертуар книг, имевших хождение в Киргизии XVIII — нач. XX в., какие литературные и научные знания были доступны грамотным киргизам в прошлом, какие идеи их привлекали, какими нравственными нормами они руководствовались. Тюркоязычные материалы интересны и с лингвистической точки зрения. На некоторые из них наложил отпечаток язык тех, кто их переписывал и читал, т. е. киргизский язык.

II. Вторую группу составили нарративные источники, рукописи, содержащие материалы по киргизско-кокандским взаимоотношениям. В основном, это уже упоминавшиеся выше кокандские хроники, династийные истории, написанные на таджикском или староузбекском языке, и лишь считанные единицы рукописей, созданных в киргизской среде XIX в., дошли до нашего времени. Их настойчивые поиски в архивохранилищах, мазарах, в среде местных жителей могут привести к новым ценным находкам.

В Центральном государственном архиве Казахской ССР (ныне — ЦГА РК) нами выявлены и использованы в сравнительном аспекте «Эреже» — установления киргизского обычного права, оформленные решением Токмакского чрезвычайного съезда киргизских биев (1—15 мая 1893 г.)¹. В них заметно влияние статей «Положения об управлении Туркестанского края», но в основе лежали традиционные нормы киргизского обычного права, которые и представляют главный интерес.

В объяснительной записке по поводу свода статей чрезвычайного съезда биев начальник Пишпекского уезда А. Талызин отмечал, что он «ничего нового в себе не заключает, а составляет «иредже» (*эреже*), уже давно установившегося и полностью основывается на обычном праве киргизов. При этом подчеркивалось, что «обычаи киргиз-кайсаков и каракиргиз во многом разнятся и по первым обычаям нельзя во всем судить о последующих»².

¹ ЦГА РК. Ф. И. 44. Оп. 1. Д. 443 а.

² Там же. Л. 4—5.

Надо сказать, что царские власти, беспокоясь, как бы постановление Токмакского чрезвычайного съезда биев не приобрело силу закона и руководства в киргизских волостях, изъяли его из обращения, но оно сохраняет значение как источник традиционного обычного права, регулировавшего внутреннюю жизнь и внутреннее управление в киргизском обществе XIX в. и предшествующего времени.

Написанное четкой арабской графикой «Эреже» легко читается, но еще не использовано в научной литературе, хотя представляет несомненный интерес не только для историков, но и киргизских правоведов, философов, языковедов.

Попутно следует отметить, что во время проведения сенатором К. К. Паленом ревизии Туркестанского края, по его инициативе в Ташкенте и Пишпеке были организованы специальные съезды биев для записи норм местного материального права, «бытующего и бытовавшего» среди киргизов и узбеков. В Пишпеке от киргизов присутствовали Шабдан Джантаев, Чолпонкул Тыналин, Ногайбай Даулетпаков, Сулейман Корчин и Узбек Башкоев¹. Материалы в некоторой степени нашли отражение в «Отчетах» К. К. Палена, но сам первоисточник — записи с Пишпекского съезда биев — еще предстоит выявить.

В 1951 г. проф. Б. М. Юнусалиев впервые ознакомился в Ошской области с рукописью «Санаты» киргизского поэта XIX в. (предположительно 1820—1896 гг.) Молдо Нияза. В 1956 г. санаты были переданы заместителем управляющего Рудуправления «Кызыл-Кияуголь» А. Ток-

¹ См.: РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 387.

томбаевым в Академию наук Киргизской ССР. В 1962 г. на Иссык-Куле обнаружена вторая рукопись — героические песни, приписываемые также Молдо Ниязу. Оба сборника хранятся в рукописных фондах ООН НАН КР.

Лингвистический анализ санат дан проф. Б. М. Юнусалиевым, пришедшим к заключению, что они написаны «на киргизском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта»¹. Предварительный источниковедческий анализ санат проведен нами с Т. Назаралиевым², но всестороннее изучение рукописного наследия Молдо Нияза ещё впереди.

Биографических сведений о Молдо Ниязе не сохранилось, за исключением отдельных строк в его наставлениях. Судя по содержанию «Санат», Молдо Нияз объездил Фергану, Чуйскую и Таласскую долины, был на Сусамыре, в Нарыне и Ат-Баши, являлся участником, либо свидетелем важных событий в истории Кокандского ханства и Киргизии 40—70-х гг. XIX в. Все персонажи, упоминаемые в произведениях Молдо Нияза, — исторические личности. Это преимущественно киргизские и кокандские феодалы: Худояр-хан, кратковременный всеильный регент Алымкул, кашгарский бадаулет Якуб-бек, герои и защитники киргизского народа от произвола кокандских наместников Суванкул, Таир и др.

В «Санатах» нет единой, изложенной в систематическом плане, темы. По всему сборнику разбросаны бытовые

¹ Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей... С. 50.

² См.: Плоских В. М., Назаралиев Т. Оригинальные источники... С. 64—72.

и исторические сценки. Немало места отводится повествованию о деспотизме кокандских ханов, безжалостном правлении их наместников, самоуправстве биев. Молдо Нияз критикует жестокость власть имущих, с сарказмом описывает бесчинства ханских посланцев в Киргизии. В целом в «Санатах» можно проследить четыре исторических сюжета: бичевание социальной несправедливости и насилия ханских джигитов; противоборство кокандских и царских войск, занятие русскими Чимкента и Ташкента; положение и роль Алымкула в истории Коканда и Киргизии; бегство отдельных отрядов киргизов и кыпчаков — сторонников Алымкула — от Худояр-хана к Якуб-беку и деспотизм кашгарского бадаулета.

Молдо Нияз не сумел подняться до исторического обобщения или анализа фактов. События он преподносит так, как их воспринимал, — несколько наивно и субъективно в силу ограниченности своего мировоззрения, идеализации отдельных лиц. Его исторические сведения более скудны, чем в аналогичных кокандских нарративных источниках. Но их особая ценность заключается в другом — это одно из немногих исторических полотен, нарисованных представителем киргизского народа о современном ему кокандском периоде.

Несмотря на то, что «Санаты» Молдо Нияза преподносят некоторые события с определенных классовых и религиозных позиций, при достаточно критическом восприятии могут служить серьезным историческим источником. Будучи по своей сути гуманистом, Молдо Нияз по-новому осветил отдельные стороны положения киргизов в Кокандском ханстве.

Нарративные источники, представленные кокандскими и бухарскими хрониками, важны для исторической характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве, определения роли и участия киргизов в политической жизни Коканда. Являясь в подавляющем большинстве придворными хрониками, они почти не отражают экономической жизни общества, не содержат существенно важных сведений по социальной структуре и классовым отношениям, данных о положении трудящихся. Восстания и неповиновение народных масс в них трактуется тенденциозно. Однако при серьёзном критическом подходе они могут быть использованы в исследовании и нами привлекались как по публикациям, так и рукописным собраниям и переводам.

Наиболее ценным нарративным источником по истории киргизов второй половины XVIII в. является сочинение Мухаммед Садыка Кашгари «Газкира- и ходжиган» («Жизнеописание ходжей») ¹. В основном посвященное междоусобной борьбе белогорских и черногорских ходжей за власть в Восточном Туркестане сочинение содержит сведения об участии в этой борьбе илийских и ферганских киргизов. Много внимания в нём уделяется киргизскому предводителю Ковад-бию, действия которого оказались решающими при захвате власти в Кашгаре белогорской партией. Учитывая, что Мухаммед-Садык написал своё произведение по заказу приверженцев черногорских ходжей и отрицательно трактует действия их противников — киргизов, источник потребовал строго критического подхода.

¹ Извлечения из источника переведены и опубликованы: *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари... С. 101—125.

Одним, пожалуй, из самых полных среднеазиатских источников по истории Кокандского ханства является упоминавшееся ранее сочинение «Тарих-и Шахрохи» (хотя в тексте оригинала дважды повторяется «Таварих-и Шахрухийе»). Работа написана Мулла Ниязом (Мулла Нияз-Мухаммед б. Ашур Мухаммед-и Хоканди) в 1288 (1871) г. и опубликована через 15 лет в оригинале на таджикском языке Н. Н. Пантусовым. Отдельные извлечения в свое время были переведены и опубликованы В. В. Бартольдом и В. А. Ромодины¹. В. А. Ромодин любезно предоставил возможность использовать по рукописи сравнительно полное изложение перевода «Тарих-и Шахрохи», что позволило более широко затронуть многие интересные стороны политической истории взаимоотношений киргизов с Кокандским ханством, особенно с середины XIX в.

В I томе «Материалов...» В. А. Ромодин приводит переводы извлечений, касающихся истории Киргизии второй половины XVIII — первой половины XIX в., из рукописей Мирзы Каландара Мушриф-и Исфараги («Шах-наме» или «Тарих-и Омар-хани») и Мухаммеда Хаким-хана («Мунтахаб ат-Таварих») ².

Один из списков упомянутой рукописи Мирзы Каландара под названием «Шах-номаи Омар-хани» («Омархано-ва царская книга») хранится в Душанбе (АН Республики Таджикистан. Инв. № 1083) и нуждается в тщательном изучении. При дальнейшем исследовании сочинения Мирзы Каландара и его списков должна быть привлечена рукопись

¹ Бартольд В. В. Туземец о русском завоевании...; Его же. Извлечение из Тарих-и Шахрохи...; Материалы по истории киргизов...

² Материалы по истории киргизов... С. 224—237.

изложенной в стихах истории Омар-хана, принадлежащая перу кокандского поэта Фазли Намангани, поскольку сочинение Мирзы Каландара восходит к этой стихотворной истории ¹. Заслуживает внимания и рукопись Абдугафура «Зафар-наме-и Худояр-хани» («Книга о победах Худояр-хана»), находящаяся в Ташкенте (ИВ АН РУз. Инв. № 598).

Аннотированное описание таджикских рукописей по истории Кокандского ханства из собраний Ленинградского отделения Института востоковедения (ЛО ИВ) дает Н. Д. Миклухо-Маклай ² (ныне — Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург). К ним еще неоднократно придется обращаться всем исследователям, занимающимся политической историей Кокандского ханства. По фотокопии из фондов ЛО ИВ АН СССР (ныне — ИВР РАН) нами использована рукопись 1870—71 г. «Тухфат ат-таварих-и хани» (Инв. № С-440, в переводе В. К. Шуховцова и В. Н. Настича ³) о политических событиях в Кокандском ханстве от Алим-хана до Худояр-хана, походах на Ура-Тюбе, Джизак и Ташкент. Правда, автор почти не уделяет внимания участию киргизов в этих событиях, но для общего представления об истории Кокандского ханства рукопись несомненно интересна. Особенно ценны «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд» и «Глава о покушении на жизнь эмира Алим-хана» — свидетельства внутренних волнений в ханстве начального периода.

¹ См.: Материалы по истории киргизов... С. 225 и прим. 10.

² Миклухо-Маклай Н. Д. Описание... С. 321—334.

³ Хранится в рукописных фондах ООН НАН КР.

В некоторых письменных памятниках кокандского времени нашла отражение легендарная история основания и «святости» г. Оша. Одно из таких сочинений — «Трактат о городе Оше» — хранилось в рукописных фондах ИВР РАН. Особого исторического значения подобные памятники не имеют, но интересно мифологическое осмысление некоторых моментов, в частности, что город Ош — «лучший из городов», сначала был маловоден, но после перенесения горы и освобождения русла реки стало «в городе Оше достаточно воды»¹.

Военно-политическим событиям в Кокандском ханстве и соседней Бухаре, их междоусобной борьбе посвящен ряд сочинений, опубликованных полностью² или частично описанных советскими исследователями³ («Тарих-и джахан-Нумаи» Муллы Аваз Мухаммеда, «Хулусат ал-ахвал» Абу Убайдуллы и др.). Все они использованы по публикациям при характеристике, главным образом, политических взаимоотношений феодалов и описании борьбы трудящихся против социального и национального гнета.

Социальная действительность ханства, нестерпимый феодальный гнет нашли своеобразный отзвук и в поэзии — в творчестве кокандских поэтов XIX в. Надиры

¹ Рукоп. ИВР РАН. Инв. № С-2038. Л. 42-б—44-а. Фотокопия и перевод В. Н. Настича и В. К. Шуховцова хранятся в фондах ООН НАН КР.

² *Мирза-Шемс Бухари*. О некоторых событиях...; *Саттархан Абдул-Гафаров*. Краткий отчет внутреннего состояния...; *Мирза Абдалазим Сами*. Тарих-и Салатин-и Мангитийа...

³ *Набиев Р.* Уникальный источник...; *Урунбаев А.* Неизвестная рукопись...; *Мухтаров А.* О некоторых неизвестных источниках...; *Маджи А. Е.* Новый источник по истории Коканда...

и Дильшод ¹, рукописные произведения которых и стихи, передаваемые из уст в уста, пользовались особым успехом у простого люда.

Из зарубежных публикаций, относящихся к категории источников, в полной мере использованных нами, следует назвать подборку писем о путешествии Муллы Абдул Маджида — посланца индийского губернатора к кокандскому хану в 1860—1861 гг., а также отчет Т. Монтгомери о путешествии «мирзы» в Коканд с описанием сцен киргизской жизни на Алае ². Представляет интерес как источник и нумизматическая работа американца Чарльза Торре о коллекции кокандских монет, в свое время вывезенной путешественником Юджином Скайдером ³. Но самым полным нумизматическим источником является изданный в Ташкенте в 1976 г. С. Х. Ишанхановым каталог кокандских монет XVIII—XIX вв. ⁴. Нумизматические коллекции позволяют уточнить некоторые детали кокандской хронологии и колебание денежного номинала в Коканде во времена различных правителей.

¹ См.: *Кадырова М.* Надира. Очерк жизни и творчества...; *Мухтаров А.* Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа...; *Каюмов А.* Кукон адабий мухити... (Кокандская литературная среда)...

² Report of Journey to Kokan...; *Montgomery T. G.* Report of «The Mirzas»...

³ *Torrey Ch. T.* Gold coins of Khokand...

⁴ Первые публикации по кокандской нумизматике относятся к середине XIX в. См.: *Савельев П. С.* Список известных доселе монет Кокандского ханства...; *Григорьев В. В.* Современные монеты Кокандского ханства...; *Его же.* Еще о кокандских монетах и событиях..., 1863. *Ишанханов С. Х.* Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. ...

Большой материал и о киргизах, и о ханстве содержится в китайских источниках. В литературе уже многократно писалось о тенденциозности цинских хроник, поскольку в основе официальной историографии лежал с глубокой древности «китаецентристский» принцип. По этому принципу только за китайцами признавалось право на историю, на могущество, на цивилизацию. Все остальные народы рассматривались как «варвары», как данники «могучей» Поднебесной империи. Но все это — внешняя оболочка, призванная удовлетворить честолюбивые замыслы приходящей в упадок цинской династии, внешняя форма, направленная на поддержание блефа могущества. Критический подход к китайским источникам позволяет освободить действительно ценные сведения от наносной шелухи, в которую их облекали цинские чиновники. Первая публикация в России китайских сведений о Восточном Туркестане, среди которых были материалы о киргизах Тянь-Шаня, относится к первой трети XIX в. и связана с именем знаменитого русского синоведа Н. Я. Бичурина. Специальная выборка китайских известий о киргизах XVIII в. сделана А. Н. Бернштамом, а первый опыт сопоставления сведений из китайских, среднеазиатских нарративных и русских источников о киргизах проведен В. А. Ромодиным и А. А. Кондратьевым¹. В фондах ООН и Института истории и культурного наследия НАН КР хранится рукопись проф. Н. Кюнера «Библиография китайской литературы по истории киргизов и Киргизстана» (1947 г.). Здесь же собраны

¹ Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана...; Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов...; Ромодин В. А., Кондратьев А. А. Опыт сопоставления сведений...

переводы извлечений из основных китайских источников XVIII — сер. XIX в. со сведениями о киргизах. Основная работа по переводу материалов была проведена в 50-х гг. ленинградскими востоковедами А. А. Кондратьевым, С. И. Кычановым и Л. Г. Ефимовой. Позже, в 60—70-х гг., над переводами новых извлечений работали Г. П. Супруненко и Н. Мадеюев, труды которых отложились в фондах под общим названием «Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.» (сокр. МИКК).

Как публикации, так и рукописи содержат, в основном, извлечения из китайских источников: «Сиюй вэнь цзянь лу» — «Описание виденного и слышанного о Западном крае» (Чунь Юань, 1777); «Хуанчао фаньбу ялюе» — «Краткий обзор иноземных племен при маньчжурской династии» (Ци Юнь-ши, 1846); «Сичуй ялюэ» — «Сводка основных данных о Западном крае» (Ци Юнь-ши, 1808); «Циньдин Синцзян шилуе» — «Высочайше утвержденное краткое обозрение Синьцзяна» (Сун Юнь, 1821); «Пиндин чжуньгээр фанлюэ» — «Описание умиротворения Джунгарии» и др.

Источники включают отрывочные сведения о хозяйстве и занятиях киргизов, их взаимоотношениях с узбекским населением, раскрывают агрессивную политику маньчжурской империи Цин в отношении народов Восточного Туркестана, говорят об отпоре цинам со стороны киргизов и Кокандского ханства, об участии киргизов в политических событиях и восстаниях Восточного Туркестана.

III. В качестве самостоятельного ценного источника выступают этнографические материалы, позволяющие в ретроспективе подойти к характеристике хозяйства,

социальной структуры и патриархально-родовых форм быта киргизского народа в первой половине XIX в. Это преимущественно черновые материалы — полевые дневники, предварительные наброски и записки, экспедиционные отчеты. Их ценность как источников определяется, в частности, свежестью непосредственного восприятия рассказов киргизских аксакалов, передающих из уст в уста *санжыру* — родословия, старинные предания и различные истории знатоков народных обычаев и быта.

Большая работа по сбору этнографических материалов, главным образом с целью изучения патриархально-родовых пережитков, проводилась в первые годы социалистического переустройства киргизского общества. Специальные экспедиционные поездки 20-х гг. прошлого века Н. Х. Калемина, П. П. Кушнера, П. Погорельского, В. Батракова, Ф. А. Фиельструпа, Н. П. Дыренковой, С. М. Абрамзона дали уникальные материалы о традиционных чертах хозяйства, быта, социальной структуры киргизского населения в прошлом. Они использовались нами как по рукописным оригиналам ЦГА ПД КР и фондов ООН НАН КР, так и по информационным и монографическим публикациям.

Собранные с чисто практической целью анализа существовавшего социально-экономического положения в отдаленных высокогорных районах Киргизии для разработки мер социалистического переустройства киргизского аила и кишлака этнографические материалы позволяют выявить характерные черты хозяйства, быта и социальной жизни киргизского народа в отдаленный кокандский период.

Из названных материалов особо следует отметить «Отчет обследования проф. Кушнером (П. Кнышевым) киргизского хозяйства» (1925 г.) и «Докладную записку» Н. Х. Калемина по результатам обследования в 1925—1926 гг. высокогорных волостей Нарынского района, широко использовавшиеся в практической деятельности в 20-е гг. XX в. всеми, кто интересовался общественной жизнью и традиционными киргизскими институтами.

Позже эти работы были преданы забвению, и только С. М. Абрамзон несколько раз упоминал о рукописи Н. Х. Калемина, отмечая ее историко-этнографическую ценность.

Такой же интерес представляют и более поздние записи этнографов и историков, проводившиеся в ходе научно-исследовательской работы в 30—50-е гг. Полевые записи и экспедиционные отчеты С. М. Абрамзона, А. С. Бежковича, С. И. Ильясова, К. У. Усенбаева, С. С. Даниярова и других хранятся в рукописных фондах ООН НАН КР. Здесь отложилась и этнографическая рукопись Б. Солтоноева — знатока киргизских преданий, хорошо знакомого с внутренней жизнью киргизского аила («История киргизов и казахов». Инв. № 105-7). Отдельные ее разделы содержат материал о связях киргизов с Кокандским ханством, междоусобной борьбе киргизских феодалов, сословном делении киргизского общества, имеют фрагментарные, но ценные сведения о киргизском хозяйстве и традиционном быте.

Множество оригинальных зарисовок и сцен общественной жизни и военной организации в прошлом, крупные исторические сведения, нередко перемежающиеся с фантастическими сценами, содержат монументальные

произведения киргизского народного эпоса в публикациях на русском и киргизском языках. «Манас» в записи 20-х гг. от сказителя Сагымбая Орозбакова и подстрочном переводе таких крупных лингвистов, как Е. Д. Поливанов, И. А. Батманов и др. (полная запись в нескольких томах — 260 п. л. — хранится в рукописных фондах ООН НАН КР), представляет ценный источник по истории Киргизии XIX в. и более ранних времен. Известно, какой большой индивидуальный отпечаток сказителей носят различные варианты эпоса. Сагымбай Орозбаков, проживший большую часть своей жизни до революции, являлся знатоком кокандского периода. Его отец был горнистом у крупного киргизского манапа Ормон-хана и сопровождал его в различных походах. Сам Сагымбай имел возможность слушать своих знаменитых предшественников, живших в первой половине XIX в. и учиться у них. Отличаясь религиозностью, Сагымбай внес в свой вариант пересказа эпоса и ряд мотивов, не свойственных народной природе «Манаса». Они отличаются искусственностью и легко выделяются. Но в то же время Сагымбай «всегда старался наиболее полно отразить в эпосе историю»¹.

Историческим отражением участия киргизов в восстаниях местного населения Восточного Туркестана против цинских феодалов является описание в «Манасе» похода на Кашгар и помощи киргизов Джахангиру. Правда, в эпосе произошло хронологическое смещение — этот эпизод связан с одним из первых походов Манаса, а историческое участие киргизов в восстаниях Ходжи Джахангира

¹ Рахматуллин К. А. Творчество манасчи.... С. 85; *Его же*. Эпос «Манас» и его сказители...

относится к началу XIX в. Отголоском борьбы киргизского народа против цинских агрессоров является и одна из стержневых сцен эпоса — «Великий поход» (или «Поход на Бейджин») ¹. Естественно, «Манас» в качестве исторического источника требует особо осторожного подхода, это «не беспристрастная летопись событий, а эмоциональное отражение действительности» ², но в совокупности с другими источниками может способствовать выявлению истинных исторических событий.

В сравнительном плане привлекались и некоторые фольклорные записи, несущие определённую историческую нагрузку ³, материалы по исторической лингвистике ⁴, словари.

Уникальным по своему значению историческим источником является киргизско-русский словарь живой разговорной речи, составленный большим знатоком киргизского языка и истории К. К. Юдахиным. Словарь содержит богатый этнографический материал, точно фиксирующий значение разнообразных исторических терминов, в частности, позволяющих судить о некоторых сторонах социально-экономических отношений у киргизов, а также хозяйственной терминологии. Словарь содержит многочисленные

¹ «Манас». — Великий поход (вариант Сагымбая) / Пер. Е. Д. Поливанова...

² *Бернштам А. Н.* Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас... С. 165. См. также: *Жирмунский В. М.* Введение в изучение «Манаса»...

³ «Тайлак-батыр», «Песнь об Абдулла-беке», «Песнь о борьбе племен бугу и сарыбагыш» и др. // Рукоп. фонды ООН НАН КР. Инв. № 225. 1566, 128.

⁴ *Поливанов Е. Д.* Киргизская работа...; *Его же.* Отчет о дунганской лингвистической экспедиции...; *Его же.* Разные рукописи...

примеры из произведений киргизского эпоса, множество пословиц и поговорок, отражающих взгляд народа на своё прошлое.

В монографии использована и определённая часть этнографических материалов, собранных нами во время экспедиционных поездок по различным районам Киргизии. В 1961—1962 и 1966—1967 гг. на Алае было сделано несколько записей исторических рассказов о прошлом, главным образом, в связи с участием киргизов в кокандских событиях и восстаниях в Восточном Туркестане. Надо сказать, что до сих пор в народной памяти хранятся передаваемые из поколения в поколение рассказы о киргизском визире Кокандского ханства Алымбеке-датке, о его жене, знаменитой «алайской царице» Курманджан, об их сыновьях Джаркинбае, Абдуллабеке, Батырбеке, Хасанбеке. Летом 1962 г. бывший работник вакфного отдела, старейший житель г. Оша Д. Зайнабитдинов (отец которого некоторое время был писарем у Курманджан-датки), передал нам рукопись воспоминаний о клане крупнейших киргизских феодалов — Алымбеке и его наследниках, их медресе и вакфном хозяйстве, дела которого информатор принял в вакфотдел уже при Советской власти.

В 1968—1969 гг. в Фергане, на Чаткале и в Атбаши, в 1970, 1972—1973 гг. в Кетмень-Тюбе, в 1971 и 1973—1974 гг. в Центральном Тянь-Шане и в Прииссыккулье в 1976 и 1977 гг. в Ошской, Нарынской и Иссык-Кульской областях нами собирались материалы, связанные с вопросами кокандской колонизации Киргизии и историко-хозяйственной терминологией, записывались исторические легенды и предания. Они представляют собой вспомога-

тельный материал, уточняющий лишь детали общей картины исторического прошлого, но могут иметь и более серьезную ценность, как, например, информация туурасуйского жителя (в Прииссыккулье) Касыма Сооронбаева (1892 г. рожд.). Его передача легенды о Кан-Дюбе, о коруке (курук) его предков в Туура-Су, обследование окрестностей позволили нам прийти к выводу о наличии у киргизов в XVIII—XIX вв. своеобразных феодальных хозяйств, огороженных заповедников, коруков, и земледелия в Прииссыккулье в кокандский период ¹.

Наши полевые изыскания привели к убеждению о необходимости привлечения археологического материала как самостоятельного оригинального источника и организации специальных целенаправленных раскопок для выяснения таких вопросов истории Киргизии XVIII—XIX вв., ответы на которые не могут полностью дать другие источники ². С этой целью нами были совершены разведочные поездки и проведены шурфовочные раскопы на упомянутом коруке Туура-Су, зачистки и измерения длинных стен на Иссык-Куле и Алае, раскопки укрепления Улуг-Коргон (Узун-Ахмат) в Кетмень-Тюбе, сняты на план крепость Кан и Дараут-курган, осмотрены остатки кокандских крепостей на Алае, Центральном Тянь-Шане, на Иссык-Куле (Каменское городище в с. Жаркынбаево), обследованы направление и характер старой ирригационной сети,

¹ Плоских В. М. Киргизский корук Туура-Суу... С. 145—159.

² Отметим недостаточное внимание киргизских археологов к позднесредневековым памятникам, хотя А. Н. Бернштам, П. Н. Кожемяко, Ю. А. Заднепровский, Д. Ф. Винник и фиксировали их во время крупномасштабных археологических работ.

собраны и зафиксированы отдельные предметы вооружения и орудия труда киргизов XVIII—XIX вв.¹

Проведенные археологические работы, визуальное обследование развалин кокандских укреплений и киргизских коруков, остатков ирригационных сооружений, гумбезов и мазаров, зимовок и джайлоо позволили лучше понять сущность и особенности развития феодальных отношений в Киргизии и влияние на этот процесс Кокандского ханства; дали возможность точнее определить расположение и предназначение кокандских укреплений на территории Киргизии. Позволили прийти к новым интересным выводам о традиционности коруков как феодальных владений у киргизов, о наличии у них своих укреплений, не связанных с кокандской колонизацией, о степени распространенности и характере здесь земледелия во второй половине XVIII — первой половине XIX в.; и наконец, поставить вопрос о многочисленных «длинных» стенах, очень часто встречающихся на территории Киргизии, о строительной технике киргизов кокандского периода, о широком распространении горнорудных промыслов и др.

Комплексное использование источников убеждает нас в правильности выбранного подхода к решению темы, возможному только с привлечением разносторонних и разнохарактерных материалов, только при их сопоставлении и критическом, строго научном осмыслении.

¹ Предварительные публикации см.: *Плоских В. М.* Кокандские крепости...; *Горячева В. Д., Плоских В. М.* Киргизская крепость XVIII—XIX вв. ...; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Открытие древностей Иссык-Куля...; *Плоских В. М.* Киргизский корук...; *Плоских В. М., Горячева В. Д.* Укрепление Улуг-Коргон...; *Плоских В.* Археологические работы в Киргизии...

Проведенный нами анализ источников позволяет считать их достаточным основанием, серьезной базой для исследования всех сторон взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, существовавшего столетие, уточнить разработанные и раскрыть новые аспекты темы. Однако следует помнить, что при всей комплексности исторические источники всегда неполны и односторонни.

Наша задача заключалась в том, чтобы, дополнив их гипотетическими реконструкциями, представить цельную картину истории взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства и дать им оценку с позиций достижений современной историографии.

Завершая историографический и источниковедческий обзор, необходимо отметить, что он охватывает период до сер. 1970-х ггг. — времени написания и публикации первого издания данной монографии (1977 г.). Литература последующих тридцати с лишним лет требует специального анализа, однако очевидно, что научные положения первого издания сохраняют свою актуальность, они не отвергнуты и лишь частично корректируются последующими научными публикациями.

1. Взаимоотношения киргизов с соседними народами в середине XVIII в.

Три столетия назад разрозненные родоплеменные группы киргизов перемещались на территории от Ходжента на западе Ферганской долины до равнинной части Кашгарии на востоке, от бассейнов рек Талас — Чу — Или на севере до Памиро-Алая на юге. К этому времени уже сформировалась киргизская народность как историко-этническая общность. Феодалные отношения были господствующими. Но родоплеменная раздробленность и прочно укоренившиеся в быту дофеодалные отношения тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению киргизов. Всё это вело к тому, что соседние государства смотрели на Киргизию, как на удобный объект для завоевания.

В связи с этим восемнадцатое столетие для истории киргизов отмечено упорной борьбой с Джунгарским ханством, небезуспешным отражением цинской агрессии, внутренними феодалными усобицами и постепенным подпадением под власть Кокандского ханства. Особенно политически активную роль играли ферганские и тянь-шаньские киргизы, выступавшие совместно с узбекскими племенами минг

и юз ¹. В начале XVIII в. от Бухарского ханства отпадает Фергана ², в ней обособляются несколько самостоятельных мелких бекств. Около 1710 г. узбекский феодал из племени минг Шахрух-бий перехватил власть у ходжей — представителей клерикальных дервишских братств — и положил начало новой ханской династии, правившей в Коканде до 1876 г. ³ Начиная с Шахруха, возведение на престол всех

¹ ПЗСТКЛА. Год 20-й. Вып. 1. С. 78; *Иванов П. П.* Очерк истории... С. 110.

² История Бухары.... С. 119.

³ Для справки и удобства хронологической ориентации приведем генеалогическую таблицу кокандских правителей, поскольку в литературе можно встретить довольно существенные разночтения.

Шахрух-бий: 1709/10—1721/22.

Абд ар-Рахим-бий: 1721/22—1734(?).

Абд ал-Карим-бий: 1734 (?) — ок. 1750/51.

Низам ад-Дин Мухаммад Баба-бий: ок. 1750/51.

Ирдана-бий: 1751—1770.

Нарбута-бий: 1770—1800.

Алим-хан: 1800—1809.

Омар-хан: 1809—1822.

Мадали-хан: 1822—1842.

Шер-Али-хан (Шералы-хан): 1842—1845.

Мурад-хан: 1844.

Худояр-хан: 1844—1858; 1862—1863; 1865—1875.

Малля-хан: 1858—1862.

Шах-Мурад: 1862.

Султан-Сеид: 1863—1865.

Худай-Кул: 1865.

Насреддин-бек: 1875—1876.

Таблица составлена по «Тарих-и Шахрохи», а также по публикациям В. П. Наливкина, Л. П. Стэнли, В. В. Бартольда, В. А. Ромодина, Х. З. Зияева, E. Schuler, Ch. C. Torrey, С. Х. Ишанханова и др. и уточнена по легендам ханских печатей и монет, по архивным материалам.

последующих правителей Кокандского ханства сопровождалось традиционным кочевническим обрядом поднятия на белом войлоке падишахства ¹.

Непосредственно Коканд, сначала как крепость (*кала*), был основан сыном и правопреемником Шахруха Абд-ар-Рахим-бием и в его честь назван Кала-и Рахим-бий. С именем Рахим-бия связано и первое киргизско-кокандское противоборство в Фергане. В это время на политическую арену в качестве активной политической силы выступают в Фергане киргизские феодалы. Даже в материалах русских архивов в документе 1734 г. упоминалось: «Еще есть в соседстве с Водохшанскою (Бадахшан. — *В. П.*) землею малая провинция киргис, где собственной их хан...» ²

Один из среднеазиатских нарративных источников — «Тухфат ат-таварих-и хани» называет ходжентского правителя 20-х гг. Акбута-бия киргизом ³. Он являлся тестем (по другим свидетельствам — шурином) кокандского правителя Рахим-бия и имел на службе специальный киргиз-

¹ Тарих-и Шахрохи. С. 21 и др.

² АВПРИ. Ф. Киргис-кайсацкие дела (Большая Орда). 1774. Оп. 122/3. Д. 2. Л. 12. Речь шла именно о киргизах, а не казахах, которых наиболее осведомленные авторы в России в XVIII столетии довольно четко различали. Так, посол Петра I Флорио Беневени из Бухары в своем секретном донесении — «цифирной реляции» — сообщал о народах, которые окружали Бухарское ханство, это «ташкентцы, киргиси, каракалпаки и казахи». См.: *Попов А.* Сношения России. Приложение... С. 379. П.И. Рычков в своей Оренбургской рукописи, подготовленной в 1749 г., называет народ «алатай-киргизы», которые кочевали около городов Ходжент, Наманган и Маргелан, «в горах каменных и неприступных» // Архив РАН. Р. II. Оп. 1. Д. 126. Л. 9.

³ *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления... С. 130. Прим. 36.

ский отряд со своим пансатом (пятисотником). Мухаммед Хаким-хан, автор сочинения «Мунтахаб ат-таварих»¹, развертывает следующую картину борьбы между ходжентским и кокандским правителями.

Первоначально Акбута, породнившийся с Рахим-бием, передал ему правление Ходжентом, «а сам предался уладам жизни и удовольствиям». Но позже, испугавшись за свою власть, он отдал приказ схватить Рахим-бия. Тому удалось бежать. Высланный в погоню отряд киргизов был почти полностью истреблен. Одно время они помирились, но, в конце концов, Рахим-бий сумел коварством, уничтожить Акбуту-бия и его сыновей и воссесть «на престол эмирства».

Убийство Акбуты послужило началом слияния мелких феодальных владений Ферганы (Ходжента, Маргелана, Андижана) в единое государство, позже оформившееся как Кокандское ханство. Оставив управление Кокандом за собой, Рахим-бий передал Ходжент своему брату Абд ал-Кариму, а Маргелан — младшему брату — Шади-бию². Источник называет Абд ар-Рахим-бия ханом, получившим за подвиги пышный титул *сахибкиран* (один из эпитетов Тимура — «обладатель счастливого сочетания двух светил»). Не исключено, что его «наградили» этим титулом позднее льстивые придворные летописцы, а слово «хан», скорее всего, употреблялось в смысле «правитель», так как этот титул прочно укрепился за кокандскими правителями позднее — с конца XVIII в.³

¹ Перевод извлечений выполнен В. А. Ромодиныным. См. МИКК... Вып. 1. С. 229—232.

² Там же. С. 230—231.

³ См. примеч. В. А. Ромодина // МИКК... Вып. 1. С. 231.

Абд ар-Рахим-бий правил немногим более 10 лет и был убит заговорщиками. Его преемник Абд ал-Карим-бий выступает уже правителем крупного владения. Это его под именем Абды-Карыма называет Г. Потанин «каким-то владельцем Западного Туркестана»¹. Время правления Абд ал-Карима отмечено в источниках союзом с киргизскими племенами и совместным отпором джунгарской агрессии против Ферганы, что можно расценивать как крупный политический успех узбеков и киргизов. Абд ал-Карим возводит свою новую крепость Иски-Урду и переносит в нее столицу государства. Укрепление столицы в определенной мере стимулировалось внешнеполитическим фактором — угрозой нападения со стороны Джунгарского ханства. Именно в это время джунгарские феодалы производят набег на Фергану и осаждают кокандскую крепость².

Джунгарское ханство играло в свое время видную роль в международных отношениях Средней, Центральной и Восточной Азии. Экспансионистская политика джунгарских феодалов тяжело отразилась на исторической судьбе киргизского народа в XVII — первой половине XVIII вв.³ Но временно отеснённые со своих северных кочевий в Фергану киргизы не прекратили борьбы и не порвали связей с оставшимися на Тянь-Шане племенами.

С одной стороны, они представляли внутреннюю «взрывную волну», доставлявшую много неприятностей

¹ Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией... С. 25.

² Тарих-и Шахрохи... С. 31.

³ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства.. С. 3 и др.; История Кирг. ССР. Т. 1... С. 240—242.

джунгарским правителям, потому что всегда были готовы к борьбе.

Посол Петра I И. Унковский, еще во время пребывания на Иссык-Куле в 1723 г., записал о предупреждении, которое им сделали в самой ставке (!) хунтайчжи: «Дабы люди наши за кошею далеко без караульщиков не ходили, опасаясь будто от Казачьей орды и от Бурутов (т. е. киргизов. — *В. П.*), чтобы не увезли кого или не ограбили»¹. По словам Унковского, киргизов там было около 6 тыс. кибиток, «а войска их около 3 000 доброго собраться может»², что представляло серьезную силу, враждебную джунгарам.

С другой стороны, киргизы в союзе с узбеками в 40-х гг. XVIII в. помогли отстоять независимость Ферганы, а в 50-х — освободиться от власти Джунгарского ханства Восточному Туркестану.

Серьезное столкновение между наступавшими джунгарскими войсками и совместными узбекско-киргизскими силами произошло в Фергане в 1745 г. Галдан-Цэрен, подстрекаемый цинами³, направил против Кокандского вилайета войска под командованием двух своих полководцев — Септена и Хотола. Иррегулярному кокандскому войску, в составе которого была тысяча «дымов» киргизов, противостояло джунгарское войско в 20 тыс., вооруженное 10 малыми чугунными пушками, навьюченными на верблюдов. Это столкновение Н. Аристов описывает

¹ Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи. С. 39.

² Там же. С. 193.

³ Перевод извлечений из «Мунтахаб ат-таварих». МИКК... Вып. 1. С. 232.

со ссылкой на утерянную впоследствии рукописную статью Г. Н. Потанина «Карта распределения инородцев в Томской губернии с примечаниями», поступившую в Отделение этнографии РГО в 1873 г. В ходе ожесточенного сражения джунгары были разгромлены, и только половина из них спаслась бегством ¹.

Н. А. Аристов в своей работе небезосновательно полемизирует с В. П. Наливкиным, который вслед за среднеазиатскими хрониками ошибочно относит эти события к 1760 г. ² Однако В. Наливкин прав в том отношении, что было не одно, а несколько джунгарских набегов и сражений. Он пишет об активной борьбе киргизского народа с джунгарскими феодалами, выражавшейся в открытых вооруженных столкновениях, в угоне скота (*барымта*) у завоевателей, что было, в частности, сделано киргизами отделения кутлук-сейит из рода багыш, проживавшими в Тянь-Шаньских горах. Именно в связи с непрекращавшейся борьбой киргизского народа против Джунгарского ханства китайские источники писали, что «даже джунгары во времена своего могущества не могли подчинить бурутов» ³.

Однако борьба против джунгар не всегда протекала успешно. В кокандской хронике «Тарих-и Шахрохи» сообщается, например, о признании Абд ал-Карим-бием временной зависимости от Джунгарии, когда он отправил

¹ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 417—418.

² Ср.: Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства... С. 61.

³ Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае» / Пер. с кит. А. А. Кондратьева // Рукоп. фонд ООН НАН КР. Инв. № 4051. С. 3.

туда заложником своего сына Баба-бека ¹. Зависимость была, скорее всего, номинальной, на которую пошел Абд ал-Карим, чтобы прекратить лишнее кровопролитие и сохранить за собой власть в Коканде. Киргизы же из приферганских гор продолжали вести борьбу против джунгар. В 1748 г. они разбили войска зайсана Доржи. Весной следующего года от киргизов терпят поражение и войска, которые возглавлял брат джунгарского хана Лама-Доржи ². Как сообщал в своем дневнике русский прапорщик Подзоров, в июне этого же, 1749 г., киргизы заманили в ловушку отряд зайсана Якба «и прибили всех 300 человек без остатка». В ответ на походы джунгарских феодалов киргизы сами выступили против их наместника в Восточном Туркестане и осадили г. Кашгар, для обороны которого джунгарам пришлось приложить немало усилий. Из посланных на помощь осажденным джунгарских войск часть оказалась еще в пути разбитой ³. Отголоски этих событий достигли и России. П. И. Рычков в 1749 г. в своей первой научной работе записывает о киргизах, что они «часто воюют с зюнгорскими калмыками» ⁴.

Приведенные свидетельства доказывают, что киргизы в сер. XVIII в., окруженные труднодоступными горными хребтами, сами представляли серьезную военную силу, выступавшую в качестве союзника кокандских правителей

¹ МИКК... Вып. 1. С. 233.

² *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань (рукоп.)... С. 418; *Ромодин В. А., Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления... С. 131.

³ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (рукоп.). С. 418.

⁴ *Рычков П. И.* Краткое известие... (рукоп.). Л. 9.

и успешно противоборствовавшую завоевательным походам джунгарских феодалов.

После смерти Абд ал-Карим-бия джунгары пытались посадить правителем Коканда находившегося под их влиянием заложника Баба-бека, сына Карим-бия. Но через год произошло восстание, Баба-бек был убит и к власти в 1751 г. пришел энергичный Ирдана-бий¹. При нем Кокандское владение окончательно оформляется в самостоятельное государство со своим дипломатическим статусом, равное в международных сношениях Бухарскому и Хивинскому ханствам².

В 1754 г. бухарский эмир Мухаммед-Рахим, кокандский Ирдана-бий и предводитель киргизского племени кушчи Ковад-бий (или Ковад-мирза) выступили равноправными союзниками в борьбе против Ура-Тюбинского владения. Бухарские хроники называют Ковад-бия на этом этапе «сподвижником и опорой Ирданы». Ура-Тюбе, расположенное на стыке Бухарского и Кокандского ханств, пограничное киргизским владениям, более чем на полвека станет яблоком раздора и объектом многочисленных грабительских набегов. Летом 1754 г. оно еще выступало независимым вилайетом, престарелого правителя которого Фазыл-бия поддерживал хисарский владетель Мухаммед

¹ МИКК... Вып. 1. С. 233.

² Первоначально Ирдана пользовался печатью с легендой «Ирдана-бий Кокандский», а с 1768 г. добавился титул *ваннагмий* (букв. «благодетель»), который носили беки, отделившиеся от бухарского хана // ПЗСТКЛА. Год 20-й. Вып. 1. С. 74, 82—83. В 1758 г. бухарский хан принимал послов из Хивы, Балха, Бадахшана и Коканда, из чего следует, что статус Коканда как самостоятельного государства в международном плане уже утвердился. См.: *Иванов П. П. Очерки...* С. 109.

Эминбий (Мад-Амин), с тревогой взиравший на усиление Бухарского и Кокандского ханств. В бухарской хронике «Тарих-и Рахим-хани» эти события представлены следующим образом.

Войска бухарцев, с одной стороны, кокандцев и киргизов — с другой, обложили Ура-Тюбе, на помощь которому подошел хисарский бек. Используя недоверие и подозрительность друг к другу Рахим-хана, Ирданы и Ковад-бия, Мухаммед Эмин решил хитростью внести раскол в стан врага. От имени Ковад-бия он написал подложное письмо, скреплённое поддельной печатью киргизского предводителя. Письмо было якобы адресовано ура-тюбинскому владельцу Фазыл-бию и содержало предложение Ирданы и Ковад-бия о готовности объединить усилия в совместной борьбе против Бухарского ханства. Курьером специально подобрали киргиза и отправили его в сопровождении ура-тюбинского посланника сознательно мимо бухарского караула с тем, чтобы письмо перехватил противник. План удался. Курьера действительно перехватили и письмо доставили бухарскому эмиру. Рахим-хан, и без того не доверявший полностью своим союзникам, с гневом обрушился на Ирдану, обвиняя его в измене. Но тот поклялся в верности и непричастности к письму. Тогда все свалили на Ковад-бия. В лагере союзников начался разлад, взаимные подозрения переросли во враждебность. Здесь уже было не до согласованных военных действий. Бухарцы из предосторожности отступили. Ирдана стал открыто обвинять киргизов в измене. Возмущенный Ковад-бий разорвал союз с кокандцами, «взял своих киргизов и удалился»¹.

¹ ПЗСТКЛА. Год 20-й. Вып. 2. С. 106—109.

На данном этапе прочного союза кокандских и киргизских феодалов не получилось. Он строился единственно на общих захватнических планах, не отвечал интересам народа и в своей основе был противоречивым. Но в то же время у Коканда еще не было возможности силой заставить киргизов подчиниться. Кокандское ханство еще не сложилось в централизованное государство и представляло собой союз более или менее связанных между собой четырех владений — бекств: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского с преобладающим влиянием последнего ¹. Киргизские племена выступали независимо от них.

Не исключено, что разрозненные киргизские племена были связаны каким-то объединяющим началом. Источники упоминают киргизских родоправителей Хаджи-бия, Садык-бия и других, которые в середине XVIII в. наряду с казахскими ханами пользовались в Коканде «большой популярностью». Но чаще всего писалось о Ковад-бие, названном в «Тарих-и Рахим-хани» даже «главой киргизов» ². Надо полагать, его власть и влияние в определенной степени распространялись не только на племя кушчи, но и на другие южнокиргизские племена. Однако нет документальных оснований, позволяющих утверждать, что он предпринимал какие-либо попытки объединить киргизские племена и сосредоточить в своих руках централизованную власть. Это был крупный феодал, энергичный и влиятельный, в связи с чем и более известный, чем другие, но преследовавший лишь свои чисто корыстные

¹ *Иванов П. П. Очерки... С. 108.*

² ПЗСТКЛА. Год. 20-й. Вып. 2... С. 115, 117.

цели. Своей инициативой он сумел выделиться и оставить заметный след на общем небезмятежном фоне событий XVIII в. В связи с этим известный советский востоковед П. П. Иванов и охарактеризовал Ковад-бия как одного из «выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в.»¹.

Основываясь на бухарских и кашгарских сочинениях, можно, действительно, прийти к выводу, что Ковад-бий «был совершенно самостоятельным правителем и в зависимости от личных выгод, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим правителем»².

Разойдясь с Ирданой, Ковад-бий обращает свою инициативу на Восточный Туркестан. Он участвует в 1754—1755 гг. в освобождении Кашгара, Яркенда и других городов от джунгарской зависимости, вмешивается в междоусобную борьбу феодально-теократических правителей — белогорских и черногорских ходжей за власть в Кашгаре. Благодаря «Жизнеописанию ходжей» Мухаммед-Садыка Кашгари³, мы имеем полное представление об этих событиях, отразивших период агонии Джунгарского ханства и политическую активность киргизов в Восточном Туркестане.

Освободившись с помощью илийских и тянь-шаньских киргизов родов кыпчак, найман, чонбагыш, отуз-огул, сарык-калфак от джунгарских наместников в Кашгаре, Хотане и Яркенде, черногорские ходжи развернули борьбу со своими белогорскими соперниками. При этом обе

¹ *Иванов П. П.* Очерки... С. 109.

² ПЗСТКЛА. Год 20-й. Вып. 2. С. 117.

³ *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари... С. 103—124.

партии особые надежды возлагали на киргизские отряды, которые были решающей силой их войск.

Глава черногорских ходжей Юсуф в благодарность за освобождение от власти джунгар назначил предводителя киргизов Амир-мирзу визирем и заместителем правителя Яркенда. Одновременно он обратился к южным киргизам, в частности, к Ковад-бию, с просьбой о помощи против приближающегося соперника — главы белогорской партии Бурхан-ад-дина, выходца из Коканда, но на первом этапе выступавшего в качестве ставленника Джунгарии. В своем обращении к Ковад-бию, которого «из-за его исключительной храбрости называли Бахадур-бием», Ходжа-Юсуф напоминал о заслугах предков киргизского феодала в борьбе с джунгарами («неверными») и призывал поддержать эту славу: «О, Ковад-мирза! Ваши предки были верными муридами наших предков. Ваш предок Галиджа-бий был предводителем (*синахсадар*) мусульманских войск... Он несколько раз преграждал путь боевым мечом этим проклятым неверным и истреблял их... Если вы желаете, окажите честь вашим прибытием (к нам) вместе с вашим племенем (*кабила*)»¹.

Ковад-бий откликнулся на призыв участвовать в борьбе против калмаков. Но пока он собирался, обстановка в Восточном Туркестане переменилась. Умершему Юсуф-ходже наследовал его сын Абдулла-ходжа, который ждал нападения на Кашгар Бурхан-ад-дина. Часть киргизов уже перешла на сторону белогорцев, и Абдулла-ходжа бежал, сосредоточив свои войска в Яркенде. Теперь от того, на чьей

¹ *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари... С. 111.

стороне выступит Ковад-бий, зависело, к кому перейдет власть в Восточном Туркестане. Ковад-бий отдал предпочтение Бурхан-ад-дину, который обещал ему в управление Яркенд. К белогорцам присоединилось к этому времени уже большинство киргизов, ранее поддерживавших Юсуфа-ходжу. В результате, в составе войск Бурхан-ад-дина оказались основные киргизские силы, возглавляемые родоправителями — Ковад-бием, Амир-мирзой, Хаким-мирзой и Суфи-мирзой. Участь междоусобиц черногорских и белогорских ходжей была решена. Странники черногорских ходжей бежали, власть в Восточном Туркестане утвердилась за Бурхан-ад-дином¹. Правда, ненадолго. Приближалось время маньчжуро-цинской агрессии.

Таким образом, к середине XVIII столетия киргизы Ферганы, Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана представляли активную политическую силу. Несмотря на родоплеменную раздробленность, их феодалы — проводители крупных племенных объединений — проводили самостоятельную, независимую политику.

Кокандское владение пока еще занималось «внутренним» собиранием земель и не покушалось на киргизскую территорию. Наоборот, в союзе с киргизскими родоправителями кокандские бии выступали в совместной борьбе против последних завоевательных походов агонизирующего Джунгарского ханства.

Поддержав освободительное движение народов Восточного Туркестана против джунгарских наместников, киргизские войска способствовали возвращению в Кашгаре

¹ *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари... С. 112—125.

власти феодально-теократическим представителям ходжей. В Восточном Туркестане было создано непрочное буферное государство, в котором основную реальную силу имели лишь киргизские феодалы — выходцы из Ферганы и Тянь-Шаня.

2. БОРЬБА ПРОТИВ ЦИНСКОЙ АГРЕССИИ

Ослабленное внутренними феодальными раздорами, непрерывавшейся борьбой киргизского, казахского и других народов за свою независимость Джунгарское ханство в 1758 г. пало под ударами цинского Китая, войско которого «не только стерло ойратское государство с лица земли, но и довершило свою победу физическим истреблением сотен тысяч его обитателей»¹.

Проводя захватническую политику в Центральной Азии, маньчжуро-цинская династия руководствовалась традиционной доктриной китайских императоров — «руками варваров побеждать варваров». В войне против Джунгарского ханства и Восточного Туркестана в качестве такой силы цины пытались использовать казахов и киргизов. При этом усилиями дипломатии, а иногда и прямой военной угрозой они стремились оторвать киргизов от патриотической борьбы некитайских народов против маньчжур. Но это не всегда удавалось. Киргизы с конца 50-х гг. XVIII в. являлись самой активной политической силой, поддерживавшей антицинские выступления местных народов Восточного Туркестана, были участниками почти всех восстаний к. XVIII — нач. XIX вв., направленных

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства... С. 425.

против господства цинов. Киргизы Тянь-Шаня стали на пути распространения цинской агрессии, а после падения Джунгарского ханства помогли части ойратского населения найти спасение от безжалостного уничтожения.

Посетивший столетие спустя Восточный Туркестан А. Н. Куропаткин писал: «Китайцы, вероятно, считали свою власть малоупроченной в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же 1758 г., пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под начальством Фжао-хоя и Фуде с приказанием искоренить джунгаров. Началось страшное избиение калмаков, без разбора возраста и пола. Около 1 000 000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... Жители этой некогда богатой страны были истреблены»¹.

Китайские историки еще недавно сами писали, что «победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии»².

От всего ойратского народа уцелела лишь незначительная часть, по мнению Л. И. Думана, использовавшего китайские источники — около 20%³. Их спасло бегство в пределы Средней Азии, в Россию. Несколько тысяч ойратов

¹ *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны... С. 93.

² Очерк истории Китая / Под ред. Шан Юэ. С. 549.

³ *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского правительства... С. 72—73. В названных выше «Очерках истории Китая» говорится, что из 200 тыс. семейств джунгар «три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России» (С. 549).

осело в Фергане. Они ассимилировались с местными жителями, сохранив лишь родоплеменное самоназвание *калмак*. На севере Киргизии появилось новое племя *сарт калмак* — осколок в прошлом монолитного народа. Таким образом, несмотря на некогда грабительскую политику джунгарских феодалов, киргизский и узбекский народы, предав забвению былые усобицы, приютили несчастных беженцев и оказали им помощь.

После покорения Джунгарского ханства цинские власти были не прочь расширить свои экспансионистские претензии и на территории киргизов. Первые контакты с киргизами показали, что это сделать не так-то легко из-за труднопроходимости высокогорных кочевий, разбросанности их в значительно отдаленных один от другого районах, героического сопротивления населения, не желавшего покоряться. Цинские власти стали более внимательно присматриваться к киргизам и предпринимать попытку к их нейтрализации с тем, чтобы затем вовлечь в подданство. Еще в 1757 г. цинское правительство направило киргизским феодалам императорский указ, «в котором сообщалось, что после покорения Джунгарии... им (киргизам), повелевается соблюдать долг и жить спокойно»¹.

Исходя из традиционной дипломатической практики, пекинский двор с самого начала отношений с соседними неподвластными ему киргизскими племенами пытался предстать в качестве некоего духовного сюзерена. Загра-

¹ «Пин дин чжунгээр фанлюэ» («Описание умиротворения Джунгарии»), 1772. чжэнбянь (основная часть). Цз. 49. С. 27а. (Далее сокр.: «Пинчжунь»). Источник использован и цитируется в переводе Г. П. Сунруненко по рукописи из фондов ООН НАН КР. — В. П.

нические «варвары», по понятиям цинских властей, не могли выступать наравне с Поднебесной империей и им заранее отводилась роль зависимых, хотя богдыхан и не претендовал на право вмешательства в их внутреннюю жизнь. Характерен в этом отношении императорский манифест, объявленный преследовавшим ойратских предводителей китайским генералом Чжао-хоем киргизским феодалам:

«Старейшине бурутского (киргизского) племени.

В Джунгарии, с тех пор как умер Галдан Цэрен, идет междоусобица, население не может спокойно жить.

Я, владыка всей Поднебесной, внутри и за пределами, — везде навел спокойствие. Как можно бездействовать, когда у них (джунгаров) беспорядки!

Поэтому специально послал великую армию покорить Или, схватить Давацы ¹, успокоить все ойратские племена и заставить их (вернуться на прежние) места. Однако джунгары послушали мятежника Амурсану, снова взбунтовались и были разбиты великой армией.

Вы, буруты (киргизы), никогда не вмешивались в дела джунгаров, но издавна являетесь *соседним владением*. Ныне джунгары полностью покорены, и ваши земли стали *смежны с нашей границей*. Если вы, ... тяготее к (нашей) цивилизации, приедете с подчинением, я позволю (вам) жить по-прежнему, не меняя одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако, если пришлете посланника с просьбой, то я увеличу милости и награды. Вероятно, ваши иноземные обычаи отличаются от (обычаев) Срединного государства, поэтому *не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться*, это

¹ Давацы — один из ойратских правителей, соперник Амурсаны.

ваше дело (Курсив наш. — В.П.). Но можно обуздать подвластные (вам) племена, чтобы всегда держались границ. Я также не буду увеличивать войска и беспокоить. Но если вы не проявите спокойствия и смирения, или будете перекочевывать через границу, бесчинствовать и грабить, то сами вызовете конфликт. Тотчас же (наши) войска покарают (вас). Вы раскаетесь и как в дальнейшем добьетесь нашей милости?»¹.

Названный указ не оставляет сомнения в том, что Китай в то время не претендовал на зависимость и даже формальное подданство киргизов. Цинов беспокоило лишь одно — спокойствие на границах, чтобы киргизы его не нарушали. С этим указом цинские эмиссары побывали в киргизских кочевьях Тогуз-Тороо, на Таласе и в Джумгале. Но отдельные попытки демонстрации силы, предпринятые некоторыми китайскими отрядами, вызвали жесткий вооруженный отпор со стороны киргизского народа.

Используя в качестве предлога преследование ойратских беженцев, цинские отряды предприняли попытку летом 1758 г. перейти через долину р. Или на территорию Северной Киргизии, но встретили вооруженное сопротивление местного населения: произошло первое серьезное столкновение киргизов с китайскими войсками. Оно не наложило никакого отпечатка на историческую судьбу киргизского народа — китайские войска здесь не задержались. Однако этого было достаточно, чтобы официальные китайские источники, желая поддержать престиж цинского двора, на основании показаний лишь одного пленного,

¹ «Пинчжунь»... С. 25 а—26 б.

тенденциозно заявили, будто некоторые киргизские бии «выразили согласие покориться (Китаю)»¹.

Если китайские войска не смогли покорить киргизов военной силой, то в смысле установления контактов, дипломатические усилия оказались более плодотворными. По инициативе того же Чжао-хоя киргизы в 1758 г. отправляют свое первое посольство в Пекин. Киргизские послы поехали в столицу, но не с выражением верноподданнических чувств, а с просьбой вернуть им их прежние кочевья, которые временно были захвачены Джунгарским ханством. Не ожидая решения цинского двора (да и фактически не нуждаясь в нем), киргизские племена произвольно заняли прежде принадлежавшие им земли. Цинские власти не успели завести здесь ни одного пикета, ни расположить свои войска. Пограничная линия обозначилась естественным путем южнее Иссык-Куля по высокогорным хребтам Тянь-Шаня. Таким образом, посольская миссия в Пекин оказалась излишней и чисто формальной.

Цинский Китай в это время нуждался в лояльности киргизов, поскольку основное внимание направил на захват Восточного Туркестана. Теократические правители уйгурского государства не представляли для военной силы Китая серьезного препятствия. Учитывая феодальные усобицы, натравливая одних уйгурских правителей на других, используя национальную и религиозную рознь между различными народностями, с жестокостью подавляя вооруженное сопротивление, цинские войска в 1759 г. захватили Восточный Туркестан.

¹ См.: Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм... С. 52.

Представители былой феодально-теократической династии ходжей Бурхан ад-дин и Хан-Ходжа бежали из Восточного Туркестана через Среднюю Азию в Бадахшан, где были убиты местным султаном ¹.

Внешнеполитической экспансией цинские власти пытались, с одной стороны, расширить территориально объекты налогообложения и увеличить фонд обрабатываемых земель. С другой — дать выход части населения коренного Китая на окраины и продемонстрировать силу династийного цинского режима, отвлекая тем самым внимание от классовой и антиманьчжурской борьбы населения Китая.

После завоевания Восточный Туркестан был превращен в имперскую колонию и переименован в *Синьцзян* (буквально: «новая завоеванная страна»), население которого — уйгуры, казахи, киргизы, дунгане и другие национальности — попало под гнет маньчжуро-цинских правителей.

Высшая гражданская и военная власть здесь перешла в руки цинских представителей. Однако исполнительная власть осталась, как прежде, в руках местных феодалов. Лишь старые чиновники и беки были заменены новыми. Таким образом, на далеком западе маньчжуро-цинскими властями создается «военный форпост», из которого они стали угрожать независимости казахского и киргизского народов ².

¹ См.: *Думан Л. И.* Завоевание Цинской империей Джунгарии... С. 270—271. Еще в 50-х гг. XX в. китайские историки так оценивали сложившееся положение: «Борьба уйгуров против цинов потерпела временное поражение, и южные районы Тянь-Шаня (т. е. Восточный Туркестан. — *В. П.*) заняли маньчжуры». *Очерки истории Китая...* / Под ред. Шан Юэ). С. 550.

² *Думан Л. И.* Завоевание... С. 271.

Бегство Бурхан ад-дина и Хан-Ходжи цины решили было использовать для вторжения в киргизские пределы и похода к границам Коканда и других среднеазиатских владений ¹, но безуспешно. Несмотря на то, что феодальная родоплеменная раздробленность ослабляла оборонительную мощь киргизов, они перед лицом серьезной внешней угрозы сумели мобилизоваться и дать отпор агрессорам. Киргизские кочевья в то время не раз служили убежищем кашгарским повстанцам — уйгурам и киргизам, вынужденным искать спасения от цинских репрессий за пределами Восточного Туркестана. В середине 1760 г. тысяча с лишним киргизских семей бежала из Кашгара и поселилась в Атбаши. Цинский император Хун-ли (правивший под девизом Цяньлун) распорядился передать атбашинским киргизам, чтобы те сами выдали беглецов. А за малейшее укрывательство и уклонение грозил вторжением в их кочевья ². Киргизы не выдали беженцев и подготовились к отпору цинским войскам. Надо сказать, что появление китайских отрядов в киргизских кочевьях Тянь-Шаня завершилось уничтожением отрядов. Характерен следующий пример. Когда один из китайских отрядов появился в 1760 г. на Иссык-Кульском побережье, он был встречен ружейным огнем тех самых сарыбагышских родов бия Черикчи, которые отправляли за год до этого свое посольство в Пекин.

В такой ситуации Китай счел нецелесообразным грубо вмешиваться во внутренние дела ставших соседними

¹ Гуревич Б. П. Вторжение Цинской империи... С. 107.

² «Пинчжунь», сюйбянь. Цз. 4. С. 24 б. См.: Супруненко Г. П. Указ. рукоп.

киргизских и казахских владений. Их стали рассматривать в качестве «буфера», «заслона» Цинской империи на западе. В то же время власти внимательно следили за межродовыми и племенными распрями кочевников, настроениями крупных феодальных правителей, старались подкупами привлечь их на свою сторону, а иногда пускали в ход и угрозы, подкрепляя их карательными («инспекционными») набегами пограничных отрядов ¹. В своих сношениях с соседними казахскими и киргизскими племенами цинские дипломаты использовали патриархальные традиции этих народов с целью их психологической обработки ².

Время от времени китайские отряды совершали «инспекционные поездки» на непринадлежавшие им киргизские территории, пытаясь организовать насильственный надзор за расселением киргизов. Совершивший такую поездку в 1760 г. помощник военного губернатора Кашгара Ичжу доносил: «Я внимательно обследовал Атбаши и другие места. Издавна — это бурутская (киргизская) земля, причем за перевалом Барсхан и очень далеко от Или. Если действительно государь вникнет, можно и не изгонять (бурутов)... Хотя эти места близко от Кашгара, но отделены высокими горами, а вблизи много бурутских кочевий. Все-таки бесполезно заниматься» ³.

¹ *Хафизова К. Ш.* О некоторых методах цинской дипломатии... С. 180.

² *Хафизова К. Ш.* К характеристике политики... С. 193—197; *Её же.* О некоторых методах... С. 183.

³ «Пинчжунь», суйбянь. Цз. 7. С. 5 б. См. пер. Супруненко Г. П. Указ. рукоп.

Цинский чиновник вынужден был признать бесплодность попыток завоевания киргизов. И несмотря на то, что сам побывал на их территории (а возможно, как раз и в силу этого), выступал за запрещение киргизам «нарушать и переходить» границу, вторгаться в пределы Восточного Туркестана.

В памяти киргизского населения, в фольклоре, эпосе нашла отражение борьба против цинских агрессоров. Одной из ярких и впечатляющих страниц сагымбаевского варианта киргизского героического эпоса «Манас» является глава «Поход на Бейджин», в которой звучит мысль о необходимости объединения киргизских племен под руководством народного героя Манаса в борьбе против грозного врага — соседнего Китая.

Маньчжуро-китайские власти империи Цин, хотя и претендовали на господство над частью киргизских племен, в то же время всегда считали их заграничными «варварами», чье спокойствие надо было обеспечить благосклонным отношением. Определенную роль в этом играло и то, что киргизы были тесно связаны с все более укрепляющимся Кокандским владением, ставшим на пути экспансионистских притязаний цинов. Когда, уже в первой трети XIX в., один из ретивых цинских чиновников — синьцзянский наместник Юй Линь — предложил было выступить походом на Коканд, ему возразил сам император Миньнин, опасаясь, что его будет трудно осуществить, так как придется идти в чужие земли через территорию киргизов. «Этот план (похода на Коканд), — отвечал император, — давно (лелеем) в нашей душе. Поступая, как ты (Юй Линь) предлагаешь, (мы) нанесем удар в самое сердце. Однако легко говорить и трудно сделать... Представь

себе, сколько нужно средств на военные нужды. Ведь за кордоном что ни шаг — то *не наша земля*, что ни местность — *то не наши люди, а племенам киргизов во что бы то ни стало нужно оказывать щедрые милости*»¹ (курсив наш. — *В. П.*). И это документальное признание территориальной независимости киргизов сделано самым официальным цинским представителем — императором.

Русские источники XVIII в. подтверждают неподвластность киргизов Китаю. Вот что писал о киргизах и их взаимоотношениях с Китаем один из очевидцев — сибирский инженер И. Андреев: «...отражены оные (киргизы. — *В. П.*) недоступными каменными горами, и хотя в рассуждении своей вольности великие чинят на китайских границах обиды, и с китайской стороны и посланы бывають великие команды, но доходить до них (киргизов. — *В. П.*), как за трудностию мест и более, ведая неутомимость их, и храбрость, и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскать никак не могут»². В другой своей работе, опубликованной в конце XVIII в., этот же инженер, указывая на независимость киргизских кочевий между границ казахов, Коканда и Китая, подчеркивал, что киргизы «в рассуждении своей вольности» никому не дают спуска, «организуются великими партиями, жестоко себя защищают»³.

Автор одной из первых исторических работ о киргизах А. Левшин в первой трети XIX в. сообщал, что кирги-

¹ Цит. по: Кузнецов В. С. Экономическая политика... С. 134—135.

² См.: Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 472.

³ Андреев И. Г. Описание Средней Орды... С. 26—30.

зов, «привыкших к вечным сражениям, нелегко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы»¹.

Потерпев неудачу в завоевании киргизов, цинские власти начали проводить политику привлечения на свою сторону отдельных киргизских феодалов, тенденциозно толкуя факты награждения некоторых представителей киргизской родоплеменной знати, взаимообмен посланниками и подарками как проявление «подданства» киргизов.

Авторитетный русский синолог XIX в. В. П. Васильев, характеризуя китайское восприятие исторических событий, подчеркивал, что «всех новых заграничных соседей богдыхан пресерьезно считает заграничными своими подданными и вассалами; раздает им чины, звания, грамоты и печати»².

От приезжавших на аудиенцию к цинскому двору представителей феодальной знати киргизов и казахов даже мелкие подарки и подношения в виде лошадей, собак, кречетов, предметов вооружения и т. п. официальной китайской историографией фиксировались как выплата «дани»³. И все ради создания и поддержания видимости могущества Поднебесной империи. Установление посольских контактов с киргизами преподносилось как признание ими подданства Китаю, но якобы из-за их отдаленности и кочевого образа жизни (в отличие от уйгур) самим императором было «приказано» только представлять

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих орд и степей... С. 273.

² См.: *Хафизова К. Ш.* Россия, Китай и народы Туркестана... С. 114.

³ *Гуревич Б. П.* Великоханьский шовинизм... С. 52—53.

дань и служить преданно, но «освободили» их от уплаты налогов ¹.

Что значит «освободили» от уплаты налогов? Добровольно ли император отказался от прибылей и подданных? Это было возможно лишь в одном случае — требовалось поддержать иллюзорность могущества Поднебесной, тогда официальные цинские круги пускались на дипломатические ухищрения, «приказав» только представлять «дань». Такая «дань» проявлялась в обыкновенных посольских подарках, причем этикет предусматривал также отдари-вание послов. А налогообложение — основной институт зависимости, подданства — из-за нереальности и не предполагалось. Этим и объясняется «милость» императора.

Интересны признания некоторых цинских официальных лиц, зафиксированные документально, что под понятием *зависимости* нередко скрывалось *стремление* добиться этой зависимости или подданства. В этом смысле характерно заявление императора Китая Цяньлуна по поводу казахов, которое в полной мере распространяется и на киргизов: «Когда мы говорим, (что) казахи подчинились и перешли на нашу сторону, то под этим (следует) понимать лишь (наше) *стремление привлечь* (их) подобно владениям Аннам, Рюкю и Сиам ². Желаем, чтобы они стремились к просвещению со стороны нашей династии и только. Отнюдь *не намереваемся (учредить) на их землях области и уезды* (т. е. включить их в территорию Цинской империи. — *В. П.) и установить систему управ-*

¹ Краткая сводка важнейших сведений о западной границе... С. 30—32.

² Имеются в виду Вьетнам, Япония и Таиланд.

ления и поставить чиновников, а также (ввести разделение) на знамена (корпуса) и цзолины (роты), как в Халке»¹ (Курсив наш. — В. П.).

И центральные власти и пограничные наместники Китая лишь поддерживали иллюзию могущества империи, выдавая желаемое за действительное. В то же время исторические факты говорят о видной роли киргизов в политической жизни Восточного Туркестана. При цинском господстве Восточный Туркестан потерял свой прежний облик, стал местом кровавых расправ с непокорным местным населением. По словам современников, цины резали людей, как скот, из человеческих голов возводили башни. Народные песни повествовали, как трудно содержать в Кашгаре лошадь, но еще труднее сохранить голову². В этих условиях киргизы, узбеки, казахи Средней Азии нередко выступали в поддержку насильственно покоренного населения Восточного Туркестана, основную массу которого составляли уйгуры, но где имелись также и многочисленные этнически близкие им народы³.

В китайской историографии 50-х гг. XX в. дана справедливая оценка цинской политики как политики «истребительных, грабительских войн», при которой «завоевание

¹ «Правдивые записи о правлении благородного императора Гаоцзуна великой Цин». Цит. по: *Мелихов Г. В.* Экспансия Цинского Китая... С. 73.

² *Ибрагимова Г. М.* Краткая характеристика некоторых источников... С. 407.

³ В середине XIX в. Синьцзян был заселен уйгурами (до 75%), казахами, киргизами, узбеками, дунганями и другими национальными меньшинствами, общей численностью свыше 4 млн человек. См.: *Халфин Н. А.* Политика России... С. 28.

различных национальностей несло с собой разрушение производства, уничтожение производительных сил, национальный гнет и эксплуатацию. Завоевания вызывали материальное и духовное опустошение народов различных национальных меньшинств и тем самым ввергли их в состояние застоя, либо замедляли их развитие... Покоренные народы, независимо от их национальной принадлежности, вели ожесточенную борьбу против маньчжурского ига»¹.

С завоеванием Синьцзяна цинские власти стали necessarily относиться к тесным контактам киргизского и узбекского населения Кокандского ханства с местным населением Восточного Туркестана. Яркендский правитель Синьжуня обеспокоенно замечал в 1761 г.: «Андижанские² торговцы непрерывно и в большом количестве, приезжая, смешиваются с местным населением». И это вызывало у цинского чиновника опасение, что тем самым «укрывается враг внутренний и внешний». С ним вполне был солидарен и генерал-губернатор провинции Шэньсу и Ганьсу Ян Ин-цзюй, докладывая в этом же году: «В будущем андижанцы, бадахшанцы, буруты (киргизы. — *В. П.*) и прочие мусульмане, торгуя, станут уезжать и приезжать. Безусловно, необходимо специально послать управляющего, чтобы держать в повиновении силой и контролировать. Только тогда можно будет сохранить престиж государства и знать настроения варваров»³.

¹ Очерки истории Китая... С. 560—561.

² Так в китайских источниках долго называли выходцев из Кокандского ханства.

³ Цит. по: *Кузнецов В. С.* Экономическая политика... С. 19—20.

Чиновники небезосновательно тревожились за спокойствие в крае. Жестокий налоговый и национальный гнет вызывал резкое недовольство коренного населения, антицинские выступления которого неизменно поддерживали узбекский, киргизский и другие народы Средней Азии. В этой обстановке Кокандское ханство и киргизские племена представляли не только моральную, но и существенную материальную силу: выступая на стороне повстанцев, они являлись поставщиком отрядов, нередко решавших исход столкновений с маньчжуро-китайскими войсками.

Уже в 1764 г. помощник главы местной уйгурской администрации завоеванного цинами Кашгара эшик-агабек Абд-ар-Рахим пригласил кокандского правителя Ирдану с войсками в Восточный Туркестан для поддержки местного населения в борьбе с немногочисленным еще маньчжурским гарнизоном Кашгара. В следующем году в Уч-Турфане произошло антицинское восстание под руководством хаким-бека Рахматуллы, также обратившегося за помощью в Коканд ¹.

Восстания, в которых неизменное участие принимало и киргизское население, сотрясали Восточный Туркестан в течение всего периода господства Цинской империи.

Подводя итоги рассмотрения борьбы киргизского народа против цинской агрессии во второй половине XVIII в., можно прийти к следующим выводам.

С разгромом Джунгарского ханства и завоеванием Восточного Туркестана Китай создал мощный военный форпост на западе своих границ — Синьцзян, подвергнув

¹ Кузнецов В. С. Экономическая политика... С. 174. (прим. 13 к с. 119).

на его территории жестокой налоговой эксплуатацией и национальному гнету коренные местные народы: уйгуров, дунган, киргизов, казахов, узбеков и др.

Попытки проникновения и завоевания территории Киргизии, а также Кокандского владения цинскими войсками встретили вооруженный отпор киргизского и узбекского населения и были пресечены. Цинский Китай вынужден был довольствоваться тем, что призвал «закордонных» киргизов «сохранять спокойствие» и не нарушать китайских границ.

Киргизские племена представляли собой активную политическую силу, готовую выступить и всегда поддерживать антицинскую освободительную борьбу народов Восточного Туркестана.

3. ПОДЧИНЕНИЕ КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ КИРГИЗИИ

В 60-х гг. XVIII в. в результате успешных военных действий и захватнической внешней политики Ирданы в Фергане Кокандское владение существенно усиливается. Ирдана от политики союза с киргизскими племенами переходит к политике насильственного их подчинения и расширения владения за счет киргизских земель.

1760 г. отмечен притязаниями кокандского правителя Ирданы на родоплеменное объединение киргиз-кыпчаков. Ирдана захватывает и держит под арестом киргизского бия Аманя, брат которого бий Эмур предпринимает энергичные шаги для его освобождения. Отношения между кокандскими правителями и киргизскими феодалами обостряются.

В 1762 г. киргизские бии племени адыгине Мамаг-кул и Арзамат решили открыто выступить против захватнической политики Ирданы. Они намеревались привлечь к союзу сарыбагышских биев Черикчи и Темурджана. Но союза не получилось — сказалась родоплеменная рознь феодалов: сарыбагыши от участия в походе на Коканд отказались.

С конца 50-х гг. XVIII столетия заметно повышается роль южнокиргизского родоплеменного объединения адыгине. Его правитель Хаджи-бий считался даже главой всех ичкиликских киргизов Алая и Оша. Он, по собственному заявлению, мог выставить «200 тысяч людей орды буратов, рассеянных от Бухары до Востока»¹. Западнее уже окрепло Кокандское владение, поглотившее Маргеланское, Андижанское и Наманганское бекства. Киргизский феодал Хаджи-бий при этом соседстве выступал как равный с кокандским правителем. Показателен в этом отношении такой пример, как отправление им китайским властям письма-послания не только от себя лично, но и от имени кокандского правителя Ирданы-бия: Коканд и киргизы наравне выступали при дипломатических контактах с соседней Цинской империей. Но консолидации власти в одних руках Хаджи-бия мешали неутихающие раздоры между киргизскими феодалами.

Воспользовавшись феодальными усобицами киргизов, Ирдана решил присоединить к Кокандскому владению города Узген и Ош с окрестностями, принадлежащие и контролируемые киргизами. В качестве повода для нападения Ирдана использовал ограбление в 1762 г. феодалами

¹ *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков... С. 434.

адыгине каравана кокандских купцов. В этом же году он напал на киргизов и опустошил их земли «в стране Узе» (Узген) ¹. Войска Хаджи-бия, возглавлявшего киргизские племена ичкилик, адыгине и монголдор в борьбе против Ирданы, были разбиты. Кокандцы заняли также город Ош ², ссылаясь на то, что он якобы издавна принадлежал Коканду. Киргизские войска отступили в горы. Вынужден был бежать и Хаджи-бий.

В этом же 1762 г., не желая подчиняться кокандцам, но и не имея сил для сопротивления, из Ферганы в Восточный Туркестан откочевывает со своим родом кушчинский бий Нарбута. Однако положение в Восточном Туркестане существенно изменилось и было уже не таким, как в период уйгурского государства при правлении ходжей. Нарбута отдает предпочтение зависимости от Кокандского владения, а не от цинов и через три года возвращается в Фергану на прежние свои кочевья. При этом он убеждает последовать его примеру родного брата Борхэ, который тоже откочёвывает из Восточного Туркестана в пределы Ферганы. Стремление цинских властей помешать передвижению киргизских родов не увенчалось успехом, равно как и попытки вернуть их в Восточный Туркестан.

Также не дали результатов и послания пекинского двора Ирдане с попыткой вмешательства в дела Коканда. Когда в 1762 г. император Цаньлун потребовал от Ирданы вернуть захваченные у киргизов земли, кокандский правитель не только не прислушался к посланию своего со-

¹ *Бернштам А. Н.* Источники... С. 129.

² *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов... С. 67.

седа, но в следующем году подчинил еще ряд киргизских племен уже в пределах Восточного Туркестана ¹.

Продолжая политику «собирания» земель, весной 1764 г. Ирдана снова выступает с целью покорения Ходжента. Хаджа-бий решил воспользоваться отводом основных кокандских войск из Восточной Ферганы и отомстить за временную потерю Оша. Он неожиданно нападает на Кокандское владение. Ирдана вынужден был срочно заключить мир с Фазил-беком, правителем Ходжента, и возвратиться с полпути. Поход на Ходжент был сорван. Зато вся сила удара пришлась на киргизских повстанцев. Хаджа-бий оказался в плену у Ирданы-бия, но, видимо, ненадолго. Вскоре Ош и его окрестности вновь отошли под контроль киргизов. Однако преодолеть натиск несравненно более сильных кокандских войск киргизы были не в состоянии.

Кокандские правители действовали не одной только силой оружия: они старались привлечь на свою сторону киргизских феодалов, предоставляя им определенные льготы, в частности налоговые, наделяя чинами и званиями, а также лучшими пастбищами. Эти меры действовали не только на ранее независимых киргизских феодалов, но и на привлечённых в кокандское подданство восточнотуркестанских киргизов. Находясь перед дилеммой — цинское или кокандское подданство, киргизы Восточного Туркестана отдавали предпочтение последнему и при первой же возможности стремились откочевать в пределы Кокандского ханства.

¹ *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию... С. 107.

Так, по сообщению китайских источников, в 1763 г. предводитель одного из кашгарских подразделений киргизов по имени Эрби намеревался из Восточного Туркестана «перейти на сторону кокандской границы, чтобы вести кочевой образ жизни со своими племенами и заниматься только отыскиванием пастбищ»¹. В 1786 г. некий татарин (купец?) Габайдулла Абдрахмангулов сообщал сибирским пограничным властям, что «закаменных киргисцов начальник» Абайлы-бек за три года до этого со своим родом в одну тысячу кибиток перешел из Восточного Туркестана в Коканд к Нарбуте-беку. И как ни пытались хитростью и силой цинские власти привлечь откочевавший род, — ничего не получилось. Вмешательство и непреклонность Нарбуты-бека положили конец притязаниям цинских властей — киргизский род остался в подданстве Кокандского ханства².

Если отдельные южнокиргизские племена были завоеваны Кокандским владением силой, другие добровольно перекочевали из пределов Восточного Туркестана, то третьи, не желая подчиняться и не имея возможности к сопротивлению, выбрали иной путь — перемещение в северокиргизские районы.

После разгрома Джунгарского ханства и с началом усиления Кокандского владения из окрестностей Андижана в Чуйскую долину перешло многочисленное племя сарыбагыш. Память о его пребывании на юге нашла отражение в киргизском устном народном творчестве. По преданиям, записанным в начале 70-х гг. XIX в. Г. Загряжским в окрест-

¹ Цит. по: *Бернштам А. Н. Источники...* С. 129.

² ГА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Св. 194. Л. 7.

ностях Токмака, сарыбагыши сто лет до этого находились у Андижана, занимались скотоводством и земледелием. Ими был прорыт большой оросительный канал, названный именем феодала-родоправителя Тыная. Сыновья Тыная — Атаке и Сатыбалды, по преданиям, занимались барымтой, постоянно беспокоили андижанского бека, и он изгнал их. Братья обосновались в Чуйской долине, которая с тех пор стала основным местообитанием сарыбагышей ¹.

Так в памяти народной трансформировались события противоборства южных киргизов с кокандским правителем, наивно объяснялась причина перекочевки на север целого племени. На самом деле причины перекочевки имели серьезную политическую основу: нежелание более подчиняться ферганским бекам и возвращение на земли предков, с которых они были временно оттеснены джунгарскими феодалами.

В результате откочёвки ослабели южные, но усилились северокиргизские племена, которые до 20-х гг. XIX столетия продолжали сохранять независимость. Поэтому мы не можем согласиться с положением, выдвинутым Б. П. Гуревичем, что киргизы Прииссыккуля так же, как и киргизы Южной Ферганы, уже в конце 50-х гг. XVIII в. «находились под контролем кокандских, андижанских и других беков» ². Это произошло и на юге, а особенно на севере Киргизии, значительно позже.

Перекочёвка части ферганских киргизов с юга в Семиречье и одновременное движение с северо-востока на юг

¹ *Загряжский Г. С.* Очерки Токмакского уезда...

² *Гуревич Б. П.* Вторжение Цинской империи... С. 107.

части казахских племён привели к обострению междоусобиц феодалов. При этом некоторые киргизские феодалы стали искать поддержки со стороны Кокандского владения, а казахские феодалы — со стороны России. После того, как в конце 70-х гг. просьба султана Среднего жуза казахов Аблай-хана у России вооруженной помощи для борьбы с киргизами была «не уважена»¹, он попытался собственными силами заставить киргизов потесниться. В 1779 г. Аблай-хан напал на таласских киргизов, «нанес им сильное поражение, взял с них аманатов (знатных заложников. — *В. П.*) и остался кочевать близ Туркестана»². Для закрепления достигнутых успехов султан строит в Таласе в качестве ставки своего сына Адиля крепость-курган, из которой тот должен был управлять окрестными казахами Старшего жуза (и, возможно, таласскими киргизами).

В середине 80-х гг. XVIII в. продолжалась междоусобная борьба киргизских и казахских феодалов Семиречья, ослаблявшая оба народа. Но после ряда жестоких столкновений и гибели известного казахского феодала Барды-Ходжи (1786 г.)³, а также под угрозой возможных нападений со стороны Кокандского владения и цинского Китая, назревала необходимость в примирении. В 1786 г. от казахского султана Хан-Ходжи к киргизским биям Атаке и Есенгулу прибывает посольство для разработки условий соглашения. Посланцы предложили дружбу, однако при этом... потребовали аманатов. Как доносил омский ку-

¹ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 428.

² *Левшин А.* Описание... С. 267—269.

³ *Спасский Г.* Изображение обитателей Сибири... С. 126—129; *Левшин А.* Описание... С. 273—275.

пец Захар Пенъевтов, торговавший в казахских и киргизских кочевьях, киргизы, не выразив определенно ни согласия, ни резкого отрицания, стремились договориться об организации союза между соседями, «ибо де как для вас, так и для нас, — говорили они, — общие неприятели — китайцы»¹.

Но соглашение так и не было достигнуто: некоторые киргизские феодалы, проводя сепаратистскую политику, оглядывались в надежде на помощь со стороны Кокандского ханства. К тому же произошел раскол даже среди феодалов одного племени — сарыбагыш. Бий Есенгул в чем-то не поладил с бием Атаке и последний вынужден был из Чуйской долины перебраться в Восточное Прииссыккулье, на р. Чаты (Шаты), приток Тюпа². Есенгул, в основном ориентировавшийся на Кокандское ханство, видимо, не смог ужиться с бием Атаке, отправившим в 1784 г. депутацию в Санкт-Петербург с просьбой о покровительстве³. Поэтому Атаке и предпочел откочевать к бугинцам, проявлявшим более интереса к России, чем к Коканду.

Но симпатии кокандскому хану отдельные киргизские феодалы высказывали довольно настойчиво. Причиной обращения киргизов к кокандцам служили не только распри киргизских феодалов с казахскими, но и желание заручиться поддержкой войск соседнего хана в случае борьбы с цинскими феодалами. По преданиям, манапы рода сарыбагыш в 1791 г. отправили своих представителей во главе

¹ ГА ОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25. Л. 280.

² *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1... С. 253.

³ ГА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31; Л. 240, 251, 252; См.: *Плоских В.* Первые киргизско-русские... С. 32—41.

с Куватом, сыном Есенгула, и Асаном из рода Джантая, к правителю Коканда. Они привели в дар Нарбуте-беку 18 лучших скаковых лошадей ¹.

Посольство было направлено с целью установления более тесных контактов киргизов с Кокандским ханством и не влекло принятия его подданства. Однако раздираемые внутренними усобицами, стеснением, с одной стороны все более усиливающимся Кокандом, с другой — подступившей к самым границам Цинской империей, подвергаясь набегам казахских феодалов, киргизы тщетно пытались сохранить независимость, всё более подпадая под влияние кокандских правителей.

К 80-м гг. в зависимость от Кокандского ханства попадают все ферганские киргизы и часть киргизов Тянь-Шаня, кочевавших за р. Чирчик ². Но в целом, как видно из записок Филиппа Ефремова, прошедшего в 70-х гг. XVIII в. через Фергану, даже южные (вероятнее всего и в преимуществе предгорные ферганские и алайские) киргизы в основном чувствовали себя вполне самостоятельными, ничем не проявляя подчинённого положения по отношению к ханству. Коканд, по словам Ф. Ефремова, только «смежен» с их владениями ³. Подтверждение тому же находим и в китайском источнике 1778 г.: «Буруты (киргизы) есть название кочевого народа, обитающего между Аньцзичжаном и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би(и). ...Каждый би(й)

¹ *Солтоноев Б.* История киргизов и казахов... (Рукоп.). Инв. №1057. С. 301.

² *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство... С. 92—128.

³ *Ефремов Ф.* Странствования... С. 103.

владеет своею землёю, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга...»¹.

Неоднократные упоминания в источниках о киргизах XVIII в. как независимом народе дают основание считать, что, по крайней мере, большинство его (народа) не было пассивным участником в бурных политических событиях Ферганы и сумело сохранить свою независимость. Можно согласиться с выводом (вытекающим из данных среднеазиатских хроник), что «такие киргизские бии, как Хаджибий, Кубат-бий (Ковад. — В. П.), Садык-бий... в окрестностях долины (Ферганы. — В. П.) господствовали до объединения всей Ферганы и ее окрестностей в одно Кокандское ханство в XIX в., при Алим-хане и Мухаммед Али-хане в окрестностях долины господствовали так же, как кокандские в самой долине»². Однако всё более усиливающееся и расширяющее свои границы Кокандское ханство на протяжении всего XVIII в. предпринимало неоднократные попытки подчинения как киргизского населения предгорий Ферганы, так и более мелких феодальных владений на западе Ферганы.

Трагической страницей истории кокандско-бухарских и киргизских отношений отмечен период долгой обескровливающей борьбы за Ура-Тюбе, Джизак и Ходжент. Еще со второй половины XVIII в., когда Ура-Тюбе выступало наравне с Хивинским, Кокандским и Бухарским владениями, на востоке оно включало и часть территории Киргизии —

¹ Бичурин Н. Я. Описание Чжуньгарии... С. 147—148; Schott W. Uber die acliten Kirgisen... S. 465.

² См.: Валидов А. З. Повествование о походе... С. 117—118.

по Ходжа-Бакир-ган-саю ¹. В окрестностях Ура-Тюбе кочевали и киргизы, которым из-за междоусобной борьбы феодалов приходилось наиболее туго. По сведениям, извлеченным В. Наливкиным из сочинения Мухаммеда Хаким-Хана «Мунтахаб ат-таварих», только Алим-хан совершил на многострадальное Ура-Тюбе 15 походов ².

«Тухфат ат-таварих-и хани» называет 12 походов Алим-хана, сопровождавшихся долговременными осадами крепости Ура-Тюбе ³. И каждый раз поход то со стороны кокандского хана, то бухарского эмира сопровождался избиением жителей и разграблением городов и окрестностей, разрушением домов, разорением хозяйств.

Так, Мулла Нияз, описывая походы Алим-хана, указывал, что он «кроме камней и земли» все разграбил до основания, заслужив эпитет «второго Тимура» ⁴. Оправдывая жестокости и притеснения ханов, Мулла Нияз объяснял их «жизненной» необходимостью: делается, мол, не ради тирании, а вследствие необходимости обороны от врагов и для нападения на них ⁵.

Следовал по стопам своего предшественника в этом отношении и Омар-хан. В 1818 г., желая отомстить бухарскому эмиру, захватившему Ура-Тюбе, Омар-хан осадил Джизак. Однако взять город не хватило сил, и хан вынуж-

¹ Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. ... С. 18.

² Наливкин В. П. Краткая история... С. 88.

³ Тухфат ат-таварих-и хани. Л. 7—8, 16.

⁴ Тарих-и Шахрохи... С.48.

⁵ Там же. С. 55.

ден был отступить, предварительно «разграбив окружающих киргизов»¹.

Феодалы ссорились, а воевать приходилось простому народу; феодалы обогащались, а народ разорялся, утопая в крови погромов и жестоких походов ханских войск.

Кокандские ханы, стремясь расширить свои владения и пополнить казну новыми налоговыми поступлениями, неоднократно предпринимали попытки завоевания киргизов Кетмень-Тюбе — одной из центрально-тянь-шаньских котловин. Но получали отпор. Мирза Каландар, автор рукописи «Шах-наме» («Тарих-и Омар-хани»), сообщает о провале военной экспедиции кокандского главнокомандующего Хан-Ходжи, направленного Нарбутой в Кетмень-Тюбе в к. XVIII в.: «И сколько ни совещались искусенные в делах (мужи) и воители — столпы государства его, обменивались мыслями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ (кетмень-тюбинских киргизов. — *В. П.*), способа покорения этой горной местности выявлено не было»². Алим-хан посылал против киргизов этой котловины Тянь-Шаня своего военачальника Идрис-Кул-бия и также безрезультатно.

Благодатная долина привлекала внимание и самого могущественного из кокандских ханов — Омар-хана. По совету придворных Омар-хан решил напасть на киргизов зимой, когда они наименее подвижны, и, наконец, сокрушить кетмень-тюбинцев. Возглавлял борьбу киргизов против кокандцев некий Сатыке, который был, вероятно,

¹ *Наливкин В. П.* Краткая история... С. 108.

² МИКК... С. 227.

простолюдином, так как в источниках не назван ни беком, ни бием. По традиции придворных хроник, всегда обливавших грязью противников восхваляемых ими ханов и особенно повстанцев, Мирза Каландар (автор истории Омар-хана) не иначе как с самыми ругательными эпитетами упоминает Сатыке, «который с некоторым числом киргизов обратился к подобного рода грабительству и разбою на дорогах, и имя его ославилось в городах и странах»¹.

Предводитель киргизских повстанцев и организатор вооружённого отпора кокандцами в хронике придворного льстеца не мог быть представлен в ином свете. Но именно это и позволяет нам дать должную оценку киргизскому народному герою. Имя Сатыке надолго сохранилось в памяти потомков и зафиксировано в 50-х гг. XX в. в генеалогической таблице саяков, составленной Я. Р. Винниковым².

Но вернемся к источнику, сообщавшему об организации кокандцами похода на Кетмень-Тюбе. «Если хочешь, чтобы этот зловредный разбойник попал в твои руки, — писал Мирза Каландар в «Шах-наме» о советах придворных хану, — очевидно, надо действовать в самые холодные зимние дни, так как зима — бедственное время для киргизов». Окружённые в котловине снежными хребтами и перекрытыми перевалами, киргизы зимой могли стать

¹ МИКК... С. 228.

² *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов... С. 147. Табл. 3. В. Наливкин не называет предводителя киргизов. В его работе под «Сатыке» подразумевается один из киргизских родов, который наряду с багышами и саяками занимал Кетмень-Тюбинскую котловину. См.: *Наливкин В. П.* Краткая история... С. 118.

жертвой кокандцев. В 1237 (1821) г. Омар-хан посылает на Кетмень-Тюбе отряд во главе с уже зарекомендовавшим себя полководцем, одержавшим ряд побед над кочевниками, — наманганским хакимом Сеид-Кул-беком ¹.

Из Ферганы через перевал в долину пришлось идти спешившись. Скрытно подошли к Кетмень-Тюбе. На укрепление напали ночью. Защитникам крепости пришлось бежать. «Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных», Сеид-Кул-бек возвратился с триумфом в Коканд и получил награды от хана ².

Обращает на себя внимание упоминание о наличии у киргизов самостоятельных укреплений, благодаря которым удавалось сдерживать и отражать нападения врагов. В. Наливкин и Н. Аристов прямо называют «укрепление Кетмень-Тюбе», на которое кокандцы «напали ночью». Это привело нас сначала к предположению, а затем, по мере более полного изучения вопроса и проведенных специальных археологических раскопок, к глубокому убеждению о существовании киргизских укреплений, основанных еще до кокандской колонизации. Утвердившийся в литературе тезис о том, что все крепости на территории Киргизии — кокандские укрепления, сначала был подвергнут сомнению, а позже и вовсе отклонён ³.

¹ МИКК... С. 228.

² *Наливкин В. П.* Краткая история... С. 118; *Аристов Н.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 504—505.

³ См.: *Плоских В. М.* Киргизский корук... С. 145—159; *Горячева В. Д., Плоских В. М.* Киргизская крепость... С. 526—527; *Горячева В. Д., Плоских В. М.* Крепость Улуг-Коргон... С. 153.

Кетмень-Тюбинское укрепление, сыгравшее свою роль в отражении предшествующих кокандских набегов, на этот раз пало под ударами ханских войск.

Используя межродовую борьбу киргизских феодалов, ханы нередко сталкивали их между собой, производя тем временем новые грабительские набеги. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет своего сановника — хакима г. Касан Бек-Назар-бия, возглавлявшего киргизский род кутлук-сеид, против киргизов рода сарыбагыш, кочевавших за г. Ош по дороге к Кашгару. Хан распорядился, чтобы «племя (кутлук-сеид) со своим отрядом (*лашкар*), позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя всё время (сарыбагышей), никому из... племени пощады не давать...»¹. В помощь киргизскому феодалу, ревностно отстаивавшему интересы кокандского хана, был придан дополнительно отряд кокандцев. «Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и массу пленных», — сообщали источники, Бек-Назар-бий с ханским отрядом возвратился в Коканд². Так, руками подвластных киргизских феодалов кокандские ханы расширяли государственные границы, присоединяя к своим владениям новые киргизские земли.

Таким образом, где вооруженной силой, где хитростью и коварством, где посулами и наградами киргизских фео-

¹ МИКК... С. 229.

² *Наливкин В.* Краткая история... С.121.

далов, кокандские ханы в нач. XIX в. завершают процесс присоединения южнокиргизских племен, длившийся более полувека.

Кокандский хронист Мулла Нияз, приводя тарих ¹ времени правления Алим-хана (1798/99—1809/10), вставляет в него факт подчинения Алимом казахов, киргизов и узбеков ².

Английский агент Мир Иззет-Улла, приезжавший в 1812 г. в Кокандское ханство, пишет о ферганских киргизах как об уже находящимся в зависимости от Коканда ³.

Завершение присоединения всех южнокиргизских племен к Кокандскому ханству относится к 1821 г., когда Омар-хан завоёвывает Кетмень-Тюбе.

Обобщим вышеизложенное в следующих выводах:

1. Процесс завоевания территории Южной Киргизии Кокандским ханством был длительным (с 1762 по 1821 г.) и отмеченным упорным сопротивлением киргизского народа, его непрекращающейся борьбой за независимость.
2. Зажатому в тисках все более усиливавшихся соседних государств, раздираемому феодальными междоусобицами и родоплеменными распрями киргизскому народу в этих условиях трудно было сохранять самостоятельность. Неравная борьба истощала народные силы. Исторически сложившаяся обстановка облегчала действия соседних стран,

¹ *Тарих* — хронограмма, стихотворный каламбур, расшифровывающий время жизни или правления действующего лица.

² *Тарих-и Шахрохи*... С. 86.

³ *Мир Иззет-Улла. Путешествие*... С. 47.

стремившихся покорить и поглотить разрозненные и ослабленные киргизские племена. Ввиду альтернативы — зависимости от цинского Китая или Кокандского ханства — киргизы склонялись более в сторону Коканда. Часть киргизских племен откочевала из Восточного Туркестана в пределы Кокандского ханства.

3. Кокандским правителям приходилось серьезно считаться со своими южными соседями-киргизами. Во-первых, они обладали реальной военной силой, ополчением, находящимся почти в постоянной боевой готовности. Во-вторых, киргизские кочевья лежали на пути традиционных торговых трасс, соединявших Среднюю Азию с Восточным Туркестаном, Индией; состояние торговли Коканда с Востоком во многом зависело от лояльности южнокиргизских феодалов. Несмотря на зависимость киргизов от Кокандского ханства, они во многом проявляли ещё самоуправство, представляя собой активную политическую силу.

4. ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

К к. XVIII — нач. XIX в. Кокандское ханство становится крупным государством Средней Азии. Его ханы проводят полностью независимую политику, высвобождаются из-под влияния бухарского эмира, чеканят собственную монету — один из показателей самостоятельности правителя. Хотя во всех среднеазиатских нарративных источниках Нарбута называют еще беком, но он первым выпустил свои монеты с легендой «Диргем Высочайший».

Чекан кокандский», и, по словам русского путешественника, «с китайской стороны» именовался уже «ханом»¹. Следует, однако, учитывать, что термин «хан» мог употребляться и в нарицательном смысле, как «монарх». Иностранцами (в данном случае китайцами) этот термин мог быть применен и в дипломатических соображениях с сознательным «повышением» титула правителя. Его наследник Алим и все последующие кокандские правители именовались уже ханами. Полный титул Омара был «Амир ал-муслимин Муххамад Омар бахадур-хан»². Он чеканил монету как «повелитель правоверных», а Мадали-хан, при котором было завершено завоевание всей Киргизии, уже чеканит монеты с легендой «Воитель неверных», «Боролся за веру»³.

Рубеж и первое десятилетие XIX в. были отмечены борьбой между Кокандским ханством и Ташкентским владением. Победителю в этой борьбе в зависимость попало и окрестное кочевое казахское и киргизское население. Но и сама победа во многом зависела от того, на чьей стороне выступают казахи и киргизы.

В к. XVIII в. киргизы, кочевавшие в окрестностях Ташкента, выступали как самостоятельные независимые племена. И.Г. Андреев в своих автобиографических заметках писал, что ни кокандский Нарбута, ни ташкентский Юсуф-Ходжа киргизов (северных) у себя «в протекции

¹ *Ефремов Ф.* Российского унтер-офицера... десятилетнее странствование... С. 175.

² Тухфат ат-таварих-и хани... Л. 38—39; Каталог монет... С. 10.

³ См.: *Савельев П. С.* Список известных доселе монет... С. 122—123; *Григорьев В. В.* Современные монеты... С. 114—115.

не имеют»¹. Из «объяснения» казацкого атамана подпоручика Телятникова о поездке в 1797 г. в Ташкент «для разных испытаний и особливо для узнания предьявляемого изобилия в золотой и серебряной руде» видно, что киргизы в это время от Ташкента не зависели и свободно кочевали к северо-западу от него ².

Но с завоеванием в 1798 г. окрестных казахов Юнус-Ходжа подчинил и часть близрасположенных киргизских племен. Имеются упоминания, что кочевники Таласа и верховьев Чирчика (в Чаткальских горах, где проживало и киргизское население) в 1799—1800 гг. участвовали в отражении кокандской попытки завоевать Ташкент. Горные инженеры Бурнашев и Поспелов, побывавшие в 1800 г. в Ташкенте, пишут не только о подданных ему казахах («киргиз-кайсаках»), но и о киргизах («киргисцах»), говорят о «черных или называемых диких киргисцах, кои живут в горах поблизости Ташкента» ³.

Эта зависимость была непрочной и недолгой, но несомненно одно: киргизы участвовали в борьбе между Коканом и Ташкентом, причем, часть их была на стороне Кокандского ханства (южные киргизы в составе кокандских войск), а часть, возможно, — на стороне оборонявшегося Ташкента (чаткальские киргизы).

Борьба шла с переменным успехом, пока Ташкент не пал. При этом в завоевании Кокандским ханством Ташкента немалую роль сыграли киргизские феодалы. «Кокан, — писал в 80-х гг. XIX в. А. Ф. Миддендорф, — силился ов-

¹ Потанин Г. Домовая летопись Андреева... С. 114—115.

² ГА ОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 60. Л. 12—13.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18541. Л. 89—99.

ладеть Ташкентом уже в 1799 г., но этот город был взят лишь в 1810 г. с помощью кара-киргизов»¹.

Не исключено, что и в составе ташкентских войск Юнус-Ходжи были киргизские отряды, а не только казахские, как упоминается в статье П. П. Иванова. Мулла Нияз, например, отмечал, что во время похода Алим-хана на Ташкент, сопротивление ему оказали войска, состоявшие из казахов и других кочевников («кошун Дешт-и Кыпчак и... другие кочевники») ². Дело в том, что с завоеванием Ташкента пограничная кокандская линия в некоторой степени перекрывала и киргизские кочевья. Во всяком случае, Алим-хан отправляет после этого на север отряды Джумабая Кайтаки и Ирискул-бия «для ограбления киргиз (В. П. Наливкин уточняет: казак. — В. П.)... Разграбив ближайшие аулы *до последней тряпки*, захватив большую добычу и массу пленных, отряд должен был возвратиться» ³. Алим-хан, созвав «биев и других правителей казахских племен, старшин Орды», объявил им о принятии в кокандское подданство ⁴, чем считал свою миссию завершённой.

Завоевав окончательно Ташкент и присоединив его владения, Кокандское ханство тем самым затронуло и часть

¹ Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... С. 385. О дате захвата Ташкента Кокандским ханством в источниках и литературе имеются разночтения. В.П. Наливкин относит его к 1816 г., П. П. Иванов — к 1808 г. и пр. Однако все источники сходятся в одном, что это произошло в последний год жизни Алим-хана, а он был убит в 1809 г.

² Тарих-и Шахрохи... С. 62.

³ Наливкин В.П. Краткая история... С. 97—98.

⁴ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии... С. 196.

северокиргизских племен, вплотную подступило к Семиречью. Кокандских феодалов привлекало скотоводческое население Чуйской долины и Иссык-Куля как объект налогового обложения, поставщик скота для продовольствия, лошадей для армии. Северокиргизские феодалы, не желавшие распространения на свою территорию власти кокандцев, пытались найти опору и помощь со стороны России. 21 ноября 1813 г. с Иссык-Куля на сибирскую пограничную линию выезжают посланцы бугинских киргизов Качыбек и Джакыпбек¹. Они «изустно» высказались за расширение торговли между киргизами и Россией. Со своей стороны обещали также содействие российским торговым караванам «к препровождению через их область, которую миновать нельзя» в Восточный Туркестан и Кашмир. Посланцы настаивали, чтобы их отправили в столицу «для принесения государю императору покорности от себя и своего народа»². Но в России сочли, что время для этого еще не наступило и, наградив «депутатов», ограничились благодарственными и обнадеживающими письмами к киргизским биям³.

Перед угрозой продвигающихся на север кокандцев казахи Старшего жуза обращаются к России за помощью. Суюк Аблай-хан, чтобы избавиться от набегов соседей — манапов и опасаясь кокандцев, в 1818 г. принес от имени 55 тыс. своих соплеменников присягу на подданство Рос-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 171.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 455; Д. 59. Л. 236; ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 425. Л. 4—5.

³ См.: *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи... С. 42—49.

сии. В 1823 г. приняли российское подданство и султаны Старшего жуза Адилевы ¹.

В такой обстановке казахский султан Аблай-хан, в общем трезво оценивая ситуацию, направил царским властям письмо, предлагая отправить своего сына Джочу к исык-кульским киргизам «для склонения их в российское подданство» ². При этом Аблай-хан называл киргизские роды, с которыми у него были контакты, — кыдык, сарыбагыш, атаке и саяк.

В 1824 г. исык-кульские киргизы направляют в Омск своих посланцев Акымбека Улджебаева, Алгазы Шералина и Алымбека Джапалакова. К практическим результатам — принятию российского подданства — и это посольство не привело. Царские власти лишь ограничились обещаниями покровительства ³. Тем временем Кокандское ханство активизирует свою внешнюю политику на севере. В Семиречье разворачивается острая борьба между киргизскими и кокандскими войсками. В 1825 г. Мадали-хан, воспользовавшись феодально-родовыми распрями племен солто и сарыбагыш, направляет свои войска в Чуйскую долину.

Торговый приказчик Файзулла Сейфуллин, возвратившийся осенью этого же года из Кашгара в Россию, рассказывал, что на подчинение чуйских киргизов было выслано 4 тыс. воинов. Часть племен солто и сарыбагыш, не устояв перед такой силой, внесла зякет. Но часть сарыбагышей, не желая подчиняться кокандцам и все еще ориентируясь

¹ *Аристов Н.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 505—506, 508.

² ГА ОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 419. Л. 97—98.

³ См.: *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи... С. 50—61.

на Россию, во главе с детьми бия Атаке (в к. XVIII в. отправлявшего посольство в Санкт-Петербург) отпочковала на Иссык-Куль. Иссык-кульские киргизы в это время ожидали результатов посольства в Россию. Кокандцы для закрепления своего положения в Семиречье построили на р. Чу крепость (Пишпек) и оставили там вооружённый гарнизон¹. Отсюда кокандцы направляют посланцев к иссык-кульским киргизам, предлагая покровительство и призывая принять подданство ханства.

Киргизы, с одной стороны, под угрозой приблизившихся кокандских войск, с другой — не без оснований боясь набегов цинских отрядов, решили дожидаться результатов переговоров с Россией. Из Сибири уже возвращались киргизские делегаты. Вместе с ними шло ответное посольство, представляемое «гарнизонным лекарем» Ф. К. Зибберштейном и хорунжим Т. В. Нюхаловым. И хотя в задачу их небольшого вооружённого отряда официально входил сбор сведений о торговых путях через Казахстан и Киргизию в Восточный Туркестан и Кашмир, Ф. Зибберштейн и Т. Нюхалов имели письма и конкретные предложения к иссык-кульским киргизам².

На плодородных пастбищах Прииссыккуля российское и кокандское посольства встретились с киргизскими манапами, выбирающими возможность сохранения большей независимости.

Суть кокандских предложений была проста и основывалась на разжигании феодальных усобиц между киргизскими племенами. По словам Ф. К. Зибберштейна, ханские

¹ ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 419. Л. 295—296.

² Там же. Л. 27—28.

посланцы «приезжали склонять означенных родоначальников (племени бугу. — В. П.) войти в подданство Кохании, предлагая с тем вместе совокупными силами истребить саргазынских (племя сарыбагыш. — В. П.) киргиз»¹.

И хотя киргизские представители в России не были приведены к присяге на подданство, они были обнадёжены могущественным покровительством. Суть российского контрпредложения, доведенного до бугинских манапов Т. В. Нюхаловым на Иссык-Куле, заключалась в «той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства».

Для принятия окончательного решения — вступить в кокандское подданство или выбрать российское покровительство — на р. Джергалан собрались представители основных киргизских родов, кочующих в окрестностях Прииссыккуля.

Решение было выбрано не легко и не сразу: среди манапов имелись сторонники хана, были и такие, кто опасался близко подступивших кокандских войск, а серьезной вооружённой помощи от России пока ждать не приходилось. Тем не менее, предпочтение было отдано ориентации на Россию. Ф.К. Зибберштейн писал: «Напоследок благоразумные внушением хорунжева Нюхалова... бий Ульжебай (Олджебай) и Епалак (Джапалак) первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли с собою и всех прочих родоначальников»².

¹ *Зибберштейн Ф. К.* Путевые замечания... С. 249.

² Там же.

Кокандские посланцы удалились ни с чем. Исык-кульские киргизы сохранили свою независимость. Более того, они стали активными союзниками других племен, выступавших против ханского деспотизма, — как киргизов, так и казахов.

Хорунжий Н. И. Потанин — отец будущего известного исследователя Азии, сопровождавший в 1830 г. возвращавшихся из России кокандских послов, прошел через казахские кочевья на р. Чу, далее в Ташкент и через Чаткальские горы — в Фергану. В составленных записках он отмечал факт откочёвки из-под кокандской зависимости «Таминской волости» казахов, которых приняли потеснившиеся киргизы. Кокандцы выслали для их возвращения и наказания войско в 15 тысяч¹. Насколько удачной оказалась ханская военная экспедиция, осталось неизвестным. Н. И. Потанин о её последствиях не сообщает, так как уже отбыл тогда из Ташкента в Россию. Мы не нашли сведений и в других источниках. Вероятнее всего, это было началом большого похода кокандцев с севера на Или и Восточный Туркестан в поддержку разгоревшегося там восстания местных народов против цинов, о котором упоминает Ч. Валиханов. Одновременно из Ферганы на Кашгар выступили кокандские войска и киргизские ополченцы, с которыми был один из претендентов на кашгарский престол — потомок ранее правившей там династии ходжей Мад-Юсуф.

Действия войск и повстанцев были успешными. Кокандские войска во главе с минбашой Хаккулы взяли Кашгар, а ташкентские — под руководством Ляшкера-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 24766. Л. 35 а; Потанин Н. И. Записки... С. 287.

кушбеги овладели Яркендом, Хотаном, Аксу и дошли до Музартского перевала ¹.

Активная поддержка Кокандским ханством и рядом киргизских племен в первой трети XIX в. восстаний местного населения Восточного Туркестана против цинских наместников, их участие в выступлениях ходжей — Джахангира и Мад-Юсуфа — основательно подорвали положение там цинских властей. Хотя они и сохранили свое господство, но не смогли воспрепятствовать добровольному переселению в пределы Кокандского ханства 70 тысяч уйгуров, киргизов и других жителей, получивших на новом месте десятилетние налоговые льготы ².

В то же время длительные рейды кокандских войск в Восточный Туркестан, в результате которых северные киргизы как бы оказались в кокандских тисках, послужили хорошей разведкой и пробой сил на подступах к окончательному завоеванию еще оставшейся независимой части территории киргизов.

Час пробил в следующем, 1831 г. Весной этого года ташкентский наместник хаким Ляшкер-кушбеги с войском прошел через Чимкент и Аулие-Ата в Чуйскую долину и далее — на Иссык-Куль. Из Ферганы через Кугартский перевал вышел на Центральный Тянь-Шань (вплоть до Иссык-Куля) ханский минбаши Хаккулы с войском. Внутренние обстоятельства в Киргизии благоприятствовали успеху кокандского наступления. В этот период усиливаются межплеменные распри, феодальные усобицы

¹ *Валиханов Ч. Ч.* Соч. Т. 2. С. 324.

² Там же.

киргизских родоправителей, что умело использовали ханские полководцы. В жестокой борьбе находились правители племен сарыбагыш и саяк, саяк и бугу, сарыбагыш и бугу. Отдельные феодалы сами искали поддержки со стороны Кокандского ханства, которое охотно вмешивалось в борьбу. Эти особенности положения киргизов облегчали их завоевание ¹. Тем не менее, кокандские походы были не из легких. Ч. Ч. Валиханов назвал их «войной» кокандцев с киргизами, когда тысячные войска «сипаев» возглавляли два наиболее способных ханских полководца — мин-баши Хаккулы, узбек из племени юз, и кушбеги Ляшкер, из персидских рабов ².

Две ветви ханских войск (одна с севера, другая с юга) щупальцами охватили всю Киргизию, сомкнувшись на Иссык-Куле. По ходу движения подавлялось сопротивление одного киргизского племени за другим. Нарынские киргизы племен саяк и черик под руководством братьев Атантая и Тайлака организовали вооружённый отпор кокандцам, но в конце концов превосходящими силами регулярных войск — 7 тыс. сипаев Хаккулы — были разбиты. Атантай и Тайлак были взяты в плен и привезены в Коканд, но затем освобождены. Однако, не желая подчиняться кокандцам, они откочевали на Или к казахам Старшего жуза. Позже, разорённые «миграцией», они по приглашению нового ташкентского наместника Исы-дат-хи все же вернулись на свои земли ³.

¹ Джамгерчинов Б. Д. Присоединение... С. 92—94.

² Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 324—325.

³ Там же. С. 199.

В то же время на севере успешно действовал ташкентский кушбег Ляшкер. Он разбил бугинцев и преследовал их отступающие отряды вплоть до Илийского округа, создав угрозу военным поселениям цинов в Восточном Туркестане. Это обеспокоило цинские власти, и они прислали в Коканд «четыре человека китайских послов с предложениями о мире»¹.

В ходе переговоров цинских посланников в Коканде и ответных кокандских посольств в Пекине, в Кашгар был направлен купец Алим-патша с официальным статусом торгового старшины, но фактически являвшийся, по словам Ч. Валиханова, «отдельным губернатором». Почти четвертая часть населения всего Восточного Туркестана в той или иной степени попала в подчинение к кокандцам².

По договору между Кокандом и Пекином хан получал право на торговые пошлины в городах Восточного Туркестана со всех иностранцев, на которых отныне распространялась зависимость от Коканда «в административном и полицейском отношениях»³. В ответ хан обязался строго наблюдать за ходжами и не допускать их до Восточного Туркестана.

По ходу продвижения кокандских войск на пограничных линиях воздвигались укрепления, оставлялись гарнизоны. В верховьях Нарына в 1832 г. Хаккулы⁴ основывает укрепление Куртка, а Ляшкер в Чуйской долине — Токмак,

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 325.

² Там же. С. 325, 372.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же. С. 198; В. Наливкин ошибочно относит казнь Хаккулы по доносу к 1831 г. Ср.: Наливкин В. Краткая история... С. 132.

на Иссык-Куле — Каракол, Барскаун и др. Несколько ранее на Алае были построены Кызыл-Курган, Сары-Таш и Дараут-Курган, на Памире — Таш-Курган. В результате границы киргизов с юга и востока были отмечены сетью укреплений, не только юридически закреплявших границы ханства, но и ставших серьёзной фортификационной преградой на пути возможного повторения цинской агрессии на территорию Средней Азии. «Кокандцы, — писал Ч. Ч. Валиханов четверть века спустя, — подчинив дикокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»¹.

Политические события второй половины XVIII — первой половины XIX вв. показали, что Киргизия представляла собой не только экономически привлекательный, но и стратегически важный район Средней Азии. Оценивая значение Киргизии и борьбу за господство над ним трёх более могущественных соседних стран — Кокандского ханства, Цинской империи и России — западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды, в угле трех смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный их дух, нежели других киргизских (казахских. — В. П.) племен, делают преобладание сею ордою предметом, весьма важным для каждой из трех держав»².

В результате отпора цинской агрессии со стороны киргизского народа, при невмешательстве и пассивности России (несмотря на просьбы киргизов о подданстве), верх

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 326.

² АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1844—1863. Д. 1. Л. 36.

одержала завоевательная политика кокандских ханов. Постепенно вся территория Киргизии попадает в зависимость от Кокандского ханства. Этот процесс не был ни добровольным, ни мирным для местных народов. Он встречал вооружённый отпор киргизов. Но феодальная разобщённость и родоплеменные усобицы не позволили добиться организованного сопротивления. В течение 1810—1831 гг. территория и Северной Киргизии поэтапно включается в состав Кокандского ханства.

Захват Киргизии Кокандским ханством и возведение пограничных крепостей ставят окончательный заслон агрессивным притязаниям Цинской империи на киргизскую территорию.

В то же время киргизы и узбеки Кокандского ханства не оставляли в беде народы Восточного Туркестана (уйгуров, киргизов, казахов и др.), борющихся против цинского гнета и оказывало им посильную помощь. Один из омских обозревателей в 1841 г. подчёркивал, что во время последних столкновений с китайцами киргизы «оказали Кокании большие услуги, которыми очень гордятся»¹.

В целом же завоевание Киргизии Кокандским ханством ставило киргизский народ в условия двойного жесточайшего гнета — деспотического налогового пресса кокандских ханов и эксплуатации собственных феодалов. В народной памяти этот период отразился как время беспросветной темноты и забитости, беспощадного угнетения и ханского произвола.

¹ Обозрение Кокандского ханства... С. 209.

1. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

По мере завоевания Киргизии отдельные ее районы и родо-племенные объединения включались в состав того или иного вилайета Кокандского ханства. Однако строго централизованного управления и устоявшегося территориально-административного устройства в ханстве не было. Оно представляло собой военно-бюрократическую машину, основывающуюся на деспотических принципах. А «единственный принцип деспотизма, — указывал еще К. Маркс, — это презрение к человеку, обезчеловеченный человек»¹.

Административное устройство и управленческие функции Кокандского ханства пока не нашли достаточного отражения в литературе. Их рассматривают обычно либо в аспекте государственного устройства соседнего Бухарского ханства, либо совместно — Бухарского и Кокандского ханств², что объясняется скудостью непосредственно кокандских источников. В этой связи охарактеризуем

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 374.

² Иванов П. П. Очерки по истории... С. 131, 185; История Узбекской ССР. Т. 1. С. 637.

вкратце государственно-административное устройство Кокандского ханства, в состав которого была включена Киргизия и которое накладывало определенный отпечаток на характер подчинения киргизов.

Кокандский хан юридически и фактически являлся верховным и безграничным правителем, деспотом. Хорунжий Потанин, посетивший Коканд в 30-е гг. XIX в., отмечал: «Хан управляет самовластно: он без всякого суда отрешает от должностей или казнит чиновников, смотря по важности преступления»¹.

Однако деспотизм и единоначалие хана не исключали существования некоего совета при дворе, который чаще всего играл роль совещательного органа². Но временами, при определенных условиях (малолетство хана, хан — ставленник группы феодалов) такой совет мог выступать как орган реальной власти, вершивший делами в государстве, но... опять-таки от имени хана.

Ханское придворное окружение состояло из сановников, нередко носивших (в буквальном переводе) звание ханской прислуги. Их влияние и могущество при дворе определялись не столько занимаемой официально должностью, сколько благорасположением ханов. Хан нередко был полностью в руках группировок — узбекских феодалов, предводителей отдельных племен или отделений киргизских родов, кыпчаков и т. д. Заговоры в пользу лиц

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 24766. Л. 23.

² Такие совещательные органы из «сановников и вельмож», к которым ханы обращались в трудные минуты, имелись при Нарбуте, Алим-хане, Омар-хане. См.: Тарих-и Шахрохи... С. 63—65, 88—89; МИКК. С 227—228.

не ханской династии или чуждых соседних правителей в Кокандском ханстве отсутствовали. В то же время победившая в ходе феодальных усобиц какая-либо «партия» при хане делила власть между своими представителями. Главные феодалы — зачинщики и победители — оставались при хане, чтобы «стеречь» его. Они занимали и основные правительственные должности при дворе, руководство вилайетами и крупными бекствами. Их сторонники получали в управление остальные важные административные, политические и экономические центры.

При захвате Шералы-ханом в 1842 г. власти в Коканде одним из его основных «сподвижников и опорой» был киргизский феодал Юсуф. Хан назначает его минбашой и предводителем войск. Заняв престол, Шералы первым делом старается укрепить свое положение в крупнейших центрах и вскоре во всех вилайетах ханства утверждается новая администрация. Местные феодалы и киргизские родоправители жалуются особыми ярлыками — грамотами, определяющими власть ¹.

Строго разграниченных функций управления и полномочий сановников не было. Они зависели от степени влияния их на хана и его благорасположения. К примеру, Худояр-хан, вступив на престол, отменил многие должности, сместил целый ряд сановников — минбаша, кушбеги и пр., перераспределил должности, управление вилайетами раздал бекам из ближайших сподвижников ², поэтому в разных источниках и литературе встречаем несколько отличную одна от другой характеристики полномочий

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 136, 146 и др.

² Нурекин А. Очерки истории Кокана...

и обязанностей ханских чиновников ¹. В несколько обобщенном виде она представляется следующей. *Минбаши* (или мингбаши, букв. *тысяцкий*) — высший светский чин, второе лицо после хана. Должность, учрежденная Омарханом, в функцию которой входили дела первого по управлению государством визиря. Это, как считал П. П. Иванов, «нечто среднее между министром внутренних дел и государственным канцлером» ².

Нередко минбаши, как, например, завоеватель Центрального Тянь-Шаня Хаккулы, возглавляли в ханстве и военное дело, выступали в роли главнокомандующих.

Звание минбаши в ханстве закреплялось за должностью и было единственным. Со сменой лиц звание переходило к преемнику. Так, Мулла Нияз сообщает, что при Мадали-хане первоначально минбашой был киргизский феодал Юсуф. Но затем его отправили хакимом Маргелана и минбашой назначили Хаккулы. Пришедший к власти в 1842 г. при помощи киргизов Шерали-хан снова сделал Юсуфа минбашой, однако вскоре возвратил его хакимом Маргелана, возложив должность минбаши на нового фаворита — Шади-датху ³.

Следующим за минбашой по своему значению был титул *кушбеги* ⁴ (букв. *сокольничий*) — правитель крупного

¹ Ср. Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве... С. 8; Его же. Исторические известия... С. 331—332, 358; Schuler E. Turkistan... V. 2. P. 7; Иванов П. П. Очерки по истории... С. 185.

² Иванов П. П. Очерки по истории... С. 185.

³ Тарих-и Шахрохи... С. 113, 136, 155.

⁴ В Бухарском ханстве — это второе после хана лицо, по полномочиям равное минбаши Кокандского ханства.

округа, совмещавший и звание командующего войсками. Наместник Ташкентского округа, которым обычно был кушбеги, иногда еще назывался *беклербеги* (букв. бек над беками), что было вызвано особым значением этого округа для Кокандского ханства. Далее шли административные должности правителей вилайетов и бекств — *хаким, бек аталык, датха (датка)* и пр.

Территориально-административное устройство Кокандского ханства имело свои особенности и своё конкретное выражение. Столица, а также районы и сёла, непосредственно относившиеся к Коканду и управлявшиеся лично ханом, состояли в централизованном подчинении, хотя могли находиться формально на территории какого-либо вилайета или бекства.

Крупные *вилайеты* — области, управлялись ханскими ставленниками — кушбеги и хакимами. Вилайеты делились уже на бекства (районы), которые подчинялись хакимам и управлялись назначаемыми ханом либо хакимами лицами. Когда управление бекством поручалось ханским родственникам или наследникам, оно переходило непосредственно в столичное подчинение.

Бекства подразделялись на более мелкие административные единицы, в разное время называемые то *аминствами*, то *серкерствами*, — административные районы местного управления. Далее шли *аксакальства* (волости), которые состояли из *кишлаков* и *аилов*, являвшихся низшими и основными налоговыми ячейками.

Система административного устройства ханства не была стабильна и претерпела существенную эволюцию к 70-м гг. XIX в. Это зависело не столько от объективных условий (расширение границ, стратегические задачи

и т. п.), которые тоже играли свою роль (но не основную), сколько от желания и прихотей ханов — здесь во всей полноте раскрывается феодальный произвол. Достаточно было смениться на престоле хану, появиться новому фавориту или еще одному наследнику, как могло возникнуть и новое бекство для него, произойти новое перераспределение должностей.

Первоначально во второй половине XVIII в. при Ирдане Кокандское ханство состояло лишь из четырех более или менее автономных бекств: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского. Ирдана — правитель Коканда — считался основным, верховным беком, остальные занимали подчиненное по отношению к нему положение¹. Позже эти бекства превратились в вилайеты, которые в XIX в. по размерам уступали только одному Ташкентскому наместничеству. Иногда по традиции они продолжали называться бекствами. Законченный вид административная система ханства получила при Алим-хане и своего апогея достигла при его преемнике Омар-хане, который установил наиболее централизованное правление, создал стабильную государственную машину².

К сер. XIX в. основными вилайетами ханства являлись Андижанский, Маргеланский, Наманганский, Ходжентский и крупное наместничество — Ташкентское. В одном из архивных документов от 1292 (1875) г. упоминается также «вилайет Ош, один из вилайетов, подведомственных столице — Коканду»³. Они передавались приближенным

¹ *Валиев З.* Повествование о походе... С. 112.

² *Holdsworth M.* Turkestan... P. 5.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 19. Оп. 1. Д. 34947. Л. 2.

ханским чиновникам «на откуп» за большие суммы. В. В. Вельяминов-Зернов упоминает, например, что ташкентский наместник кушбеги Нор-Мухаммед ежегодно вносил в казну «по 40 тыс. червонцев»¹. Определенные «отступные» суммы были установлены и за другие вилайеты. Изыскивались они, понятно, с подведомственного окрестного населения, где кушбеги и хакимы распоряжались почти безгранично.

В последние годы в ханстве имелось 15 бекств, которые зависели непосредственно от хана, но некоторые входили и в состав вилайетов². Беки управляли как ханские вассалы. Они не пользовались только правом смертной казни и то лишь юридически, на деле же исполняли всю полноту власти. В то же время сами они лично находились в полной зависимости от ханской воли. Будучи фактически самостоятельными правителями в своих владениях, беки раз или два в год должны были являться во дворец с докладом и дарами (*тартук*) для хана и наиболее влиятельных сановников³.

Кушбеги, хакимы и беки, как только вступали в должность, начинали раздавать подведомственные им города и села своим родственникам, фаворитам и сторонникам. Окружение каждого такого сановника представляло собой как бы ханский двор в миниатюре — с таким же подобострастием придворных и безграничным деспотизмом по отношению к простому народу.

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Торговое значение... (Рукоп.). С. 11—12.

² Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства... С. 6; Его же. Некоторые сведения о Ферганской долине... С. 438.

³ Хорошхин А. П. Заметки о Кокане... С. 189.

Более мелких районов местного управления в 60-х гг. в ханстве имелось несколько десятков. Английский агент Мулла Абдул Маджид, проживший около шести недель в Коканде, насчитал их 78 ¹. Это были своего рода волости, аксакальства, которые управлялись обычно чиновниками в ранге *юзбаши* или *юзбеги* (букв. сотник).

В крупные кокандские крепости с гарнизонами в сотни солдат (типа Пишпека, Мерке) особыми ханскими указами — хирманами — назначались военно-административные чиновники в ранге *датхи* (кирг. *датка*) ², *эшик-агаси* и т. п.

В качестве примера приведем ярлык Худояр-хана от 1846 г. о назначении Мирзы-Алима комендантом Мерке и правителем окрестного киргизского и казахского населения.

«Он живой.

Наше Абуль-Музаффара Сеид-Мухаммед Худояр-Багадур-хана повеление (слово).

В силу того, что плодотворная деятельность верных, преданных и покорных наших должностных лиц и служащих составляет предмет Нашего просвещенного внимания и особого Высочайшего поощрения, Мы находим возможным проявить и выразить царскую милость в отношении доброжелательного и преданнейшего Мирзы-Алима эшик-агаси назначением его правителем крепости Мерке и начальником ея населения.

¹ Report of a Journey to Kokan... P. 10.

² Чин «датха»/«датка» некоторыми дореволюционными исследователями приравнивался к офицерскому званию полковника. См.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь... С. 187.

Надлежит, чтобы все должностные лица главных и второстепенных учреждений, равно как и население окрестных районов, признавая вышеозначенного чиновника своим правителем, относились бы к нему, как к должностному лицу, назначенному на помянутую высокую должность Нами, с полным почтением, уважением и преданностью.

К содержанию настоящей грамоты (*ярлыка*), утвержденной и скрепленной Нашей украшающей печатью, относиться с полным доверием.

Дана в 1-й день месяца Джемади-ус-сани 1263 года (год барана)»¹.

Непосредственно мелкими кокандскими укреплениями на территории Киргизии, такими, например, как Дараут-Курган, управляли коменданты — токсоба, под началом которых состояли небольшие гарнизоны в десятки солдат.

Административный аппарат в Кокандском ханстве содержался не за счет ханской казны: он был предоставлен сам себе и изыскивал средства на свое существование ограблением окрестного податного населения. «Расходов по администрации, — сообщал Венюков, — ханское правительство почти вообще не знает, предоставляя бекам самим заботиться о своем вознаграждении за труды»².

Некоторое исключение составляли только кокандские офицеры, постоянно находившиеся в составе регулярного войска. Мнение большинства дореволюционных исследователей, принятое и А. Л. Троицкой³, относительно того, что войско в Кокандском ханстве было исключительно ир-

¹ ПЗСТКЛА. Год 8-й. С. 24.

² *Венюков М. И.* Военно-статистические очерки... С. 12.

³ *Троицкая А. Л.* Несколько документов... С. 138.

регулярным, что оно состояло из конного ополчения и собиралось лишь в военное время, нам кажется неточным. Ополчение, естественно, составляло основную массу войска, но в ханстве имелись и регулярные части, находившиеся на содержании государства.

Главные принципы создания кокандской армии были заложены Алим-ханом. Она состояла из конных и пеших ополченцев и наемников — отрядов каратегинцев, шугнанцев и бадахшанцев, которым было положено «жалование»¹.

Мулла Абдул Маджид, непосредственно видевший кокандские войска, писал, что постоянная армия составляла 10 тыс. человек. Это преимущественно конница. Правда, из них лишь 15 сотен регулярных войск. Основной национальный состав армии, по его словам, — мужчины киргизских, казахских и кыпчакских племен, а также афганцы и индустанцы².

Все военное сословие в ханстве называлось одним словом — *сипаи*, но они делились по видам оружия на три категории: пехоту (*сарбазы*), кавалерию (*джигиты*) и артиллерию (*топчи*)³. В последние годы Худояр-хан ввел воинскую повинность и расширил регулярные части, которые состояли из полков (*даста*), сотен (*туб*), полусотен во главе с *панджабаши* и десятков под командой *дахбаши*⁴. Они находились на содержании государства,

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 43—44.

² Report of a Journey to Kokan... P. 11.

³ Куропаткин А.Н. Кашгария... С. 163.

⁴ Троицкая А. Л. Несколько документов... С. 139.

во всяком случае обеспечивались продуктами или получали на кормление харадж с селений ¹.

При подготовке к войне сбор ополчения производился по территориально-административному признаку. И киргизы, «приписанные» к тому или иному району и округу, должны были выставлять потребное количество войск, обычно конницы.

Киргизский народ был разделен по родоплеменному признаку, отличавшемуся простотой производственной и социальной структуры. Простотой, но отнюдь не однородностью, так как имелась социальная дифференциация, проявлялись классовые антагонистические отношения.

Родоплеменное деление в рассматриваемое время играло отрицательную роль в исторических судьбах киргизского народа, являясь пережитком, тормозившим социальное развитие. Во-первых, родоплеменная структура препятствовала созданию внутриэкономического единства, территориальной общности, централизованному государственному устройству. Во-вторых, служила феодалам для развязывания межплеменных усобиц, влекущих за собой разрушение хозяйства и гибель тысяч за чуждые интересы феодалов. В-третьих, облегчала завоевание и управление Киргизии кокандскими ханами, использовавшими политику натравливания феодалов одних племен и родов на другие.

Феодалы, стоявшие во главе племен, были носителями центробежной силы в государственном устройстве, берегли свои «права», обеспечивавшие им эксплуатацию населения, и кичились своей автономностью, не призна-

¹ Троицкая А. Л. Несколько документов... С. 140.

вали и не подчинялись друг другу даже в ущерб общена-
родным интересам.

Первое, отмеченное в письменных источниках, сообще-
ние о традиционном делении киргизов на левое и пра-
вое крыло восходит, по крайней мере, к XVI в. Сейф
ад-дин Ахсикенти называет главные племена и роды кир-
гизов, в основе сохранившиеся, но, естественно, разрос-
шиеся к XIX в. в широко разветвлённую сеть. Племена
бостон, тейит, кесек, доолос, канглы, кыдырша, адыгине,
монгуш, карабагыш, тагай, кыпчак, басыз, кушчи, мундуз,
чонбагыш, саруу, солто, саяк, бугу, сарыбагыш, названные
Сейф ад-дином Ахсикенти ¹, являлись основными кир-
гизскими племенными объединениями, имевшими своих
родоправителей и в XIX в.

В чем же причина большой жизнеспособности родо-
племенного устройства кочевого и полукочевого насе-
ления? Она заключалась в хозяйственной необходимости
экстенсивного скотоводства, которое было «исторически
обусловленным явлением». Сама жизнь либо исключала,
либо делала неустойчивыми и условными территориаль-
ные связи, в то время как родоплеменная принадлежность
являлась стабильной ². Естественно, сохраняя архаиче-
ские формы, родоплеменная структура имела определенно
классовую сущность, наблюдалась имущественная и со-
циальная дифференциация, хотя внешне и прикрытая ино-
гда патриархальной оболочкой.

¹ *Сейф ад-дин Ахсикенти*. Маджму ат-таварих... (Пер. В. А. Ромо-
дина). Л. 80, 102.

² *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония... С. 38—39.

Родоплеменная структура киргизского общества вполне удовлетворяла интересы феодалов. Г. С. Загряжский, хорошо знакомый с бытом киргизов, особо подчеркивал: «...разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся»¹. Каждый феодал в своем роду, отделении, племени был полновластным хозяином, «царьком», повелевающим жизнью и смертью подданных.

Феодалы-родоправители — бии, манапы, имея тысячи подданных, зависимую от них букару, не могли, конечно, не считаться с кокандскими ханами и не выполнять вассальных обязанностей. Но отдалённые труднопроходимыми горными перевалами, используя мобильность и опираясь на реальную власть на местах, киргизские родоправители временами могли игнорировать ханских наместников, комendanтов крепостей и проводить свою политику. В этих условиях, наоборот, кокандским чиновникам приходилось нередко приспосабливаться к своеволию киргизских феодалов, поскольку только через них могли они практически выполнять функции по сбору налога и управлению окрестным населением.

Родоплеменное деление киргизского общества, характер подвижного кочевого или полукочевого образа жизни приводили к определенным затруднениям в территориально-административном подчинении. Отдельные роды и подразделения зимой могли находиться в границах одного вилайета, а летом — другого, с чем совершенно не считались. Фактически они приписывались к тем вилайетам, которые имели право на налог с данных родов. При

¹ Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда...

этом зависимость населения, близрасположенного к административным центрам, выражалась более явственно, а отдаленного территориально или труднопроходимыми горами — менее определенно.

Территориально Алай и Ош с окрестностями, Центральный Тянь-Шань считались в составе Андижанского вилайета. Кетмень-Тюбе и Талас относились к Наманганскому, а юго-западные предгорья Ферганы — к Кокандскому вилайетам. Чуйская долина и Приисыккулье были в ведении ташкентского наместника. Из этих центров осуществлялось управление киргизским населением, но крупные феодалы могли сноситься и непосредственно с ханом.

Киргизы, которые кочуют в Ферганской долине, сообщал Ч. Валиханов, вносят налоги правителю близлежащего города, записаны в войска (ополчение) этих округов и «находятся в совершенном подданстве Коканда».

Другая категория населения — более отдалённая, фактически признавала только «покровительство» ханства и относилась к Андижанскому и Ташкентскому наместничествам.

Ч. Валиханов — казахский учёный-путешественник, прекрасный знаток быта и истории киргизов, неоднократно проходивший через их территорию, пришел к заключению, что при всем этом «власть Коканда над киргизами слаба, и они мало слушаются хакимов, особенно в последнее время»¹. Ч. Валиханов был свидетелем самоуправления саякского манапа Османа, сына Тайлака, который был возведён ханом в *пансады* (пятисотник), имел звание *датхи*

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2... С. 379.

и тем не менее мало считался с комендантом соседнего укрепления Куртка Мамразыком.

В годы кокандской зависимости киргизские родоправители могли назначаться и смещаться беками, ханами ¹, но это был, скорее, символический акт простого утверждения реальной власти киргизских феодалов, чаще их для пущей важности наделяли титулами датхи, пансада и пр. Как правило, наместники Ташкента, коменданты крепостей Аулие-Ата, Пишпек и других начинали деятельность с попыток привлечь на свою сторону подарками и письмами влиятельных киргизских манапов ². И только после установления надежных контактов с киргизскими феодалами они приступали к выполнению своих функций управления, главным образом сбору зякета ³.

Киргизские родоправители, благосклонно относившиеся к подаркам, ханским чинам и званиям, старались в то же время по возможности уклоняться от прямой зависимости и зякета. Стоило только ханской власти ослабнуть, подданство киргизов превращалось в чисто номинальное. О нем не вспоминали до появления ханских налоговщиков с войсками. Сбор налогов и недоимок за прошлые годы сопровождался грабительскими действиями ханских войск и вызывал сопротивление населения. По сути дела, приходилось как бы вновь завоевывать «подданные» на-

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865. С. 892а. Л. 764.

² *Манап* — представитель высшей киргизской феодально-родовой знати, который жил за счет управляемого им населения и распоряжался его собственностью // *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь... С. 515.

³ *Серебренников А. Г.* Туркестанский край... Т. XX. С. 3—4.

роды. И такое положение периодически повторялось во все время зависимости киргизов от Кокандского ханства.

Ханские междоусобицы, дворцовые перевороты нередко умело использовались киргизами для уклонения от налогов, они меняли свои кочевые стоянки, а с 60-х гг. стали просто перекочевывать в пределы территорий, уже отошедших к России. Так, род бурукчи, первоначально обитавший на Нарыне, близ укрепления Куртка, «вследствие бывших в Кокандском ханстве беспорядков, — сообщалось в русских дипломатических документах, — передвинулся на Джумгал, а затем осенью 1865 г. запросился на р. Кашкару в российское подданство»¹.

В киргизские кочевья начальниками гарнизонов и комендантами крепостей ханы направляли чиновников, на которых возлагалось управление киргизами. Они считались управителями кочевавшего в окрестностях киргизского населения, но лишь формально. Фактически власть оставалась в руках местных феодалов-родоправителей. Прекрасную иллюстрацию в этом смысле представлял Кетмень-Тюбинский район. После завоевания Кетмень-Тюбе кокандцы назначили в крепость Улуг-Коргон своего правителя и разместили здесь гарнизон в 100 солдат. Но власть кокандского представителя являлась непрочной. Практически же управление киргизским населением оставалось за манапами, в их руках «правитель ханский был только слепым орудием».

Ханский наместник удовлетворялся внешними знаками внимания, которые изредка проявляли заинтересованные

¹ АВПРИ. СПб. Главный архив. 1—7. 1866. Д. 1. Л. 5—9.

в нем раздираемые внутренними усобицами киргизские феодалы. Родоплеменная вражда не утихла с расширением кокандской крепости и усилением гарнизона. Манапы разных родов — солто, сарыбагыш, саяк — постоянно враждовали между собой, правда, иногда объединяясь для сопротивления ханской власти ¹.

Управление семиреченскими киргизами в основном осуществлялось ташкентским наместником. В одном из писем от 1834 г. ташкентский кушбеги самодовольно хвалился перед генерал-губернатором Западной Сибири: «Высокостепенный же хан предоставил в мое владение шесть сан ² каракалпаков, сорок сан прочих народов, обитающих по здешней стороне кокандского дивана, и дикокаменных киргизов по реке Или, дал мне власть решать все дела, относящиеся до сих народов» ³.

Действительно, Чуйская долина с ее административным центром Пишпек находилась в непосредственном подчинении беклярбека Ташкентского вилайета ⁴. В Пишпекке был ханский наместник — бек, который перед Ташкентом и Кокандом отвечал за управление чуйскими киргизами. Здесь сосредоточивался основной кокандский гарнизон. Отсюда отряды выезжали за сбором податей.

Но власть пишпекского бека над окрестными киргизами была призрачной. Она становилась реальностью, когда поддерживалась вооруженными отрядами, когда опи-

¹ Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 г. (Рукоп.). С. 64—65.

² Сан — в переносном смысле «несметное количество», иногда 10 тысяч. См.: Юдахин К. К. Киризско-русский словарь... С. 631.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348. Л. 138.

⁴ Малицкий Н. Г. Ташкент. (Исторический очерк)... С. 24.

ралась на силу и влияние киргизских феодалов, которых ханские наместники то подарками, то угрозами старались держать в своих руках.

Когда в середине XIX в. чуйские киргизы отошли от Кокандского ханства и перестали вносить зякет, к ним было направлено 20-тысячное войско. В 1851 г. оно прибыло в Пишпек. Разбившись на отряды, кокандцы начали грабить окрестное население. Одновременно комендант Пишпека направил манапам Джантаю и Боромбаю приглашение встретиться для переговоров. Но манапы, искусенные в интригах, сами побоялись явиться, хотя не могли и послушаться. В результате они прислали вместо себя родственников ¹. Престиж почитания ханской власти был соблюден, кокандское подданство подтверждено. Киргизские феодалы признали нового кокандского наместника в Пишпеке.

Но этот же пример показывает, что, несмотря на признание подданства и выплату налогов, киргизские манапы, временами используя политическую ситуацию и характер социально-экономических отношений, шли на риск отказа прибыть к беку даже перед угрозой 20-тысячного ханского войска, потому что чувствовали за собой власть над тысячами соплеменников.

Являясь официально утвержденными Кокандом, киргизские феодалы тем не менее не испытывали уверенности в титулах, которых свободно могли лишиться вместе с жизнью. Другое дело — власть родоправителя, опиравшаяся на экономическую силу, собственную дружину и многовековые традиции.

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп.1. Д. 12. Л. 146—147.

Административно-управленческие функции кокандских наместников среди киргизов можно проиллюстрировать на примере центрально-тянь-шанского района. Так, Джумгальская долина, Арпа и верховья Нарына, находившиеся в ведении Андижанского вилайета, составляли самостоятельный район с центром — крепостью Куртка. Коменданту Куртки Мамразыку подчинялись феодалы трех саякских родов, враждовавших друг с другом: Осман Тайлаков (чоро), Тюлеке Ералин (кулджугач), Байтуры Джаланакон (иман). К этому же ведомству относилась часть бугинцев и чирики, каждый род которых также имел предводителей, враждовавших между собой. Кокандские наместники, используя межфеодалные распри киргизских родоправителей, разжигали соперничество, держали у себя заложников (*аманатов*) из членов семейства феодалов и тем самым более или менее уверенно чувствовали себя даже в окружении киргизского населения. И это при наличии в Куртке гарнизона всего в 200 сипаев, из которых только 50 — узбеки, остальные 150 являлись присланными андижанскими киргизами.

Обострившаяся родоплеменная вражда, неутихавшее соперничество за привлечение коменданта Куртки на свою сторону могли вызвать очередное восстание. В этих условиях кокандские власти пошли на разделение наместничества в Куртке на три ведомства. В качестве равноправных из Курткинского выделились Джумгальское и Тогуз-Тоуроуское ведомства с центрами в одноименных крепостях, со своими комендантами. Честолюбие соперничавших киргизских феодалов, боровшихся за сферы влияния, было удовлетворено. Кокандцы сохранили господство над киргизами. «Вообще власть кокандцев между этими кир-

гизами, — писал Ч. Валиханов, — поддерживается лживой и хитрой политикой, к которой нынешний комендант, по-видимому, привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хороших фамилий и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками». Сам комендант доверительно сообщил Ч. Валиханову, что эта политика «основана на долгом опыте, ибо силой с киргизами ничего нельзя сделать по малочисленности гарнизона»¹.

Власть ханских наместников в Киргизии становилась совсем прозрачной, особенно в моменты массовых народных движений, во времена дворцовых смут и крупных феодальных усобиц. Тянь-шаньские феодалы умело использовали возвышение при ханском дворе крупнейшего алайского феодала Алымбека-датхи, чтобы выговорить больше прав для себя. Так поступили чирики в 1858 г., отправившие к Алымбеку-датхе депутацию с просьбой построить для них «особенный курган» на Атбаши, так как они не желали подчиняться коменданту Куртки².

Но положение простых людей не менялось, если управителем окрестного населения и комендантом крепости назначался киргизский феодал. Исмаил-токсоба, например, «начальник постоянно кочующих на Алае киргизов», был из местных феодалов. Его укрепление — Дараут-Курган — имело киргизский гарнизон, который ничем не отличался от кокандских воинов-узбеков: эксплуатировал окрестное население, собирал рьяно зякет со скотоводов, подавлял недовольство и вооружённые выступления. Исмаил — киргизский феодал на кокандской службе — вел себя так,

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 254—255.

² Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2. С. 195.

что окрестное население сторонилось крепости (кургана) и не подкочёвывало к ней. Русскому путешественнику А. П. Федченко они объясняли это тем, что «начальники любят употреблять их на работы и вообще за всякими нуждами обращаются к ближайшим аулам»¹.

Кокандские наместники в Ташкенте, Аулие-Ате имели право назначать старших правителей киргизских родов. Обычно это было формальным актом, тем не менее для упрочения власти киргизские манапы-родоправители пытались заручиться ярлыками беков. Так, после смерти манапа Джангарача (род солто) его сын Чолпонбай весной 1864 г. ездил на представление к ташкентскому парваначи и возвратился с богатыми подарками и ярлыком на звание старшего манапа своего рода солто².

Объясняя зависимость киргизов от Кокандского ханства, наблюдательный русский путешественник М. И. Венюков писал, что они покоряются хану как «единственному государю», только потому, что «не видят пока возможности быть вполне независимыми». Все кочевники ханства враждебны правительству, обременяющему их тяжёлым зякетом. Не лучшим было положение и узбеков. Управление даже «собственными оседлыми подданными», отмечал М. И. Венюков, так дурно, так деспотично, что лишь традициям Востока «кокандские тираны обязаны целостью своей державы»³. М. И. Венюков упрощённо подошел к объяснению основ ханской власти. Но в одном он был, безусловно, прав: административное управление в Коканд-

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан... С. 372.

² Серебренников А. Г. Туркестанский край... Т. XX. С. 128—134.

³ Венюков М. И. Военно-статистические очерки... (Рукоп.)... С. 6—7.

ском ханстве было типично средневековым, деспотичным, негибким и жестоким. Только в условиях родоплеменной разобщенности киргизского общества, в атмосфере непрекращающихся феодальных усобиц Кокандское ханство могло поддерживать свое господство в Киргизии. Но оно не сумело перестроить и полностью приспособить к своему территориально-административному устройству завоёванные территории киргизов. Как справедливо отмечают С. М. Абрамзон и Л. П. Потапов, ни родоплеменная борьба феодалов за власть и пастбища, ни даже временные ханские объединения не затрагивали основ социально-экономического строя военно-административных или государственных объединений кочевников ¹. Объяснение этому состоит, по определению К. Маркса, в «неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий» ².

Таким образом, несмотря на кажущуюся централизацию, Кокандское ханство представляло собой типичный образец «восточного деспотизма», состояло из полуавтономных в административном отношении вилайетов и бекств. В основе территориально-административного устройства в ханстве лежал податно-налоговый принцип, согласно которому завоёванные киргизские территории включались в состав ближайших вилайетов. Непосредственная исполнительная власть кокандских чиновников над киргизами сосредоточивалась в руках комендантов крепостей. Но киргизские бии и манапы-родоправители

¹ Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония... С. 35.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23... С. 371.

сумели сохранить политическую силу и власть над своими соплеменниками. Ханы присваивали им государственные титулы и чины, привлекали подарками, использовали междоусобицы и соперничество феодалов и только этим да постоянно совершаемыми вооруженными походами поддерживали свое господство.

2. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Исторически сложившиеся взаимоотношения киргизских феодалов-родоправителей между собой, с кокандскими ханами и их представителями на местах сказывались на системе внутреннего управления у киргизов, однако не затрагивали существа власти киргизских феодалов.

Попав в зависимость от Кокандского ханства, киргизские родоправители сумели сохранить в своих руках былую систему управления местным населением, которая базировалась на патриархально-феодальных отношениях. В основе управления лежало феодальное право, но оно было замаскировано оболочкой «народного обычая», прикрывалось многовековыми традициями. Население не участвовало в управлении и было полностью от него отстранено. Политически незрелое сознание дехкан, земледельцев и скотоводов нередко воспринимало действия и поступки феодалов, направленные на удовлетворение их классовых потребностей, как действия, отражающие и защищающие интересы всего общества, их рода, их племени. Это, с одной стороны, помогало феодалам скрывать свою явно эксплуататорскую сущность и выступать даже в роли «отцов» — хранителей древних обычаев, традиций; с другой, — вело к беспрекословному подчинению народа родоправителям, их участию в борьбе за интересы феодалов под лозунгом

отстаивания интересов всего рода, племени. Лишь временами стихийный народный гнев сквозь оковы патриархальщины выливался в классовую борьбу. С подчинением Кокандскому ханству киргизские феодалы вынуждены были (иногда лишь формально) выражать свое подданство. Зависимость проявлялась в ритуалах, поездках на представление ханам и бекам, подношении им подарков и т. д. Тем не менее, в основе своей внутреннее самоуправление киргизских родов и племен не было нарушено.

Власть главы племени, рода — это по-своему государственная власть в миниатюре. По словам К. Маркса, сказанным по другому поводу, но полностью относящимся и к данному случаю, общественные должности в отдельных общинах уже следует рассматривать как «зачатки государственной власти»¹. Глава союза племен или одного крупного родо-племенного объединения сосредоточивал в своих руках власть, которая в условиях слабой зависимости от центрального правительства и постоянных межплеменных усобиц являла собой самостоятельную форму внутреннего управления. Власть феодала-родоправителя, замаскированная оболочкой патриархальщины, представлялась отеческой, основанной на родовом начале, защитницей интересов всего общества. Отсюда даже для первых туркестанских чиновников-исследователей быта киргизского населения родоправитель воспринимался не как выразитель отвлеченного принципа власти, но как «старший между родовичами, живой и деятельный представитель, защитник и регулятор родовых интересов... В простейшей форме общежития — родовой, — писал

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20... С. 184.

Г. А. Колпаковский, — кочевники находили не только защиту от врага, но и взаимную поддержку в беде и нужде: находили, следовательно, крепкую нравственно-экономическую связь»¹.

В другой архивной записке — «Самоуправление и народный суд», составленной также в первые годы после присоединения Семиречья к России, сказано: «Коренною основой быта киргизского народа является родовое начало. Подразделяясь на множество родов и родовых ответвлений, народ киргизский представляет собою конгломерат более или менее многочисленных по составу родовых семейств. Каждое из таких семейств, связанное патриархальным единством, представляется сплоченною родовыми семейными интересами группою, во главе которой стоит ее представитель — старейшина с неограниченною властью патриарха. Такой представитель родовой группы, с точки зрения её членов, является единственным защитником интересов и руководителем всей жизни группы... Правосознание киргизского народа не выросло до установления понятия отдельной личности с ее индивидуальными правами и ответственностью. Личность как таковая может существовать лишь в пределах родового семейства и вне его никогда никакого значения в общественных делах иметь не может. На арену же общественной деятельности выступают коллективные единицы и родовые группы в лице действующих от имени их старейшин-джакшиляров»².

¹ Колпаковский Г. А. Особое мнение об основах местного управления... Л. 493.

² РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 19.

Но эта точка зрения о патриархальности, семейной роли старшины, феодала в управлении подданными вызывала возражения даже со стороны отдельных дореволюционных администраторов. Так, в одном из рапортов военного губернатора Семиреченской области Фриде и председателя Семиреченского областного правления Аристова степному генерал-губернатору «О киргизском общественном управлении» указывалось на несостоятельность мнения авторов записки и проектов о патриархальности султанов и манапов, патриархальной основе в управлении ими подданными: «Султаны-правители Оренбургской степи, старшие султаны окружных приказов Западной Сибири и Большой Орды и манапы у кара-киргиз совсем не были патриархами... Действительная патриархальность невозможна в отношениях начальника 10—30 тыс. кибиток, или 100 тысяч душ. Патриархальные отношения существовали только между султаном или манапом и его теленгугатами, если можно так назвать патриархальные отношения к дружине, состоящей из сброда людей разных киргизских и иных (напр., туркмен, узбеков) родов»¹.

Административное управление внутри киргизских племен и родов являлось классовым, но патриархальная оболочка, традиционное обычное право были направлены на затушёвывание этих классовых отношений.

Основной формой организации киргизов второй половины XVIII—XIX вв. была пастбищно-кочевая община, ячейкой которой выступал аил. Община носила уже классовый характер, однако не была избавлена и от кровнород-

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 53. Л. 15.

ственных связей. Она представляла единый организм со многими традиционными институтами прошлого, в частности, патриархальными.

С подчинением Кокандским ханством Киргизии сущность внутреннего самоуправления общин и родов не изменилась, но в отношении между крупными родоплеменными объединениями кокандские ханы вмешивались иногда довольно активно. Во время опроса населения комиссией Ф. Гирса в ходе составления проекта управления в Туркестане (1865 г.) было установлено, что «при кокандском владычестве смещались и назначались киргизские управители по усмотрению беков»¹. Это вовсе не исключало того, что титул манаса, старшего бия оставался наследственным. Интересно, что иногда сыновьям передавались и титулы, которыми награждали киргизских родоправителей кокандские ханы. Это являлось уже следствием признания Кокандом прав местных феодалов на внутреннее управление родами, прав, которые для поддержания ханского престижа дополнительно (как правило, формально) подкреплялись ещё и ярлыками.

По преданию, таласский феодал Альчибек управлял «своими» киргизами еще до подчинения Кокандскому ханству. Его сын бий Аджибек специальным указом Мадали-хана был возведен в звание датхи и утвержден официально правителем всего киргизского населения Таласа. Приведем ярлык, выданный Мадали-ханом Аджибеку (Хаджи-беку) в 1838 г.

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865 г. Св. 892а. Л. 764.

«Он живой.

Наше Абуль-Гази Сеид Мухаммеда-Али Багадур-хана повеление (слово).

Ввиду возложения на нас творцом вселенной, источником жизни и царем царей, перед которым должно всё преклоняться, власти и короны и (ввиду) дарования нам создателем мира могущества и величия, на нас лежит обязанность благосклонно и великодушно отличать и отмечать нашей безграничной милостью служебную деятельность тех из услуг, которые таковую проявили бы на поле храбрости.

Исходя из того, что Хаджи-бек бий неоднократно уже явно и открыто проявлял безграничную храбрость, Мы, пожелав высказать вышеупомянутому бию частичу нашей эмирской милости и царской благосклонности, настоящею грамотою жалуем звание Дадхи.

Повелеваем всем без исключения должностным лицам главных и второстепенных учреждений и всем вообще служащим признавать его назначенным на эту должность Нами и оказывать ему, как это подобает, почести, уважение и почтение.

Содержание настоящего высочайшего повеления, утвержденного и украшенного Нашим царским шифром и печатью, не должно быть нарушаемо, причем к содержанию таковой относиться с полным доверием.

Дана в 1-й день месяца Раджаб-уль-Мураджаба 1254 года»¹.

¹ ПЗСТКЛА. Год 8-й. С. 23.

Позже, по приказу Мадали, Аджибека казнили. Его сын Нурак вынужден был несколько лет скитаться в Чуйской долине. Но влияние феодалов оставалось, видимо, настолько сильным, что в конце концов ташкентский хаким Азиз-парваначи вызвал Нурака Аджибекова и, «вручив ему отцовское знамя, назначил его правителем всех таласских киргизов»¹. Однако с течением времени был казнен и Нурак. Но управление таласскими киргизами опять-таки перешло к его сыну Кыдралы Нуракову.

Ханский ярлык от 1260 (1844) г. гласил:

«Ввиду того, что истинный царь царей предоставил, по милости своей, в наше ведение, распоряжение и управление гражданскую и военную части этого государства, с дарованием нам права распространять власть во всех важнейших делах, касающихся организации управления краем, необходимо и обязательно, чтобы все относились с почтением к тем лицам, которые будут удостоены нами назначения на должности.

Принимая во внимание, что принцем Хидыр-Али (Кыдралы) издавна выказывалась преданность и заслуги, мы, пожелав оказать милость за это означенному принцу, пожаловали ему народ, бывший в подданстве у его отца, вместе с присвоенным ему знаменем, с тем, чтобы старинные подданные его отца признавали принца своим главою, беком и хранителем знамени и выказывали ему повиновение, а он управлял бы народом справедливо, не притесняя.

¹ Каллаур В. А. К истории города Аулие-Ата... С. 12—13.

С получением настоящей, скрепленной печатью высочайшей грамоты, чинить полное доверие.

*Дана в 1-й день месяца Зи-аль-Хидже
1260 г.*

*Печать Шаха-Мухаммеда-Али, сына
Нар-Мухаммеда парваначи»¹.*

Эту власть Кыдралы подкрепил своим ярлыком и Малляхан. В 1275 (1858—59) г. хан выдал Кыдралы новый документ, по которому возводил его в звание бека над киргизскими родами Таласа:

«Да узнают, возрадовавшись, хорошие люди племен Бай-су, Бургимяк, Сатыкай и Тойта... о нашей эмирской милости и нашем царском милосердии, выразившихся в том, что вследствие старинного доброжелательства и расположения к Хидыр-Али-бию (Кыдралы) возвели мы его в звание бека над вышеперечисленными родами.

Надлежит, чтобы все, как большие, так и малые, признавая Хидыр-Али-бия своим беком, которому нужно оказывать почтение, уважение и почести, исполняли бы все исходящие от него распоряжения по делам административного управления, равно как, приняв настоящее высочайшее повеление, не нарушали бы его. 1275 г.

Печать Мухаммед-Али-хана, сына Сеид Элим-хана Багадура»².

Лишь позже власть над таласскими киргизами была перераспределена среди шести биев-родоправителей³.

¹ ПЗСТКЛА. Год 8-й. С. 20—21.

² Там же. С. 22.

³ *Каллаур В. А.* К истории города Аулие-Ата... С. 13.

При всем этом, как свидетельствуют источники, в Таласе 16 лет в крепости Аулие-Ата находился ханский ставленник — алайский феодал из киргизского рода баарин Атабек, который был официальным правителем округа ¹.

Власть беков — ханских наместников — зиждилась на вооружённой силе и оставалась как бы внешней — стоявшей над властью киргизских родоправителей и в то же время как бы не распространявшейся на них. Внутреннее управление киргизами имело свои особенности и практически вмешательство в него со стороны кокандских чиновников было почти невозможно, однако попытки кокандцев диктовать свою волю не исключались, а в отдельных случаях были и небезрезультатными. В целом же основная форма организационного управления киргизского общества, общины и родов сохранилась неизменной. Тем не менее киргизские бии-родоправители стремились заручиться в подкрепление своих прав ханскими ярлыками, хотя независимо и рядом с этим могли выбирать своего предводителя, невзирая на волю хана.

Практическое невмешательство кокандских ханов во внутреннее управление киргизских феодалов, наделение их определёнными административными правами (через присвоение чинов и званий), ослабление ханской власти в 40-х гг. в центре, непрекращавшиеся восстания и усиление реальной власти киргизских феодалов на севере привели к попытке крупнейшего манапа Ормона обособиться и распространить свою власть на соседние племена.

Верховный сарыбагышский манап Ормон имел собственное знамя, а от кокандских ханов получил чин пар-

¹ *Каллаур В. А.* Рассказ о четырех... С. 35.

ваначи. Он, по словам Ч. Ч. Валиханова, сумел поставить себя в такое положение, что собирал с соседних племен киргизов зякет и был «в сущности совершенно независимым»¹ В таких условиях Ормон добился, чтобы его провозгласили ханом. Киргизский фольклор сохранил эти события². В 40-х гг.³ Ормон на Иссык-Куле в местности Котмолды созвал всеобщий совет, съезд (*курултай*) представителей сарыбагышских, бугинских, саякских, солтинских, саруйских, кушчинских и черикских племен Прииссыккулья, Центрального Тянь-Шаня, Чуйской и Таласской долин. По древнему традиционному обряду кочевников феодалы посадили Ормона на белую кошму и надели шапку с красным верхом — отличием ханской власти. В честь такого события зарезали 9 кобыл и устроили «великий той». Тут же «всекиргизский хан» оповестил свой первый указ: «По всей земле киргизской шапку с красным верхом будет носить только один человек — Ормон-хан». Придерживавшийся кокандской ориентации и одновременно переписывавшийся с сибирскими властями, Ормон решил было, что настало время обособления и даже «сжег замок хана» — кокандское укрепление в Котмолдах⁴. Правление киргизского «хана» началось с провозглашения юридических норм, которыми отныне должны были руководствоваться все киргизы: за убийство

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1... С. 378.

² Песня «Провозглашение Ормона ханом» (Рукоп.)...

³ В некоторых источниках эти события ошибочно датируются 1830—1831 гг. См.: Солтоноев Б. История киргизов и казахов... Инв. № 1057. С. 383.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1... С. 378.

человека «кун» в 300 лошадей, за похищение чужой жены — 40 лошадей и т. д.

В литературе достаточно полно освещены события, связанные с деятельностью Ормон-хана¹. В некоторой степени им придавалось даже большее значение, чем они имели на самом деле. А до революции представители киргизской фольклорно-эпической литературы — Калыгул, Арстанбек, а также автор первой национальной исторической книги Осмоналы Сыдыков, естественно, идеализировали своего официального хана. В частности, О. Сыдыков, подчёркивая мощь Ормона, писал, что его владениями были Иссык-Куль, Чу, Атбаши, Нарын, Аулие-Ата и окрестности Намангана. За могущество, богатство и властность Ормон получил титул хана².

Это была заурядная попытка возвышения одного из феодалов, которая, в конечном итоге, не привела к существенным переменам. Ормон не сумел сосредоточить власть и управление киргизскими племенами в своих руках и вынужден был обратиться за помощью к кокандскому хану.

На юге Киргизии сильную власть и почти безграничное право распоряжения подданными имели алайские феодалы Алымбек-датха и «царица» Курманджан-датха.

5 декабря 1860 г. Алай посетил, по дороге из Индии в Коканд, Мулла Абдул Маджид, который назвал Гульчу резиденцией правителя Алымбека-датхи³. Позже Е. Марков в своих путевых очерках оставил такую характери-

¹ *Абрамзон С.М. У истоков манапства...; Джамгерчинов Б. Д. Киргизы в эпоху...*

² *Сыдыков О. Тарихи Киргизия... (Рукоп.). Инв. №. 1617. С. 25.*

³ *Report of Journey to Kokan... P. 8.*

стику Курманджан, наследовавшей правление Алаем от мужа: «Датха эта была почти независимую владетельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худояр-хана, но эта ханская инвести́тура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовитую “белую кость” своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханскою властью»¹.

Порождением специфически киргизской жизни явился институт крупных родоправителей — *манапство*, получивший широкое распространение на севере Киргизии с 40-х гг. XIX в.

«Манапство есть наследственное, — писал в 50-х гг. XIX в. анонимный автор предания о происхождении киргизского народа. — У дикокаменных киргизов всякий богач и сильный может сделаться бием, а потом и манапом, что усваивается временем, а не выбором народа»². Интересно суждение известного путешественника середины XIX в. М. И. Венюкова по этому поводу. Он писал, что киргизы управлялись «манапами, т. е. старшинами, которые некогда принимали свой титул по избранию, а теперь сделали его наследственным». Слово *манап*, считал Венюков, в буквальном значении — *тиран*, в понятии, близком древнегреческому, которым стали называть всех могущественных родоправителей³.

¹ Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства... С. 35.

² РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 586. Л. 10.

³ Венюков М. Путешествие по окраинам... С. 159.

Влияние манапов было настолько велико, что они вторгались в сферу самых различных, даже семейных отношений. Кетмень-тюбинский манап Рыскулбек Нарбутин, к примеру, сам взимал зякет с кокандских купцов, с киргизов брал за свадьбу, за похороны и пр. При перекочёвках никто не смел раньше него сниматься и идти впереди его стад. «Такое положение, — писал Г. С. Загряжский, — скопилось у него огромное состояние и дало ему почти ханскую власть над народом»¹.

Бывший кетмень-тюбинский пристав, например, характеризовал влияние манапов как совершенно бесконтрольное: «Будучи поставлены в такие местные условия, при которых наблюдения за ними в административном отношении весьма затруднительны, они привыкли к безначалию и управлялись между собою, как хотели. При этом, конечно, забирали власть в свои руки более влиятельные и сильные богатые киргизы... О разбирательстве разных споров и их справедливости у народных судей (*биев*) нечего и говорить. Тут всегда прав влиятельный и богатый и виноват простой и бедный»².

Манапство выросло из института биев-родоправителей и вобрало в себя все их функции. Но институт бийства не исчез, а трансформировался, сохранив за собой судебные прерогативы. Правда, и здесь последнее слово оставалось за родоправителями-манапами. Но бии, занимая низшую (по сравнению с манапами) ступеньку киргизской феодальной иерархической лестницы, оставались в качестве

¹ Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении... С. 363.

² Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе... (Рукоп.)... С. 62—63.

управителей более мелких родовых подразделений. При этом следует подчеркнуть, что их обязанности не ограничивались судебными функциями, они выполняли и административные поручения. Таким образом, бий был судьей и вместе с тем «начальником этого рода», через него передавались «все распоряжения», как сообщали туркестанские чиновники в 60-х гг. ¹. Будучи родоправителем и судьей, бий имел большое влияние, пользуясь которым приобретал «политическое значение» ².

Говорить о справедливости управления манапов и биев или доказывать существование «отеческой» заботы феодалов о подданных не пытались даже представители туркестанской администрации. В своих записках М. И. Венюков писал о киргизском внутреннем самоуправлении: «Правда здесь благосклонна к сильному, и даже тот правитель считается человеком ничтожным, который употребляет мягкие меры». Среди феодалов жестокий сарыбагышский манап Ормон «считался особенно благоразумным и даже великодушным потому, что имел у себя виселицу». Он ежегодно казнил несколько «преступников», наводя страх не только на своих подданных, но и на соседние киргизские роды ³. Его примеру следовали и другие манапы, в частности, родов саяк, черик и пр.

Манап являлся, по существу, не только правителем рода, но и «организатором» жизни киргизского общества. Согласно записям 20-х гг. XX в., произведённым со слов

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. 5. 1865 г. Св. 892а. Л 771.

² Гирс Ф., Дандевиль, Гейнс А., Проценко А. Объяснительная записка... Л. 12—13.

³ Венюков М. Путешествия по окраинам... С. 159—160.

стариков, знатоков прошлого, манап «определял кочевья и время кочёвок, под его руководством происходил суд, через него происходили соглашения с другими родами и сношения с правительственными учреждениями»¹. Старики-информаторы помнили времена дореволюционной Киргизии, но в ещё большей степени это относилось к периоду зависимости от Кокандского ханства, когда манап считался «организатором общественно-политической и хозяйственной жизни общин»².

Действительно, власть манапа была велика. Это — власть правителя, деспота, прикрывавшегося традициями и обычаями. Но нельзя ее в полной мере воспринимать как абсолютно бесконтрольную. Как мы видели, из попыток Ормона выдвинуться в ханы и сосредоточить власть над окрестными племенами в одних руках практически ничего не вышло — феодалы других племен не подчинились. Иногда даже правители родов одного племени, более мелкие феодалы, не признавали власти и не подчинялись верховному манапу.

Особенно трудно приходилось манапам, когда выходил из повиновения простой народ. Здесь уже не помогали ни угрозы, ни дружинники. Письма киргизских манапов 50-х гг. русским властям отражают жалобы на непокорность и непослушание подданных. В одном из писем к начальнику Алатавского округа Г. Колпаковскому манап Байтик Канаев (род солто) раскрыл свою беспомощность, неспособность держать народ в повиновении и управлять

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86. Л. 33—36.

² Там же. Д. 240. Л. 85.

им бесконтрольно. «Наши кара-киргизы, — писал обиженный на своих подданных манап, — очень нахальный народ. Если нет среди них властителя, подобного вам, тогда они спокойно себя не ведут. У нас нет (подобного) властителя, а на нас (манапов) никто так не смотрит, так (о нас) не думает, в результате (народ) разбрасывается (т. е. откочёвывает) без позволения и не подчиняется»¹.

Однако власть кокандских наместников в киргизских кочевьях была вообще по существу призрачной. Чтобы более закрепиться в завоеванных районах и управлять через киргизских манапов, кокандцы проводили даже съезды (*топ*²) феодалов. Так, известны съезды в Куртке, Дараут-Кургане, Пишпеке. Съездом обычно руководил кокандский наместник, который формально имел право отстранить от управления тем или иным родовым или племенным объединением неугодных лиц. Но, как правило, использовались другие методы, более тонкие и завуалированные. На съездах решались межплеменные и межродовые споры, а также различные политические вопросы. Правда, при определенных условиях кокандские ставленники могли проявить и свою власть, даже арестовать и отослать в Ташкент или Коканд неугодных родоправителей, а власть опальных передать наследникам. Чаше, однако, кокандским властям, чтобы добиться результатов, приходилось действовать уговорами и лишь в крайнем случае (если позволяли условия и соотношение сил) обращаться

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 92.

² Топ — съезд манапов, биев для решения спорных межродовых и других вопросов. См.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь... С. 751.

к насилию. Но для этого нужно было иметь под руками в киргизских кочевьях немалое войско. Например, чтобы заставить своих подданных киргизов выступить против продвигавшихся царских отрядов, ханам приходилось уговаривать феодалов, обещать награды, предоставлять льготы. Сын Ормон-хана Умбеталы сообщал в 1854 г. ала-тавскому приставу Перемышльскому, что кокандский хан прислал к нему своих посланцев и склоняет на борьбу с русскими, ташкентский бий Рахманкул-оглы «раздает народу при письмах подарки от имени кокандского хана и минбаши Касыма»¹. Киргизские феодалы собрались на общий совет, но в сложившейся обстановке не решились открыто ни отвергнуть предложение хана, ни подержать его.

Пренебрежение некоторых киргизских феодалов к центральным властям Коканда, не говоря уже об их представителях, видно в письмах начала 60-х гг., направленных крупнейшим киргизским манапам от имени хана регентом Алымкулом. Приведем образец одного из таких писем (вольный перевод), полученных сарыбагышским мапапом Джантаем.

«Высокопоставленный датха Джантай-батыр! Свидетельствую вам многие поклоны и затем следующая речь.

Хвала аллаху, бывшие по воле великого бога постыдные дела прекратились² и все кочевые народы единодушно смирились перед кокандским правительством, соединились узами родства и нет ни одного человека, который

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 71. Оп. 1. Д. 15. Л. 204.

² Имеются в виду восстания киргизов и узбеков-кочевников, прокатившиеся по всему Кокандскому ханству.

бы не приезжал с поздравлениями и не был награжден нашими милостями, но вы, почтеннейшие, даже не прислали к нам и одного писанного клочка»¹.

Составной частью местного управления киргизского общества являлось судопроизводство, которое в северных районах целиком находилось в руках киргизских бекств, а в южных иногда велось киргизскими биями совместно с узбекскими *казиями*. Судопроизводство отражало многие стороны общественной жизни и затрагивало не только процессуальные, но и административные функции. Поэтому, особенно в кокандский период, у киргизов в роли судей выступали родоправители — бии и мананы. Но встречались и судьи, не являвшиеся правителями родов, отделений. Они обычно разбирали мелкие споры, но и то с оглядкой на родоправителя. Комиссия Ф. Гирса в «Объяснительной записке» признавала, что у киргизов «родоначальники успели захватить в свои руки административную и судебную власть. Эти родоначальники приобрели себе значение в ущерб народа». Родоправители крупных объединений, сосредоточив в своих руках административную власть, приобрели и политическое влияние, стали «в полном смысле властелинами»².

Основная задача айльного бия заключалась в разрешении спорных вопросов внутри аила. При этом использовались методы убеждения, наложения имущественного взыскания и даже применения телесного наказания. Обычно в ходе разбирательства дела прибегали к советам и считались с мнением родоначальников и влиятельных

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 139.

² РГВИА. Ф. 400. Аз. Ч. Оп. 1868. Д. 6. Л. 16, 20.

лиц, особенно манапов. Поэтому суд второй инстанции в полном смысле к середине XIX в. не сложился. Обычно, каким бы дело ни было сложным, оно рассматривалось лишь в первой инстанции; и решение ее являлось окончательным и обжалованию не подлежало.

Способ разбора спорных дел между истцами различных родов и тем более племен, был сложнее. Здесь высшую инстанцию суда представляли манапы-родоправители. Они же могли пересмотреть дела, решенные биями ¹.

Сложные межродовые и межплеменные споры и важные дела решались на съездах биев, так называемых *дубана*. Съезды не имели характера постоянного и периодического учреждения, а созывались эпизодически. Если в рассмотрении дел были заинтересованы кокандские власти, то съезды биев могли собираться и по указанию ханских наместников. Как правило, они приурочивались к какому-либо пиршеству, когда собиралось много народа. Дела решались гласно и публично по «народным обычаям».

Перед дубаной каждый род или племя — истец — составляли свой вариант решения спора, свое предложение (*эреже*). Затем бии споривших сторон разрабатывали общее эреже, приемлемое для обеих сторон. После принятия на дубана с одобрения родоправителей эти устные или письменные эреже приобретали силу законного решения ². Если же заинтересованные стороны не удовлетворялись решением, то в нарушение обычного права добивались

¹ Загряжский Г. С. О народном суде кочевого населения... С. 193.

² РГВИА. Ф. 400. Аз. часть. Оп. 1863. Д. 6. Л. 16; Изразцов Н. Обычное право «адат» киргизов... С. 7.

своего силой. В результате нередко возникал вооруженный конфликт — организованная барымта, которая могла перерасти в крупную междоусобную войну. Пример такого столкновения, когда поводом послужили неурегулированные споры, — известная война между манапами бугу и сарыбагыш в 50-х гг. XIX в.

В южной Киргизии наряду с судом биев функционировали и суды казиев. Однако удельный вес дел, рассматриваемых судами казиев, в киргизском обществе был сравнительно невелик. Суд казиев получил распространение у оседлого населения и лишь частично у полуседлого в Фергане.

Однако были примеры ханского вмешательства в киргизское судопроизводство и частные факты перепоручения разбирательства дел своим наместникам и казиям. Приведем распоряжение Малля-хана от 1276 (1859) г. таласскому наместнику Мир-Хамиду о разборе спора между двумя киргизскими феодалами — Адилем и Кыдралы: «Да будет известно Вам, Мир-Хамид-бию, удостоенному нашею несомненною наследственностью царской милостью, что податель настоящей милостивой грамоты киргиз Адиль считает в долгу за Хидыр-Али-бием (Кыдралы) сто баранов, пятьдесят лошадей и двух верблюдов.

Потребуйте их к себе, а затем, по учинении очной ставки, дело это разберите по шариату, в присутствии казия, с тем, чтобы, по выяснению обстоятельств, прекратить тяжбу. О последующем донести письменно нашей царской милости. 1276 г.»¹.

¹ ПЗСТКЛА. Год 8-й... С. 22.

При разбирательстве споров, даже у казиев, большое значение приобретала присяга, особенно если дела совершались между киргизами и узбеками, которые не всегда сделку оформляли документально, а довольствовались словесным соглашением. В этом случае открывались широкие возможности для злоупотреблений. Судья мог вынести решение по своему усмотрению и в пользу клятвop-преступника. Когда в месяце сафаре 1281 (1864) г. некий Сейид-Икрам возбудил против Турсун-бая иск о якобы не полученных им за продажу коня и продуктов 6 полновесных танга, казии за неимением никаких веских доказательств с обеих сторон пришли к заключению решить спор приведением тяжущихся к присяге. В наставлении казиев этот спор приведен как образец решения в подобных случаях: «Ответчик говорил, возражая, что упомянутую сумму он-де уплатил, а истец клятвенно отрицал получение упомянутой суммы. Претензии продавца после приведения к присяге покупателя отвергли. Записано как случай (происшествие)»¹.

Ханская администрация пыталась шире внедрять суды казиев, руководствовавшиеся нормами шариата, среди киргизского населения, одновременно отгесняя суды биев, основывавшиеся на «обычаях». Именно в связи с этим Колпаковский в рапорте от 4 сентября 1873 г. писал: «...кокандские ханы силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату»². Дореволюционные наблюдатели видели в этом одну из причин народного восстания киргизов против

¹ Отдел рукоп. ИВ НАН РУз. Инв. № 705.

² ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 32. Д. 278. Л. 4—5.

Кокандского ханства. «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1874 г. писали: «Политика прежних кокандских властителей возобновлена была Худояр-ханом еще в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, руководящееся управлением по обычному праву или по адату, насильственно начали подчинять шариату»¹.

В отличие от бия, казий назначался и смещался ханом или беком. В каждом вилайете был свой, главный, казий. Сохранился фирман Мухаммеда Али (Мадали-хана) о назначении Ахунда Муллы Мир Фазила на «высокую должность казия Ташкентского вилайета», в ведение которого поступали все дела о спорах, брачных контрактах, разделе наследства, по составлению документов и реестров, учеты имущества сирот как в самом городе, так и за его пределами². В сферу действия казиев вилайетов входили и все споры и исковые дела также окрестного населения, в том числе киргизских племен. Казий выполнял судебные функции, но уже не вмешивался в управление другими делами. В то же время суд казиев, в противовес суду биев, носил религиозный характер, и действия казиев одновременно служили фактором распространения ислама среди киргизов. По свидетельству К. Палена, ревизовавшего Туркестан в начале XX в., «в понятиях мусульман суд и религия тесно слиты между собой» и «во многих случаях трудно решить, где кончается религия и начинается право»³.

¹ Туркестанский сборник. Т. 75... С. 44—48.

² Отдел рукоп. ИВ НАН РУз. Инв. № 857

³ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3.

Дела казий мог решать единолично. Однако считалось не лишним, если решения удостоверят своими печатями *муфтии и аглямы*. Жалобы на решения казиев были редки и адресовались бекам, которые либо оставляли их без рассмотрения, либо направляли другому казию или их съезду. Съезды созывались беками периодически или в случае больших юридических затруднений ¹.

Киргизы, как правило, более доверяли своим обычаям и биям и очень редко обращались к мусульманскому шариату ². Казии решали иск, если один из спорящих оказывался оседлым жителем — узбеком или таджиком, а другой — киргизом. Туркестанский чиновник Южаков, столкнувшийся в 1866 г. с практикой поземельного спора, сообщал, что узбеки обращаются как к мусульманскому праву, шариату, так и к разбору дел по обычаям, адату. Кочевники же предпочитали суд биев по народным обычаям. «Суд по шариату, — говорили они Южакову, — дает легкую возможность к плутням и мошенничеству со стороны казы... Поэтому киргизы, хотя и мусульмане, не доверяют этому суду и вовсе отстраняют его, когда обе тяжущиеся стороны киргизы» ³.

Изучение системы внутреннего управления киргизов в период зависимости от Кокандского ханства, приводит к выводу, что она покоилась на феодальной основе, при этом большое место и большая роль отводились традиционным формам взаимоотношений. При традиционном

¹ Всеподданнейший доклад особого комитета... С. 263.

² РГВИА. Ф. 400. Аз. часть. Оп. 1868. Д. 6. Л. 16.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 336. Оп. 1. Д. 42. Л. 268—269.

патриархально-родовом влиянии к чисто экономическим и политическим методам принуждения добавлялись еще моральные. Внешне выглядев как добровольное подчинение авторитетному аксакалу, многоопытному бию и могущественному манапу, моральная система принуждения, как бы «освященная» всей предшествующей традицией, на самом деле давила на проявление инициативы и всегда была направлена на защиту интересов господствующих классов.

Политическая и экономическая обособленность родоплеменных отделений, деспотизм ханов при самоуправстве наместников, которые видели главную цель в личном обогащении, позволили киргизским феодалам сохранить в своих руках внутреннее местное управление киргизским населением. Безраздельно господствуя над «своим» племенем, родом, манап и бий в общине выполняли все функции правителей, в то же время выступали в роли исполнителей ханских распоряжений.

В этнографических материалах ¹, собранных уже в 20-х гг. XX в., неоднократно упоминалось, что киргизам-кочевникам кокандцы «предоставляли право жить, самоуправляться и заниматься своим хозяйством, как им заблагорассудится». За этими словами информаторов кроется отражение элементов действительного положения в низших ячейках общественной жизни киргизов — общинах. Для трудящихся при кокандском господстве главной фигурой общества, обладателем власти и управленческих функций оставался местный феодал-родоправитель. В то же время киргизские

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 234. Л. 80—120.

феодалы заручались ханскими юридическими документами, выказывали знаки повиновения и подчинения ханам и их наместникам, даже оставляли аманатами своих родственников и близких. Но обладая реальной властью, сознавая свою силу, нередко не считались с ханскими распоряжениями и вели себя вполне независимо. Ханы и их наместники вынуждены были заигрывать с могущественными манапами, ибо подчинённые грубой силой в одном месте киргизы выходили из повиновения в другом и оказывали ханским войскам вооружённое сопротивление. В этом одна из специфических особенностей зависимости киргизов от Кокандского ханства.

3. КОКАНДСКИЕ КРЕПОСТИ — ОПЛОТ ХАНСКОГО ГНЁТА

Киргизия была завоевана Кокандским ханством силою оружия, причем отдельные районы, как например, Тянь-Шань, подчинены были после «кровопролитных схваток»¹.

Для закрепления своей власти и обозначения границ государства кокандцы возвели систему укрепленных сооружений, крепостей², которые выполняли разнообразные военные, административные, финансовые, торговые и прочие функции. Анонимный автор 40-х гг. XIX в. отмечал: «Границы Кокании прикрыты крепостцами, в которых

¹ *Кап. Проценко*. Причуйская страна. 1862 г. ... Л. 20.

² В кокандских документах крепость обозначалась термином *кала*. См.: *Троицкая А. Л.* Каталог... С. 131, 305 и др. По-киргизски — *коргон* — букв. «крепость, твердыня, защита». См.: *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь... С. 406. В русских источниках, а также в названиях географических пунктов утвердилось написание *курган*, которое мы и принимаем для унификации.

содержатся постоянные гарнизоны для досмотра проходящих караванов и для наблюдения за кочевыми племенами...»¹.

Крепости возводились как по границам Кокандского ханства, так и в основных стратегических и административно важных пунктах Киргизии с начала XIX в. Их строительство как целенаправленной связной цепи особенно активно шло в 20-х гг. и было завершено в начале 30-х гг. Это было время наивысшего подъема ханства, после чего начинаются постепенный его упадок, кровавые межфеодальные раздоры, мощные антифеодальные восстания².

Сооружение первых кокандских крепостей на территории Казахстана и Киргизии связано с расширением границ Кокандского ханства в правление Омар-хана. В 1813—1815 гг. бывшее бухарское укрепление Жангк на берегу Сыр-Дарьи перестраивается кокандцами и получает в дальнейшем название Ак-Мечеть. В 1814 г. на северных склонах гор Кара-Тау возводится Чулак-Курган³. Примерно в это же время на Алае, при слиянии рек Гульча и Мурдаш, из красной глины строится пост, получивший

¹ Обзорение Кокандского ханства... С. 214.

² Характеризуя вторую треть XIX в., Н. А. Халфин пишет: «Кокандские правители пытались разрешать экономические трудности за счет ограбления казахских и киргизских племен, воздвигая укрепления в местах их кочевков». Будучи вполне солидарны с первой частью тезиса, мы никак не можем согласиться со второй — отнести возведение крепостей ко второй трети XIX в. и объяснить их только экономическими причинами. Ср.: *Халфин Н. А. Россия и ханства...* С. 332.

³ *Соколов Ю. А. Начало военных действий...* С. 57.

название Кызыл-Курган (букв. «Красная крепость») ¹. В 1821 г. возводится Аулие-Ата на р. Талас, захватывается у киргизов и укрепляется Кетмень-Тюбе (Узун-Ахмат или Улуг-Коргон) в одноименной долине, а также Дараут-Курган в Чон-Алае. Через четыре года по р. Чу строятся Мерке, Пишпек, Токмак и Атбаши ².

Надо сказать, что точная датировка строительства большинства кокандских укреплений не поддается определению.

В источниках, как правило, об этом упоминается вскользь и нередко противоречиво. Даже по вопросу о времени возведения крупнейшей крепости Киргизии кокандского времени и то существуют разные мнения. В частности, Б. Солтоноев относит устройство Пишпека кокандцами к 1809—1812 гг. ³ Узбекский историк Х. Зияев считает, что Пишпек и Токмак были основаны при Омар-хане, следовательно, по крайней мере, до 1822 г. ⁴ Н. А. Аристов склонялся к предположению, что Пишпека и Токмака не существовало даже в 1847 г., так как в сказаниях о борьбе киргизов с казахским феодалом Кенесары Касымовым о них упоминаний нет, и впервые они встречаются якобы в материалах 1848 г. — в донесении казаха Абдуллы Ашурова ⁵.

¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк... С. 226.

² Соколов Ю. А. Начало военных действий... С. 57.

³ Солтоноев Б. История киргизов и казахов... (Рукоп.). С. 300.

⁴ Зияев Х. Урга Осие... С. 162.

⁵ Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 534.

Однако документальные свидетельства дают основание с большей мерой определенности отнести возведение кокандцами Пишпека к 1825 г. Приказчик семипалатинского купца С. Попова Файзула Сейфуллин, будучи осенью 1825 г. с товарами в Восточном Туркестане, слышал, что «кокандского владетеля более 3 000 человек завели новый город поблизости дикокаменных киргиз»¹. При возвращении в Россию, в Семиречье он узнал от казахов, что кокандский хан выслал 4 тыс. солдат для покорения киргизов и сбора дани. Кокандские войска обошли гору Кастек и «в три дня ходу» по р. Чу «основали укрепление»². В это же самое время (октябрь—декабрь 1825 г.) о строительстве на р. Чу кокандского укрепления доносил из казахских степей некий мулла М. Муминов³.

Речь могла идти только о Пишпеке — крупнейшей крепости Чуйской долины, поставленной кокандцами после завоевания северной Киргизии.

Как нам подсказал при обсуждении данной работы Н. Мадеев, китайские источники (в частности, доклад илийского цзян-цзюня 1829 г.) упоминают о заброшенной киргизской крепости, на месте которой кокандцы возвели свое земляное укрепление — Пи-сы-гэ-кэ (Пишпек), располагающееся недалеко от кочевий ха-са-ку (казахов).

Расположенная на высоком холме⁴, вблизи древней торговой трассы Семиречья, занимая ключевое, господ-

¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. Д. 8. Л. 125.

² Копия А. Крахова. 1872 г. НБООМ. Рукоп. Инв. № 27. Л. 9.

³ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1827. Д. 8. Л. 136 (оригинал). Л. 137—138 (пер.).

⁴ Это территория так называемой «Кузнечной крепости» в г. Бишкек.

ствующее над местностью положение, Пишпекская крепость представляла собой крайний форпост Кокандского ханства на северо-востоке.

Возведение и усиление ряда кокандских крепостей на юге было связано с опасностью вторжения на киргизскую территорию цинских войск. Когда в 1827 г. в Восточном Туркестане восстание местного населения против цинского господства потерпело поражение, повстанцы, в том числе и предводитель Джахангир-ходжа, кинулись искать спасения в киргизских горах. Пекин приказал для наказания повстанцев и поимки Джахангира двинуть китайские войска на Алай. В этих условиях кокандский правитель Мадали-хан, «испуганный приближением китайцев, приказал андижанскому хакиму Иса-датхе построить два укрепления: Суфи-Курган и Кызыл-Курган на караванном пути из Кашгара в город Ош»¹. На Алае срочно был выстроен Суфи-Курган и расширен основанный ранее пикет Кызыл-Курган, преградившие путь китайским войскам. Не дойдя до укреплений, простояв на Алае 20 дней, китайские войска возвратились в Кашгар².

С завоеванием кокандцами Центрального Тянь-Шаня в 1830 г. в районе оз. Сон-Куль строятся крепости Джумгал и Тогуз-Тороо, а в 1832 г. возводятся Куртка на Нарыне и Таш-Курган на Памире.

Наряду с основными крупными крепостями в это же время между ними возникает и целый ряд более мелких укреплений, которые в свою очередь обрастают своими

¹ Куропаткин А. Н. Кашгария... С. 116.

² Там же.

«спутниками» — небольшими сооружениями для ханских пикетов.

Возникали укрепления и в районах наибольшего скопления киргизского населения, которые представляли опасность вооруженного восстания против кокандских ханов. Так, войска ташкентского кушбеги, вторгшиеся весной 1830 г. для усмирения киргизов Чуйской долины и закрепления своего господства, встретили вооруженный отпор местных жителей. Повстанцы были разбиты, но кокандцы решили основать «около Алатау» еще одну крепость, поскольку, как доносил из казахских степей хорунжий Нюхалов, кушбеги «дикокаменных киргиз стараются склонить не для чего иного — единственно привести в подданство и получить подати скотом»¹.

Возведение последних кокандских крепостей относится к 60-м гг. XIX в. В 1861 г. в качестве заслона перед угрозой продвижения в Среднюю Азию царских войск возникает в Семиречье укрепление Чалдовар. В этом же году вновь отстраивается и более мощно укрепляется Пишпек. Надо сказать, что для мощной артиллерии подобные крепости не являлись серьезной преградой. Когда в 1862 г. восставшие киргизы призвали на помощь русские войска, отряд Г. Колпаковского после 10-дневной осады без особых усилий взял Пишпек. Крепость была окончательно разрушена².

Основное предназначение кокандских крепостей заключалось в обеспечении на завоеванной территории

¹ ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 970. Л. 12.

² *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории... С. 203—204.

кокандского господства. «Имея эти укрепления, — сообщалось в одном из русских документов середины XIX в., — кокандцы грабили и притесняли киргизов при всяком удобном случае»¹.

Крепости служили для Коканда опорной базой, откуда ханские отряды совершали набеги на мирное скотоводческое население. Они были почти неприступны для слабовооруженных киргизских воинов. Даже М. И. Венюков, офицер штаба корпуса царских войск, после рекогносцировки Чуйской долины в 1859 г. вынужден был признать их серьезное оборонительное значение: «Если бы не укрепления, в которых, как известно, все азиатцы защищаются очень храбро, часто отчаянно, — писал он в 1860 г., — то можно полагать, что отряд из 450 человек, ходивший в прошлом году на Чу, был бы в состоянии прогнать всех сартов до последнего из целой страны от берегов Иссык-Куля до Таласа и гор Кызыкурт»². По его заключению, кокандская линия укреплений в Семиречье имела двойное назначение: охрану границ с севера и поддержание кокандского господства над киргизским населением³.

Кокандские крепости на территории Киргизии не были предметом специального изучения, но в работах археологов А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и П. Н. Кожемяко, историков Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова и К. У. Усенбаева приведены планы и описания отдельных объектов. Мы впервые обратили внимание на них

¹ РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 128. Л. 65.

² *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории... С. 145—146.

³ Описание кокандской военной линии на р. Чу... М. И. Венюков // ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

в 1957 г., когда под руководством Б. М. Зимы студентами посетили развалины укрепления у с. Долинка на северном берегу Иссык-Куля. Затем поиски и регистрация крепостей были продолжены нами в составе археологических экспедиций в 1961—1962 гг. на Алае, 1966—1968 гг. — в Фергане и Чаткале. Наиболее интенсивные полевые работы с разведочными раскопами проведены в 1973—1974 гг. в Кетмень-Тюбе, на Центральном Тянь-Шане и в Прииссыккулье. И наконец, — специальным полевым отрядом в 1976—1977 гг. в Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областях.

Если еще в 70-х гг. XIX в. А. Н. Куропаткин на Алае встретил лишь «одни развалины» от кокандских крепостей, то можно представить, в каком состоянии они дошли до нашего времени. Большинство из них оплыло, и только взгляд археолога может отличить следы кокандской крепости от более раннего городища; многие распаханы и полностью сnivelированы. Поэтому, несмотря на упоминания в литературе или архивных документах, часть бывших крепостей даже невозможно с определенной точностью локализовать.

По источникам известно, что северную ветвь кокандских крепостей представляли Ак-Мечеть, Аулие-Ата, Уч-Курган, Мерке, Чалдовар, Шиш-Тюбе, Ит-Кичу, Аксу, Пишпек, Токмак и Кастек; восточную: Каракол, Барскаун, Конур-Улен, Кызыл Унгур по берегу Иссык-Куля; Куртка, Джумгал, Кочкор, Атбаши, Тогуз-Тороо, Тюре-Курган, Кучаанды, Бугучу — по Центральному Тянь-Шаню. С юга по приграничному поясу Памиро-Алая проходили Таш-Курган, Бустан-Терек, Дараут-Курган, Кызыл-Курган, Суфи-Курган. В Ферганских предгорьях располагались

Исфана, Кан, Янги-Курган, Чартак; в Кетмень-Тюбинской котловине — Узун-Ахмат (Улуг-Коргон), Беш-Кемпер. Имелось множество других, более мелких и просто безымянных крепостей («курганов»), называемых по урочищам, в которых они располагались.

Из названных крепостей мы встретили буквально единицы. И только три еще представляют впечатляющее зрелище — крепость Кан в Южной Фергане, Дараут-Курган на Алае и одна крепость в горном ущелье Чаткала. Тем не менее привлечение архивных источников и литературных данных, визуальные полевые обследования и разведочные раскопки позволяют сделать определенные выводы о предназначении, расположении, размерах и архитектуре, времени функционирования укреплений и др.

Кокандские крепости оказались довольно своеобразными памятниками исторического прошлого Киргизстана, которые нигде в Средней Азии, кроме Ферганы и Тянь-Шаня, не возводились в таком множестве. По размерам и предназначению их можно разбить на четыре группы: 1) крупные административные центры целых районов; 2) средние укрепления местного (волостного) значения; 3) мелкие крепости, являвшиеся связующими звеньями между более крупными; 4) киргизские «коргоны» — укрепления местных феодалов, созданные по образцу кокандских, но выполнявшие иные функции и являвшиеся первыми очагами киргизской оседлости XVIII—XIX вв. Все они возводились из сырцового кирпича или пахсовых блоков, т. е. строительный материал обуславливал их сравнительную недолговечность.

Рассмотрим каждую из групп подробнее. Крупные крепости, типа Пишпека, окружались мощными стенами

с несколькими воротами, имели башни и были усилены артиллерией. Гарнизоны состояли из сотен воинов, но могли составлять и до нескольких тысяч.

В 50-х гг. XIX в. западносибирскими властями была организована рекогносцировка Зачуйского края под руководством М. И. Венюкова. В предписании отряду указывалось, что его основная задача — «ознакомиться ближе как с устройством кокандских укреплений, так и с качеством горных проходов»¹. М. И. Венюков и сопровождавший его переводчик И. Бардашев оставили в 1859 г. описание Пишпека и Токмака², а М. И. Венюков — и схематический план и разрез в профиль крепостных стен Пишпека³. Составленный визуальным планом после взятия крепости в 1860 г. войсками Циммермана был уточнен инженером Крыштановским, дополнен детальным описанием⁴.

Итак, что же представлял собой Пишпек до его перестройки в 1861 г.?

Основанная в 1825 г. крепость до 1853 г. имела только один ряд стен. С активизацией русской политики в Средней Азии, вокруг Пишпека к 1858 г. был возведен второй крепостной вал и, по словам современников, Пишпек превратился в самое мощное фортификационное сооружение

¹ Донесение подполк. Бабкова военному министру. 5.VIII. 1859 г. // РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 32. Л. 57.

² Описание кокандской военной линии на р. Чу... М.И. Венюкова // ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 23. Док. 115; Расспросное описание путей, лежащим от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент, Хоканд. Наманган и пр..., составленное Бардашевым // РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 29; ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 11.

³ РГВИА. Ф. 400. Аз. Ч. Оп. 263/916а. Д. 95. Л. 7.

⁴ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 23. Док. 115.

Кокандского ханства ¹ (не считая, конечно, самого Коканда и Ташкента). Крепость имела форму чуть скошенного на северо-запад квадранта с фасадами ² 120—330 м (по М. И. Венюкову), или до 300 м (по Крыштановскому). Перед крепостными воротами — глубокий ров шириной до 4 м. Внешние стены, увенчанные зубцами, высотой около 7 м, толщиной 6 м у основания и до 3 м сверху. Стены имели небольшие амбразуры. Внутри располагалась цитадель — также неправильной четырехугольной формы (несколько вытянута с юга на север) с угловыми башнями и зубчатыми стенами высотой до 6 м. Вход в крепость находился с северной стороны, а во внутреннюю цитадель — с запада. Между крепостными стенами лепились лавки торговцев, жилые дома. По словам А. Талызина, в Пишпекке было до 1 000 дворов узбеков ³. Здесь же собирался базар. В цитадели находились дома коменданта и его приближенных, казармы и зиндан — яма для заключенных, склады оружия и продовольствия. В северной части работали мастерские по ремонту орудий и литью пуль. Здесь же были мечеть и колодец, пруд, обсаженный деревьями. Имея дом, комендант Атабек-датха предпочитал жить в юрте, поставленной рядом. Гарнизон Пишпекки насчитывал до 250 пеших воинов с фитильными ружьями и около 150 конных, на вооружении которых были еще и пики. В Пишпекке имелось три-пять пушек и до

¹ *Кап. Проценко*. Причуйская страна... 1862 г. ... Л. 23.

² Фас (спец.) — сторона оборонительного сооружения, обращенная к противнику.

³ *Талызин А.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.)... С. 29.

15 ручных мортир. Наличие оседлого населения, торговых домов и лавок, периодические базары в Пишпеке — все это указывало на то, что он имел тенденцию постепенного перерастания в городок, хотя основные функции и оставались крепостными. Это и позволило заключить М. И. Венюкову, что Пишпек «имел характер не столько города, сколько крепости»¹.

После разрушения крепости русскими войсками в 1860 г. она была вновь восстановлена кокандцами почти в прежней конфигурации, но в гораздо более мощном виде. Постоянный гарнизон усилился до 600 воинов, к которым вскоре добавилось еще 200. По новому плану, снятому во время рекогносцировки крепости в 1862 г., и сообщениям побывавших там киргизов, видно, что стены были возведены более внушительные, появились мощные угловые башни. Значительные меры были приняты по общему усилению крепости².

Однако земляные валы и глинобитные стены, какими бы внушительными ни казались, не могли противостоять более совершенной наступательной технике царских войск. Вскоре крепость пала, русские солдаты с помощью киргизского населения полностью разрушили стены. Господству кокандских ханов в Чуйской долине пришел конец.

Из крепостей среднего масштаба уникальное значение имеют сохранившиеся до наших дней, хотя существенно и потревоженные временем, укрепление Кан в районе р. Сох

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 23. Л. 3—16; РГВИА. Ф. 14—19 Оп. 1. Ф. 29. Л. 20—23, 32; *М. И. Венюков*. Военно-статистические очерки... С. 8.

² ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 25. Л. 51—52; Д. 26. Л. 53.

на юге Киргизии и Дараут-Курган в Чон-Алае. К подобным крепостям относились также Джумгал и Куртка, описание и зарисовки которых оставил в 60-х гг. А. Проценко, а также укрепление Токмак, Кетмень-Тюбе и целый ряд других. Обычно эти крепости окружали четырехугольные глинобитные стены, длиной 60—70 и высотой до 5 м, с башнями по углам и в центре одного из фасов. Внутри возвышалась цитадель — прямоугольное глиняное сооружение с дверями и окнами. Снаружи стены крепости окружал неглубокий, неправильной формы ров. Внутри укрепление разделялось глиняными заборами на несколько дворов, у стен находились клетки для размещения воинов, конюшни и склады продовольствия. Крепостной гарнизон обычно состоял из 150—200 человек, но в зависимости от обстоятельств мог численно меняться. Крепостные стены не имели бойниц, их заменяли окна и двери цитадели. Стрельба производилась также с крыш мазанок. В башнях по углам были проделаны амбразуры для небольших чугунных и медных пушек.

Такие крепости возводились на пути традиционных скотопрогонных путей киргизского населения, у основных выходов из горных ущелий, на стыке зимних и летних пастбищ. О Токмаке, например, В. Радлов, проезжавший в 1869 г. из Чуйской долины на Иссык-Куль, писал, что он устроен «у подножья южных гор, где здоровый и свежий ветер, и откуда можно было с удобством защищать южные ущелья»¹.

В 1974 и 1976 гг. мы тщательно обследовали остатки одной из наиболее сохранившихся кокандских крепостей —

¹ Радлов В. Краткий очерк... С. 96.

Кан. Они до сих пор представляют внушительное зрелище как некогда мощное сооружение, что позволило Ю. А. Заднепровскому назвать укрепление выдающимся памятником фортификационной техники кокандского времени ¹.

С 1939 г. крепость неоднократно посещали археологи (М. З. Воронец, Т. Г. Оболдуева, Ю. Д. Баруздин, Ю. А. Заднепровский), но поскольку предметом их исследования являлись объекты более раннего времени, то они ограничивались лишь фиксацией памятника, который в литературе не нашел достаточного отражения. Поэтому охарактеризуем его несколько подробнее.

Крепость имела важное стратегическое значение. Она расположена на господствующем над местностью высоким плато — *адыре*, перегораживающем правобережную часть долины р. Сох. Вершина адыра спланирована под ровную поверхность, длиной 0,5 км, шириной 70—140 м. Обрывистые края по всему периметру укреплены глинобитными стенами. Сохранившаяся высота их 2,0—2,7 м, первоначальная — 3—3,2 м, ширина внизу 0,8 м, вверху — 0,3 м. В стенах в шахматном порядке в два ряда расположены под наклоном во внешнюю сторону бойницы. Нижний ряд бойниц проходит по высоте 0,7 м, верхний — 1 м. Расстояние между ними 2—2,3 м. Плато, на котором стоит укрепление, глубоко врезающимся саями с западной и восточной сторон делится на две половины. В соответствии с этим и крепость состоит из двух частей. Первая (южная), по-видимому, была хозяйственного назначения. Она имела два входа. Один находился в юго-

¹ Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии... С. 52, 58—59.

западном углу, другой — в месте соединения со второй частью. С южной стороны эта часть крепости укреплена валом естественного происхождения, высотой 2,5—3 м, шириной в основании 15 м. На вершине вала по всей длине возведена глинобитная стена. Вдоль северной стены по бокам от входа сохранились остатки двух помещений. Вторая часть крепости, соединенная с первой длинным коридором, — основная. Она занимает северную половину адыра и по площади в два раза меньше первой. Южная сторона укреплена валом естественного происхождения и глинобитной стеной. В центре вход, укрепленный с обеих сторон башнями. Кроме того, башни расположены по углам и в центре стен. Они полые, в плане округлые, диаметром в пределах 2,7—3,5 м. С внутренней стороны стен насыпь для защитников крепости, чтобы воин, стоя, мог стрелять через верхние амбразуры.

Посредине крепости сохранился фундамент из камней, который подходит почти вплотную к крепостной стене. В северозападной части крепости расположены остатки трех прямоугольных в плане построек. Внутри крепости заметны развалины домов, примыкающих к стенам, — обычный строительный прием XIX в.

На поверхности и вокруг развалин внутри крепости встречается станковая керамика, фрагменты, характерные для средневековой и кокандской посуды.

Культурный слой на всей территории крепости, который обычно характеризует долговременность функционирования сооружения, не прослеживается. Однако остатки трех построек и фундамент, сохранившиеся во второй части, а также подъемная керамика дают возможность предположить, что северная часть адыра была обжита в средние века.

Крепость представляла собой довольно мощное оборонительное сооружение. Реальная неприступность ее усиливалась за счет крутизны склонов адыра, по которым очень трудно подниматься всаднику или пехотинцу, так что штурм снизу почти исключался.

Наиболее уязвимым местом в обороне крепости являлось водоснабжение. К ней с верховьев реки был выведен арык. Но в случае его перекрытия, гарнизон мог остаться без воды. К тому же не имелось условий для отступления — выход был не менее опасен, чем подъем.

В нескольких километрах от крепости Кан, вниз по течению реки, сохранились развалины еще одного, более мелкого укрепления — Кштут. Местные жители до сих пор называют эти развалины «коргоном Худояр-хана», связывая с ним пребывание здесь хана в последние годы его правления.

Обе крепости представляли собой как бы одно звено общей цепи пограничных укреплений, утверждавших ханскую власть и колонизаторскую политику кокандских ханов па киргизской территории.

В ходе экспедиционных работ 1976 г. не подтвердилось высказанное нами ранее положение, что Кан — «это единственное на сегодняшний день сохранившееся укрепление на территории Киргизии». В глубине Чон-Алайской долины была зафиксирована еще одна, сохранившаяся даже в лучшей степени, крепость Дараут-Курган.

Упоминания о кокандской крепости Дараут-Курган встречаются в литературе еще XIX в. Во время путешествия по Кокандскому ханству, в начале 70-х гг., А. П. Федченко посетил Дараут-Курган. Это было укрепление четырехугольной конфигурации с глиняными стенами высотой до

4 м. Единственные ворота выходили на север. Ранее здесь было малое укрепление, которое с восстаниями киргизов было расширено. Прежнее сооружение осталось лишь в качестве дома-резиденции коменданта Исмаила-токсобы. К стенам кургана примыкали навесы, которые в непогоду служили укрытием для людей, во время обороны — нишей для стрельбы. Внутри крепости располагался обширный двор, предназначенный для содержания лошадей. Гарнизон должен был составлять 50—60 всадников с ружьями или саблями (причем из киргизов). Но Федченко не насчитал и двух десятков, к тому же все были без ружей. Ему объяснили, что когда в окрестностях все спокойно и волнений среди киргизского населения нет, комендант распускает джигитов по домам ¹.

Таким образом, Дараут-Курган можно даже считать киргизской крепостью — опорой киргизских феодалов, ставленников кокандских ханов. Она была возведена и подерживалась киргизами (правда, «под нагайкой» ханских сипаев), гарнизон ее был полностью киргизским, но... состоял на кокандской службе.

Возведение в свое время крепости Дараут-Курган, также как и других алайских крепостей — Кызыл-Курган и Суфи-Курган ² (от которых не сохранилось даже развалин) — служило целям разграничения Кокандского ханства и Китайской империи. Линия кокандских крепостей, основанных в 20-х — нач. 30-х гг. XIX в. по юж-

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан... С. 371.

² По словам местных жителей, на месте Суфи-Кургана в старину некий отшельник (суфи) построил караван-сарай и небольшой курган, давший название селу.

ной границе Киргизии, положила конец бессистемным набегам цинских отрядов и в то же время представляла угрозу китайскому владычеству в Восточном Туркестане. Как заключал в 70-х гг. полковник генерального штаба А. Н. Куропаткин, «Кашгария оказалась опоясанною владениями кокандскими, откуда владычеству китайцев всегда грозило или вторжение ходжей, или набеги каракиргизов»¹.

Другое предназначение алайских крепостей — обеспечение безопасности торговой трассы Фергана — Восточный Туркестан. Расположенные вдоль оживленного торгового пути, связующего Кокандское ханство с Восточным Туркестаном и через него — с Китаем и Индией, укрепления являлись также торговыми форпостами ханства.

По рассказам местных жителей, крепость Дараут основана 200 лет назад (срок увеличен, по крайней мере, на полстолетия) кокандским наместником Кул-датхой. Это был жестокий ставленник кокандцев, который любил собирать в крепость киргизских девушек, а после удовлетворения прихоти приказывал их утопить.

Километрах в трех южнее крепости протекает главная водная артерия Чон-Алая — река Кызыл-Су, за которой в ясную погоду хорошо виден взметнувшийся к небу один из высочайших пиков Памира — им. В. И. Ленина. Крепость как бы ютится меж двух высоких скал. По форме она представляет собой трапецию со сторонами 75 на 70 м и 38 на 38, толщина зубчатых паховых стен у основания 1 м, высота до 4 м. С северной горной стороны — ворота, шириной в 5,5 м (арка не сохранилась), по углам выдаются зубчатые

¹ *Куропаткин А. Н.* Кашгария... С. 117—119.

башни (две из них сохранились) с периметром стен 10 м. Из стен и башен смотрят бойницы для ружейного огня.

И третье, также одно из основных предназначений крепости заключалось в утверждении и поддержании ханской власти над скотоводческим киргизским населением Алая.

Аналогичную роль выполняла крепость в центре Кетмень-Тюбинской котловины. В 1973 г. нами были проведены предварительные раскопки этой крепости, упоминаемой в источниках то как Кетмень-Тюбе, то как Узун-Ахмат, но известной местному киргизскому населению как Улуг-Коргон.

В настоящее время памятник совершенно разрушен, однако прослеживается хорошо, во всяком случае, в археологическом плане.

Крепость расположена на возвышенном плато между реками Чичкан и Узун-Ахмат при слиянии их с Нарыном. Она представляет собой ориентированный по странам света неправильный четырехугольник размерами 205, 130, 130 и 185 м. Разрезы показали толщину стен до 1,8 м в основании с постепенным сужением вверх. Судя по оплывам, высота их в реконструкции едва ли превышала 4—5 м.

Менее мощные стены в качестве дополнительного укрепления проходили со стороны въездов в крепость — с северо-запада, через ворота с пристройками башенного типа, и с юго-востока. Со стороны Чичкана попасть в крепость можно было по отлогой террасе, из которой бьют ключи.

Западный, северный и восточный углы крепости фланкированы далеко выступающими за линию стен башнями. Южная башня устроена в толще юго-западной стены на расстоянии 10 м от угла и выступает за ее линию всего

на 2 м. Раскопки одной из них, а именно западной, выявили овальный, близкий к кругу план с внутренним диаметром 3,5 м и толщиной стен 1,1 м. Стены сохранились на высоту 1,3 м от глинобитного пола, поэтому никаких элементов башенной фортификации (ниш, бойниц, парапетов и др.) не было зафиксировано. Башня имела небольшое сужение вовнутрь и, видимо, плоское перекрытие. Она сообщалась с внутренней частью крепости коридором-проходом шириной в 1 м.

Раскопки выявили два уровня глинобитных полов с зольниками и немногочисленными фрагментами глиняной посуды, что свидетельствует о запустении и последующем возобновлении жизни на объекте.

При сравнительно небольшой толщине стен центр тяжести обороны переносился на башни. Важным приемом обороны было устройство дополнительных стен-барьеров на подступах к крепости со стороны въездов. Была неплохо продумана система защиты ворот — наиболее уязвимого места крепости. Так, в случае, если неприятель появлялся со стороны плато, то бой можно было вести за пределами крепости. Если же он появлялся со стороны рек, то ему приходилось подступать к воротам по пандусу. Тогда, поднимаясь на террасу со стороны Узун-Ахмата или Нарынского ущелья, враг попадал под обстрел с башен правой, неприкрытой естественным щитом стороны, и его легко можно было отбить.

Внутри крепости не чувствуется планомерной застройки. Две трети ее территории совершенно не имеют культурного слоя, кроме оплывов невысоких стеночек-перегородок различных хозяйственных служб. Обжитой была лишь

внутренняя цитадель, расположенная в юго-восточной части крепости, почти квадратная — 50 на 45 м. Разрез южной башенки выявил двухъярусную конструкцию, в перекрытии нижнего яруса которой были употреблены арочные бревна и доски. Стены имеют своеобразную конструкцию: плотный глинобитный футляр толщиной в 15 см был забутован строительным мусором. Общая толщина стен 0,85 м. Пол в башне вымощен камнем. Судя по строительным остаткам, башня сооружалась не в момент возведения всей крепости, а позже. Это является свидетельством усиления крепости на одной из промежуточных стадий ее существования.

При раскопках помещений также выявилось два четко выраженных строительных горизонта, следы ремонта и переделок стен — подтверждение сравнительно длительной жизни укрепления и его усиления на определенном этапе.

Во внешней юго-западной стене помещения была зачищена ниша, высота которой превышала метровую отметку от пола, ширина 0,9 м, глубина — 0,6 м. Наличие в юго-западной (кибловой) стене ниши и возвышения для муллы позволяет считать это помещение мечетью. Оно было самым большим среди построек крепости.

По письменным источникам, постоянный гарнизон крепости состоял из 100 вооруженных солдат ¹, но следует учитывать, что здесь же были и их семьи, купцы и прочие жители.

Крепость как кокандское укрепление существовала около полувека (между 1822 и 1865 гг.), но раскопки пока-

¹ Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 г. ... (Рукоп.). С. 64.

зали, что она функционировала не менее столетия и один раз претерпела серьезные изменения — была перестроена и основательно усилена. Таким образом, можно заключить, что до кокандцев крепость выступала в роли киргизского феодального укрепления — ставки родоправителя киргизов Кетмень-Тюбе.

Описание укреплений Центрального Тянь-Шаня оставили путешественники 50—60-х гг., в частности Ч. Валиханов, А. Проценко, В. Полторацкий и др.

В укреплении Куртка побывал 22 марта 1859 г. на обратном пути из Кашгара Ч. Ч. Валиханов. По его наблюдениям, укрепление представляло собой почти квадратное фортификационное сооружение, три стены которого были длиной в 200 саж. (427 м), четвертая стена упиралась в обрыв крутого берега. Высота стен в 3 саж. (6,3 м), ширина до 2 арш. (1,5 м). Укрепление имело двое ворот — главные, с восточной стороны, и с северной — так называемые «внутренние» ворота, ведущие к мечети (на месте которой прежде стоял домик Джахангир-ходжи). В крепости находились войлочные юрты, окруженные земляными валами, и несколько глинобитных мазанок. Дом коменданта, мечеть, конюшня, амбар, скученные в середине двора, — таким представилась Куртка взору Чокана Валиханова ¹.

В к. 50 — нач. 60-х гг. основной гарнизон Куртки состоял из 50 узбекских воинов, в подкрепление им набирали киргизских ополченцев до 150 человек ². В ответ на стремление

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 2... С. 196—197.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 263/916 а. Д. 43. Л. 44.

киргизов присоединиться к России ханские власти усилили гарнизоны своих северных крепостей. Как видно из письма манапа Джантая Кадырбекова начальнику Алатавского округа (от 22 декабря 1863 г.), в Куртку также был приписан из Коканда отряд кыпчаков, которые обновили крепость и увеличили основной гарнизон, оставив здесь ещё 100 воинов ¹.

Характеризуя отношение тянь-шаньских киргизов к Коканду и роль крепостей, Проценко в 1862 г. пришел к заключению, что «киргизы вообще мало слушают кокандцев, и только еще задержка в укреплениях аманатов из почетных фамилий удерживает их в покое. Но и то очень часто случались здесь неповиновения и Куртка даже несколько раз была блокируема, осаждена киргизами» ².

Снабжение крепостей проходило по особым единообразным распоряжениям — *патта*. В качестве примера можем привести образец такой патты от 1290 (1873—74) г., адресованной от имени Султан Мурад-бека некоему Фазилу-саркару на выдачу в алайскую крепость джугары:

«Достойному, превосходному деяниями саркару (да будет) известно, что для крепости (*кала*) на Алае 20 чарьяков джугары от вас мы приказали (получить).

По получении патта без промедления отпустите. (Так) утверждено» ³.

Одновременно Султан Мурад-бек отдает распоряжение своему сборщику налогов Алимусаркару на выдачу для алайской крепости шести чарьяков риса, который увезет

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 100.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 263/916 а. Д. 43. Л. 43.

³ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д. 831.

податель записки (*санад*)¹. Это непосредственно для воинов, гарнизона крепостей. С течением времени вокруг подобных крепостей вырастали мазанки для воинов гарнизона и торговцев, заводились огороды, имелись кое-какие небольшие запашки, то есть создавались потенциальные условия для перерастания их в селения. После изгнания кокандских гарнизонов и присоединения Киргизии к России эти крепости были частично разрушены, некоторые приспособлены в качестве опорных пунктов и зимовок киргизских феодалов, остальные, покинутые, сами собой пришли в запустение.

Наиболее многочисленную группу кокандских укреплений представляли небольшие постройки, сооружения, рассчитанные на 20—50 воинов. По сохранившимся чертежам и рисункам, составленным в 1862 г. по описанию, можно воссоздать общую конфигурацию и внутреннюю планировку некоторых крепостей. Как правило, это укрепления четырехугольной или овальной формы. Довольно высокие, но тонкие зубчатые стены с выступами или башнями по углам, снаружи окружены рвом. Слабость укрепления и малочисленность гарнизона определяли и их довольно скромные задачи: охрана торговых трактов, наблюдение за перекочевками киргизов и сбор зякета. При приближении серьезной опасности гарнизон подавал сигнал ближайшей более мощной крепости и сам перемещался туда же². После падения Кокандского ханства все эти крепости пришли в запустение, были разрушены и в настоящее

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 1043. Оп. 1. Д.2084.

² РГВИА. Ф. 400. Аз. Ч.. Оп. 1911. Д. 42. Л. 20—21; *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 595.

время от многих не сохранилось никаких следов. Одни названия — Аксу, Шиш-Тюбе, Ит-Кичу, Барскаун, Конур-Улен и другие — напоминают о том, что когда-то здесь стояли кокандские укрепления.

Вблизи этих малых укреплений имелись сторожевые пикеты, нередко безымянные (просто «курган» или «коргон»). В одном урочище можно было встретить несколько пикетов. В Карабурунском ущелье — по дороге из Аулие-Аты на Чаткал — русский отряд в июле 1864 г. встретил «несколько кокандских маленьких укреплений, называемые... курганами». Четырехугольной формы коргоны имели фасы не более 30 м, по углам небольшие башенки, «внутри несколько мазанок для жилья и садики». Их задача, по донесению рекогносцировщиков зачуйского отряда, заключалась в «наблюдении за Карабурунской щелью», через которую пролегал наиболее оживленный путь между Таласом и Чаткалом ¹. На Чаткале у моста через реку находился такой же пикет от крепости Чинаш, стоявший от реки в 4 км. В пикет помимо воинов входили зякетчи, собиравшие налог за переправу скота через реку ².

По примеру мелких кокандских укреплений и по аналогии с ними строили подобные сооружения и киргизские манапы. Опыт возведения собственных укреплений киргизское население имело и до кокандского завоевания, но это были буквально единичные сооружения.

Кокандские власти не поощряли строительства киргизских укреплений, которые препятствовали их господ-

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 27. Л. 308.

² РГВИА. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 5. Л. 61—62.

ству на завоеванной территории, поэтому в первые годы кокандской зависимости мы не встречаем ни одной киргизской крепости. Но по мере возрастания роли киргизских феодалов в общественной жизни Кокандского ханства начинается возведение и киргизских крепостей — сначала в качестве административных центров киргизских феодалов, ставших ханскими чиновниками, а потом и как собственных ставок киргизских феодалов, не связанных с кокандской службой.

Судя по опросным материалам к. XIX в., в кокандское время в Таласской долине собственное укрепление было у местного киргизского феодала Нурека Аджибекова. Он по назначению ташкентского хакима Азиза-парваначи являлся «правителем всех таласских каракиргиз»¹. На Таласе же возвел свою крепость и другой киргизский феодал — Садыр, вознамерившийся было стать верховным правителем таласских киргизов рода саяк².

В 1843 г. иссык-кульским манапом Боромбаем в месте слияния рек Улькун и Кичик-Джууки было выстроено укрепление (коргон) Кызыл Ункур, превратившееся в его ставку. Укрепление выгодно располагалось на пересечении караванных путей, следовавших отсюда двумя ветками в Восточный Туркестан. Боромбай для сопровождения караванов, шедших через Иссык-Куль, выделял за определенную плату своих людей, и тогда караваны благополучно проходили в Восточный Туркестан. Одновременно коргон, постоянно охранявшийся 30 джигитами, служил

¹ *Каллаур В.* К истории города Аулие-Ата... С. 12.

² ПЗСТКЛА. Год 8-й. С. 34.

складом зерна и имущества, лишнего при летних перекочевках. Для этого внутри коргона стояло 10 юрт¹. Переводчик И. Бардашев, не раз бывавший в боромбаевских кочевьях, уточнял, что укрепление имело бойницы². Причиной, побудившей Боромбая выстроить свой коргон, были начавшиеся феодальные усобицы с сарыбагышами³.

Во время археологической разведки вокруг Иссык-Куля осенью 1973 г. мы осмотрели пещеры Кызыл-Ункур, рядом с которыми располагался коргон Боромбая. Он находился в верховьях р. Джуука (по ее правому берегу), как раз при слиянии Кичине и Чон-Джууки. Следов коргона не сохранилось, хотя население всё ещё помнит о нем, как и об арыках и пашнях Боромбая. Но располагавшиеся тут же пещеры, о которых писал ещё П. П. Семенов-Тянь-Шанский, до сих пор выглядят внушительно, они служили амбарами. По словам ученого, именно вблизи пещер находились «остатки боромбаевских укреплений»⁴.

Какой-то коргон возле Пишпека имел манап Байтык. В марте 1864 г. войсковой старшина Бутаков рапортовал начальнику Алатавского округа, что «Байтык перекочевал к своему кургану, что выше Пишпека»⁵. По словам манапов Боромбая, Качыбека и других, сарыбагышский манап Ормон на Санташе возвел свой «курганчик» рядом с более

¹ *Перемышльский М. Д.* Описание путей в Кашгарию и другие города... Л. 13.

² *Бардашев И.* Заметки о дикокаменных киргизах... С. 387.

³ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 537.

⁴ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие... С. 268.

⁵ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 324. Л. 4.

серьезным укреплением кокандцев ¹. Также известный кетмень-тюбинский манап Рыскулбек имел свой Чон-Коргон, нечто вроде колука — укрепленного феодального владения.

Киргизские коргоны возводились по подобию и образцу мелких кокандских укреплений и являлись ставками манапов. Строительство домов и загонов для скота, запашки под зерновые культуры служили начальным этапом перехода к оседлости. При этом перенимались навыки узбекского населения, сосредоточенного в кокандских крепостях.

Мы вполне разделяем точку зрения С. М. Абрамзона, рассматривавшего боромбаевское укрепление середины XIX в. как зачатки оседлости среди киргизской феодальной знати ². Но примеры наличия у киргизов своих крепостей в других районах, да еще до кокандского завоевания, свидетельствуют о том, что знакомство киргизов с земледелием и ростки оседлости проявлялись много ранее, по крайней мере, с XVIII в.

Итак, рассмотрение вопроса о крепостях на территории Киргизии, позволило сделать следующие выводы.

Кокандские крепости представляли собой наиболее многочисленный в Средней Азии тип фортификационных сооружений, призванных служить оплотом ханско-феодального гнета над киргизским населением. Они возводились по мере продвижения кокандских войск по киргизской территории и определяли границы господства Кокандского ханства.

Как пограничные крепости они препятствовали распространению цинской агрессии на юге Средней Азии,

¹ ЦГА РК. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 32 а. Л. 49—50.

² *Абрамзон С. М.* Киргизы... С. 114.

стояли на пути китайских отрядов, изредка предпринимавших попытки вторжения в киргизские кочевья на территории Кокандского ханства.

Крепости служили административными центрами, из которых кокандские чиновники управляли завоеванными районами, были опорными пунктами по сбору налогов с окрестного населения, обеспечивали охрану торговых трактов.

Кокандские крепости являлись образцом для создания подобных укреплений киргизскими феодалами. Хотя практика возведения киргизских укреплений имела ещё до кокандской колонизации, она была позже прервана ханским завоеванием. Строительство крепостей кокандцами и возобновление их впоследствии киргизами явилось новым толчком к созданию очагов оседлости и более решительному обращению киргизского населения к земледелию.

После падения Кокандского ханства крепости перестали отвечать своему назначению. Возведённые из недолговечного материала — сырцового кирпича и пахсовых блоков — они были разрушены киргизским населением или пришли в запустение. Время почти повсеместно стёрло следы их существования.

4. Роль киргизской знати в политической жизни ханства

После завоевания Кокандским ханством Киргизии местные киргизские феодалы быстро приспособились к новым условиям, наиболее инициативные сосредоточили усилия на том, чтобы определить свое место и отношение ко двору, урвать свой «кусочек» от ханской добычи. Киргизские феодалы, особенно юга Киргизии, территориально близкого

к Коканду, стали активными проводниками и стражниками ханской политики внутри страны. Они принимают прямое участие и в завоевательной внешней политике ханства, помогая подчинять еще независимые киргизские племена.

Феодалы Северной Киргизии старались сохранить свою власть над зависимыми племенами, используя иногда для этого и силу кокандских войск. В то же время, находясь на наиболее отдаленной от кокандских Центров территории, они нередко не считались и с ханской властью, выражая свое подданство лишь сбором и передачей налогов ханским наместникам.

Многострадальный киргизский народ оказался под двойным эксплуататорским гнетом, и в этих условиях впервые почувствовал солидарность с узбекским народом. Но традиции патриархально-феодальных отношений, неразвитость классового самосознания дехканства вели к тому, что киргизские феодалы, используя стихийное проявление недовольства народа, могли увлечь за собой трудящихся для защиты чуждых народу интересов. Этой своей силой киргизские феодалы представляли серьезную опасность для кокандских ханов и активно вмешивались в ханские междоусобицы. Наряду с киргизскими, пожалуй, еще в большей степени действовали кыпчакские феодалы. Кыпчаки были узбекским племенем, но имелось подразделение кыпчак и в составе киргизов. Среднеазиатские источники нередко путали узбекских и киргизских кыпчаков, иногда же для отличия называли первых просто кыпчаками, а вторых — киргиз-кыпчаками ¹.

¹ Кыпчаки Ферганы выступали в политическом плане как наиболее близкий киргизам этнический компонент. Территориальная

Мулла Абдул Маджид, посетивший Кокандское ханство, отмечал три основных этнических массива внегородского населения ханства — киргизов, кыпчаков и казахов, между феодалами которых, по его словам, идет «постоянная борьба..., но в основном преобладают киргизы» — «киргизская клика (при Малля) самая высшая»¹. Но нередко киргизские и кыпчакские феодалы совместно выступали оппозицией существовавшей власти и ханскому двору. Они стремились выбиться в высокие кокандские сановники, использовали кокандскую государственную машину для проведения своей корыстной политики. Кочевые феодалы начиная с 1842 г. низвергали и возводили на престол кокандских ханов по своему усмотрению.

Все кокандские ханы были из узбекской феодальной династии минг, но позже она по женской линии смешивается с киргизской ветвью. Перипетии судьбы, частые дворцовые перевороты и смуты в ханстве, а также экономические интересы привели к тесному контакту и близким родственным связям между ханами и киргизскими феодалами.

и этническая близость обусловили экономическую и бытовую общность. Специалисты сравнительного языкознания отмечали и самую ближайшую общность киргизского и кыпчакского языков. В частности, известный лингвист Е. Д. Поливанов, проводивший в 30-х гг. XX в. в республике исследования по киргизскому языкознанию, в одной из своих оставшихся неопубликованными работ заключал: «...единственным действительно *ближайшим* и *специфически близким* киргизскому оказывается лишь крайне незначительный в статистическом отношении т. н. *кыпчакский язык*, язык ферганских кыпчаков (в свое время игравших столь известную роль в династической истории Кокандского ханства)...». См.: Материалы Е. Д. Поливанова (Рукоп.). Инв. № 22. Тетр. 1.

¹ Report of a Journey to Kokan... P. 12.

лами. Нередко жены ханов и матери ханских наследников были киргизками. Характерный пример тому — кокандский хан Шералы и его наследники. По преданиям, мать Шералы была киргизкой, его отец Хаджи-бек являлся родным братом Нарбуты.

В последние годы правления Нарбуты Хаджи-бек попытался, опираясь на старейшин киргизов и казахов, организовать сопротивление кокандскому правителю. Но не поддержанный основным населением — узбеками Ферганы, пошел на примирение с братом. Со смертью Нарбуты в 1800 г. в Коканде началась борьба за власть четырех претендентов. Победил Алим, занявший престол и казнивший своих соперников, однако малолетние сыновья Хаджи-бека — Шералы и Улуг-бек — сумели укрыться среди киргизов. Улуг-бек вскоре погиб, а Шералы, перебравшийся на Талас, остался среди киргизов¹. Здесь он женился на киргизке, обзавелся детьми и вел обычную жизнь рядового кочевника и скотовода. Киргизские феодалы укрыли и не выдали претендента на престол не из простого милосердия. С одной стороны, это было проявлением оппозиции ханской власти, с другой — свидетельством силы и противопоставления себя (в определенной степени) Коканду. Шералы оставался многие годы нераскрытым козырем, которым в свое время крупно могли сыграть киргизские феодалы. Такое время пришло в 1842 г.

В этот период осложнились отношения между Бухарой и кокандским ханом. Весной эмир Насрулла со своими войсками выступил против Мадали-хана и овладел

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 35—38, 41.

Кокандом. Борьба двух соседних государств нашла отражение во многих среднеазиатских хрониках. Обратимся к ним, взяв за основу детальное сочинение «Рияз-уд довле» Мухаммеда Риза, известного под псевдонимом Агехи ¹, дополнив его хроникой Муллы Нияза «Тарих-и Шахрохи».

В ходе напряженной борьбы победа оказалась на стороне эмира Насруллы. Захватив Коканд, эмир отдал город и окрестности своим войскам на 4 часа для разграбления. После этого Насрулла вместо того, чтобы посадить на престол одного из послушных ханских наследников, решил превратить целое государство в свою провинцию и оставил в Коканде своим наместником узбека из бухарской династии мангитов Ибрагима-Хаял-парваначи. Он сразу обложил население Кокандского ханства новыми налогами, бухарские воины начали бесчинствовать и грабить население. Особенно тяжелым оказалось положение простого народа, на плечи которого переложили весь груз новых налогов. Всё это вызвало недовольство и волнение народа. Через месяц и 17 дней вспыхнуло восстание и «от группы сартийя и кыпчакийя и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» на престол был возведен Шералы ².

Этим событиям предшествовал заговор кыпчакских и киргизских феодалов для возведения именно своего

¹ Пер. А. К. Боровкова. См.: Материалы по истории туркмен... Т. II. В. В. Бартольд очень высоко оценил сочинение Агехи, назвал его литературным историческим трудом, который «по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского». См.: *Бартольд В. В. История культурной жизни...* С. 285—286.

² Тарих-и Шахрохи... С. 136.

ставленника. Используя ситуацию всеобщего недовольства бухарским наместником, феодалы решили пригласить с Таласа Шералы, не без основания считая, что он станет послушной марионеткой. Между ферганскими и таласскими киргизами, которые, по словам В. Наливкина, были «родственниками» и «свойственниками», часто общались и вообще поддерживали связь, стали сновать курьеры. В мае на Талас выехал представитель Наманганского вилайета киргиз из рода кырк-огул Юсуф. В свое время он был минбашой при Мадали-хане, но затем был смещён и отправлен хакимом Маргелана ¹. Теперь Юсуф решил вернуть свое бывшее влияние и положение при дворе, способствуя возвышению Шералы. В начале июня Шералы, перейдя горы, попал в Фергану и расположился в кочевьях Юсуфа на р. Кара-Су. Уже здесь к Шералы был приставлен некий Мулла-Ташбай для обучения грамоте его сыновей Худояра (будущего хана) и Суфи-бека. Вместе с Шералы пришли отряды таласских киргизов, возглавляемые Сеид-Али-беком и другими киргизскими феодалами-родопрарителями.

В район Кара-Су стали стекаться со всех сторон киргизские и кыпчакские отряды. У мазара Сафид-Булан, на северо-востоке Ферганы, с соблюдением всех традиционных обрядов 50-летнего Шералы поднимают на белом войлоке и провозглашают ханом ². Отсюда значительное войско киргизских и кыпчакских феодалов во главе с Шералы идет на Коканд, по пути довольно легко занимает крепости, селения и города. Ибрагим-Хаял бежит в Бухару.

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 113.

² *Наливкин В.* Краткая история... С. 146.

Шералы вступает в Коканд и занимает престол. Киргизские и кыпчакские феодалы-сподвижники становятся ближайшими сановниками и советниками хана. Юсуф снова получает звание минбаши.

Оставленный эмиром бухарский отряд был частично уничтожен, около 1 500 человек вывели на базар для продажи в рабство. Но спроса на них не было: покупатели опасались связываться с недавними своими угнетателями, боясь возмездия эмирских войск ¹. Восставший народ победил, бухарская власть была свергнута. Плодами же победы воспользовались лишь киргизские и кыпчакские феодалы.

С победой группировок кочевых киргизов и кыпчаков в Кокандском ханстве усиливается их роль, они становятся самыми активными сторонниками Шералы-хана. На политическую арену выходят способные представители из кыпчакской и киргизской знати.

Минбаши Юсуф направляется в Ташкент и на казахов Курама для утверждения ханской власти. Во всех вилайетах насаждается новая ханская администрация ². Киргизские феодалы и бии-родоправители жалуются ярлыками с правом власти на своих подданных.

В то время, когда Шералы решил несколько умерить влияние киргизско-кыпчакских феодалов и в противовес им приблизить группировку узбекских феодалов, кыпчаки открыто выступили против хана. Возглавил движение Мусульманкул — талантливый и жестокий предводитель кыпчаков. Его вооружённые отряды сосредоточились

¹ Извлечение из «Рияз-уд-довле»... С. 475.

² Тарих-и Шахрохи... С. 146.

в долине р. Еки-Су-Арасы. Против них Шералы посылает войска во главе с сыном Малля-беком, при котором находился Юсуф-минбаши. Кыпчаки вынуждены были отступить. Мусульманкул и 40 феодалов — предводителей кыпчаков — выразили покорность. Хан, не чувствуя полной уверенности в своих силах, помиловал их. К этому времени Юсуф впадает в немилость, и Шералы отправляет его хакимом в Маргелан, а управление войсками и титул минбаши передает Шады-датхе ¹.

Мусульманкул вскоре снова восстал. Высланные против него войска минбаши Шады и второго малолетнего сына хана — Худояра потерпели поражение. Шады погиб в бою, Худояр попал в плен. Мусульманкул с триумфом въехал в Коканд. Он занял пост минбаши и фактически забрал в свои руки всю власть в ханстве. Шералы остался на престоле, но полностью превратился в марионетку Мусульманкула. Киргизские феодалы, поддерживавшие хана в борьбе с кыпчаками, отступили, но не захотели окончательно смириться.

В этой обстановке представители оттесненной феодальной знати — некий датха Рахматулла-Мирза и исфаринский хаким Сатыбалды из киргизов — организовали заговор. Заручившись поддержкой алайских феодалов, они решили свергнуть Шералы и возвести на престол одного из сыновей Алим-хана — Мурада, находившегося в то время в Ура-Тюбе. Заговорщики в среду прибыли в Коканд. Был как раз базарный день. К ханской урде только что привели пленных повстанцев — киргизов из Оша, и на площади сосредоточилось много народа. Здесь заблаговременно

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 155.

подготовленные глашатаи объявили о воцарении Мурад-хана. Предавшего интересы киргизских феодалов Шералы «заставили испытать напиток мученичества».

В перевороте немаловажную роль сыграли киргизы — как прибывшие с Алая, так и освобождённые в Коканде пленные. Согласно источникам, с Мурад-беком в Коканд прибыл отряд киргизов в 100—200 человек. Они-то, надо полагать, и составили военное ядро окружения нового хана.

Мурад-бек продержался на престоле недолго. Как говорили, основным желанием его жизни было «поцарствовать хотя бы два дня». Он пробыл ханом немногим более — 11 дней (по некоторым источникам — 7 дней).

На этот раз кыпчакские феодалы не захотели оставаться безучастными и быть на втором плане. Мусульманкул, быстро собрав оставшиеся преданными ему войска, провозгласил ханом Худояра — малолетнего сына Шералы (от жены киргизки Яркин-Аим). После этого акта Мусульманкул во главе войск пошел на Коканд. Сторонники Мурад-хана начали разбегаться. Лишь небольшой отряд киргизов стойко держался до конца. Однако в результате предательства одного из придворных сановников — Мадкерима, открывшего ворота кыпчакам, Коканд пал. Мусульманкул вошел в столицу. Часть киргизов погибла в бою, часть попала в плен и была казнена. Только немногим удалось спастись бегством ¹.

Кыпчаки, захватив власть, уничтожили придворных сановников как киргизской, так и узбекской знати, в том

¹ Тарих-и Шахрохи. С. 172—173; МИКК... С. 233—234; В. Наливкин. Краткая история... С. 161. В. Наливкин описывает переворот, но об участии киргизов в нём не упоминает.

числе не пощадили и духовенство: были казнены Сулейман Ходжа-шейх-уль-ислам, высшее духовное лицо Кокандского ханства, и другие.

На престол возвели малолетнего Худояр-хана. При нём вся власть сосредоточилась в руках предводителя кыпчакских феодалов, близких к Мусульманкулу, объявленному регентом ханства.

Вступление на престол Худояр-хана и фактическое взятие власти Мусульманкулом не означали полного отстранения киргизской феодальной знати. Просто одна феодальная группировка потерпела поражение, другая — возвысилась; одни киргизские феодалы уступили место другим, бывшим в союзе с Мусульманкулом. Худояр-хан, воспитанный в среде таласских киргизов, несомненно, имел своих сторонников и среди киргизских феодалов. Сам Мусульманкул был женат на киргизке и являлся зятем крупного кетмень-тюбинского феодала. Это дало основание русскому посланнику в Коканде И. Я. Крымову назвать кыпчаков киргизами, которые овладели ханством «общими силами, т. е. всеми отделениями своих родов». Главные родоправители и бии, сообщил посланник, заняв ключевые позиции в управлении ханством, возвели на престол угодного им хана, от имени которого Мусульманкул и правил ханством ¹.

¹ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 48. Л. 18—23; ЦГА РУз. Ф. И 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 1—8. И. Я. Крымов был послан в Коканд в 40-х гг. с официальной миссией. Он существенно уточнил карту Кокандского ханства, составил подробное описание народонаселения и занятий жителей. Заподозренный в шпионаже, он был вызван ко двору, но успел прежде приказать своим сотрудникам сжечь все записки. По возвращении в Россию им, по сохранившимся материалам, было составлено краткое

Возведённый на престол в обход своего старшего брата Малля-бека малолетний Худояр-хан оказался полностью в руках Мусульманкула. И. Я. Крымов считал, что «Мусульманкул избран был по желанию общему — как кыпчаков, так и здешнего народа по своей способности и дарованию». Он обладал особым талантом — в плетении межфеодальных козней и использовании их в своих корыстных интересах. Но это был, без сомнения, волевой и энергичный феодал. Мусульманкул породнился с малолетним Худояр-ханом, выдав за него замуж свою дочь. Оказавшись таким образом еще и тестем хана, он начал на правах родственника фактически безгранично распоряжаться всеми делами в ханстве.

Кочевая знать кыпчаков, оказавшись по сути независимой, использовала свое влияние и положение при дворе для личного обогащения, присвоения доходов с государственных сборов. Узбекская оседлая знать, оттеснённая от власти, составила заговор. Одним из главных противников Мусульманкула выступил ташкентский кушбеги. Но феодалы-кочевники обладали слишком большой силой при хане, от имени которого вершились все дела их предводителем. И оппозиция временно затаилась ¹.

Киргизские и кыпчакские феодалы, захватив власть в ханстве и получив высокие звания, обычно после этого снова расходились по своим кочевьям. Небольшая остав-

«Описание Кокандского ханства». Из этой серии интерес представляет «Очерк правления кыпчаками Кокандским ханством», составленный С. Я. Ключаревым по донесениям И. Я. Крымова. — В. П.

¹ РГВИА. Ф.67. Оп. 1. Д. 48. Л. 18—23; ЦГА РУз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 1—8.

шаяся при хане феодальная верхушка, не умудрённая опытом государственного правления, вынуждена была обращаться за помощью к ухищренным в придворных кознях узбекским сановникам. Они постепенно укрепились на ключевых позициях в ханстве и взяли бразды правления в свои руки, хотя первые административные должности продолжали оставаться у кочевых феодалов.

В этих условиях ташкентский наместник Нормухаммед, кыпчак, но противник Мусульманкула, стремился упрочить свое положение за счет окрестных киргизов, действуя силой и хитростью. Он направил войска против чуйских киргизов рода солто и собрал с них налог лошаадьми. У манапов взял аманатов — заложников, усилил кокандские гарнизоны в Пишпеке и Токмаке, заставив тем самым киргизских феодалов пойти на поклон в Ташкент. В то же время Нормухаммед стремился не обострять особенно отношений: ташкентскому наместнику необходимо было надежное войско, и он рассчитывал на киргизское ополчение. В одном из своих писем казахам он, в частности, отмечал: «...Выступив с величайшим войском, запасшись неограниченным продовольствием, приведя в своё покровительство находящиеся по всю сторону Китая черных киргиз родов бугу, саяк, ормон, султы и сарыбагыш, (мы) сделали их усердными подданными и вооружили их наравне (с) удалыми нашими всадниками»¹.

Таким образом, Нормухаммед не расправился с киргизскими манапами, а стремился склонить их на свою сторону. Он имел на это свои причины, надеясь укрепить силы для

¹ См.: *Серебрянников А. Г.* Сборник материалов для завоевания... С. 100—103.

борьбы с Мусульманкулом. Но не все киргизские феодалы были склонны поддерживать Нормухаммеда в борьбе с Мусульманкулом. Отдельные сарыбагышские и бугинские манапы (Боромбай, Хаджибек и Джантай) решили вообще уклониться от выражения подданства Коканду и обратились за помощью к русским властям. Как видно из их писем, кыпчаки разграбили роды солто и сарыбагыш, угнав весь мелкий и крупный рогатый скот и лошадей. Манапы Джантай и Боромбай тогда ехать к кокандцам отказались и послали для переговоров «родственников», которые были задержаны. Это побудило киргизских феодалов быть несколько более лояльными к Нормухаммеду. Однако тут же манапы просили алатавского пристава Перемышльского прислать русский отряд¹. Примечательно, что они не обратились за поддержкой к Мусульманкулу, представлявшему ханскую власть. А Мусульманкул в это время с войском пошел на Ташкент для наказания своевольного наместника. Первоначально он не добился успеха. Весной 1851 г. (по «Тарих-и Шахрохи» — в 1856 г.) Нормухаммед отразил войска временщика. Летом Мусульманкул выступил вторично с войском в 6—7 тыс. человек. На этот раз он прихватил с собою Худояр-хана. Нормухаммед решил упорно защищаться, опираясь на поддержку окрестного кочевого населения. Он разослал письма киргизским феодалам, призывая к выступлению против Мусульманкула.

Тяготясь опекой временщика, Худояр-хан решил воспользоваться случаем, чтобы освободиться от Мусульманкула, и перебежал в Ташкент. Мусульманкул был разбит

¹ См.: *Серебренников А. Г.* Сборник материалов для завоевания... С. 100—103.

и лишь с тысячей приверженцев бежал на Чаткал, опять-таки спасаясь в горах у киргизов, затем нашел прием у тества — в Кетмень-Тюбе ¹.

Избавившись с помощью Нормухаммеда от всесильного Мусульманкула, Худояр-хан отдал приказ покончить со всем кыпчакским племенем. В городах началось ужасное избиение кыпчаков. В панике они стали искать спасения в горах. Мусульманкул в это время собрал в Кетмень-Тюбе новое войско, в основном из киргизов, затем в него влились отряды кыпчаков. 9 октября 1852 г. в местности Балыкчи произошло сражение Худояр-хана с Мусульманкулом. Киргизско-кыпчакское войско Мусульманкула было разбито, взято «бесчисленное множество» пленных. Захватили около кишлака Уйчи в Наманганском вилайете и амого Мусульманкула. Пленных по приказанию хана по одному убивали на протяжении всего пути, а дошедших до Коканда казнили в течение трех дней на виду у привязанного к столбу Мусульманкула. В конце концов повесили на базаре и его.

По всей стране началось поголовное избиение кыпчаков. Спаслись только те, кто успел укрыться в отдаленных киргизских кочевьях за неприступными горами. Нельзя без содрогания читать строки кокандских хроник, описывающих жестокости ханских палачей². Худояр-хан отдал приказ о поголовном истреблении кыпчаков-мужчин. Целый народ оказался под угрозой физического уничтожения. В. Наливкин, разговаривавший три десятилетия

¹ РГВИА. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 2. Л. 59—73; Тарих-и Шахрохи... С. 188—197.

² Тарих-и Шахрохи... С. 188—197.

спустя со свидетелями этой драмы, записал: «Мусульманкул пал; при жизни он опутал кыпчаков сетями своего чрезвычайного честолюбия; когда он пал, эти самые сети повлекли за ним его народ в бездну ужасов, в бездну воплей бесприютных сирот и вдов, в бездну материального разорения всего того, что успело спастись от шашек и ножей убийц»¹.

Превратности ханского деспотизма наглядно иллюстрируются последовавшим за этими событиями избавлением Худояр-хана от новых своих приверженцев. Уже в середине ноября он вызвал к себе из Ташкента кушбеги Нормухаммеда и приказал его умертвить. Его судьбу разделил и заменивший Мусульманкула минбаши Утембий, а вскоре и новые фавориты, которыми тяготился хан — достарханчи и рысалчий. В Ташкент наместником был назначен узбек — Мама-Нияз, а в Туркестан направлен его сын². Худояр-хан освободился от ставших ему в тягость кочевых феодалов старой и новой партии и приблизил к себе земледельческих феодалов-узбеков.

В 1858 г. старший брат Худояр-хана Малля-бек решил, что наступил его черед борьбы за престол. Основную опору он нашел в среде киргизских феодалов и опальных кыпчаков. Но заговор был раскрыт и претендент бежал в Ош, а затем перебрался к алайским киргизам. В Гульче Малля-бек просит помощи у влиятельного киргизского феодала Хасан-бия. По словам В. Наливкина, Хасан-бий, «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 178.

² РГВИА. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 2. Л. 59—73.

киргиз», решил поддержать выступление претендента. Собрал ополчение в несколько сот всадников, они двинулись на урочище Кара-Су. Здесь обратились с воззванием к местным жителям свергнуть Худояр-хана и, существенно усилившись, пошли на Андижан. По пути к ним стало присоединяться недовольное ханом киргизское, кыпчакское и узбекское население — собралась огромная армия. Вышедшие навстречу войска Худояр-хана потерпели поражение. Сам хан бежал. Престол брату был освобожден. Малля-бек торжественно вступил в столицу в качестве нового хана ¹.

Мулла Нияз, явно симпатизировавший Худояр-хану, неоднократно упоминает об участии киргизов и кыпчаков в дворцовом перевороте, порицает их как опору Малля-хана ².

Абдул Маджид среди ведущих сановников Малля-хана (который, по его словам, больше солдат, чем администратор, и по матери киргиз) назвал правителя Ташкента Канаат-Ша, родопрарителя алайских киргизов Алымбека, Муллу Алымкула-кыпчака, некоего Керимкула и тюрка Худай Назара — управителя ханского двора и бывшего посланника к британскому правительству, а также таможенного главу Дост Мухаммеда ³.

Высокого положения при Малля-хане достиг киргизский правитель Алая Алымбек, игравший в к. 50-х — нач. 60-х гг. одну из основных ролей в Кокандском ханстве.

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 188—189.

² *Тарих-и Шахрохи...* С. 204—205, 209, 212—213.

³ *Report of a Journey to Kokan...* P. 12.

За заслуги в возведении на престол Малля-хана он получает в управление Андижанский вилайет, затем становится первым визирем ханства¹. О. Сыдыков, вообще идеализировавший киргизских феодалов, писал об Алымбеке как о хане, который разрушил город Коканд и построил в Оше великолепное медресе по бухарскому образцу².

Непосредственно об Алымбеке сведения в источниках встречаются отдельными крупными и составить по ним сравнительно полную картину не просто.

По словам нашего информатора Д. Зайнабитдинова, предки которого служили алайским феодалам писарями, Алымбек проводил фактически независимую политику, а в некоем договоре — *ахдах*, обуславливавшем зависимость Алая от Кокандского ханства, было даже оговорено право Алымбека самостоятельно управлять Алаем.

Являясь киргизским феодалом-родопрарителем и изощрённым придворным сановником, сыгравшим, по словам А. П. Федченко, большую роль в междоусобицах кокандских ханов, Алымбек-датха был типичным представителем своего класса — жестоким, не щадящим даже жизни своих подданных, если это служило его личным интересам. Именно Алымбек выделился «зверским убийством» местного населения непосредственно в городе Оше в период одного из восстаний³. Алымбек принимал активное участие во многих политических событиях Кокандского ханства, вовлекал киргизов Алая, Тянь-Шаня и даже

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. 1... С. 422.

² Сыдыков О. Тарихи Шадмания... С. 31.

³ Федченко А. П. Путешествие... С. 371.

Иссык-Куля в феодальные усобицы. С именем Алымбека в определённой степени связана организация кокандцами обороны Ташкента от наступающих войск генерала М. Черняева и сражение в Узун-Агаче ¹.

Зимние холода, голод, бегство киргизов из ополчения заставили Алымбека разувериться в легкой победе под Узун-Агачем. К тому же у него начались разногласия и пререкания за первенство с ташкентским наместником Канаат-ша, и Алымбек увёл отряды киргизов. Он возвратился в Андижан, но впал в немилость у хана. Уход из-под Ташкента, доносы противников и соперников — все привело к тому, что недавнему фавориту судьба изменила, и он стал не без основания беспокоиться за свою жизнь. Алымбек вынужден был искать спасения в родных кочевьях на Алае. Здесь он поднял восстание киргизов против Коканда, но ханские войска, двинутые на Алай, заставили Алымбека бежать далее, в центр Тянь-Шаня. В верховьях Нарына он находит поддержку у сарыбагышских манапов Умбеталы, Аджы, Адыла и Тёрёгельды. Это была сила, способная противостоять ханским войскам, особенно в период интенсивного продвижения России к Ташкенту и Чуйской долине.

Малля-хан предпринимает шаги на сближение с киргизскими манапами. К Алымбеку на переговоры отправляется ханская делегация. Но феодал, державший в своих руках большую силу, не только не ответил хану положительно, но даже казнил посланцев. Тогда Малля-хан высылает для наказания бывшего своего сановника войско, которое терпит полное поражение.

¹ МИКК... С. 234—236; *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). Ч. 2. С. 553.

Западно-сибирский генерал-губернатор А. О. Дюгамель, внимательно следивший за положением внутри киргизских племен, считал, что Алымбек попытается стать независимым правителем Тянь-Шаня, противопоставив себя Кокандскому ханству и поэтому обязательно обратится к царским властям за помощью. Такое намерение, судя по всему, у Алымбека было. А. Дюгамель отдает распоряжение начальнику Алатавского округа Г. А. Колпаковскому положительно отнестись к просьбе Алымбека, если тот предпримет попытки установления контактов. Александр II нашел «дельными... распоряжения, сделанные на случай, если Алымбек выскажет намерение вступить с нами в дружеские отношения»¹.

Царской политике в Туркестане в целом это, конечно, было выгодно, поскольку способствовало продвижению России в глубь Средней Азии. Однако Алымбек пошел по другому пути, направив свои усилия на низложение Малля-хана и замену его своим ставленником.

Как вспоминал в своей автобиографии киргизский феодал Шабдан Джантаев, во время его службы при Канаате — правителе Ташкента, Алымбек в сговоре с Кыдыром, Шабдан-ходжей и другими пятью феодалами, среди которых называются также киргиз-кыпчаки Алымкул, датха Худай-Назар, Дуст-Мехтар и мирза Мад-Ибраим, ворвались к Малля-хану и убили его в спальне².

По словам Муллы Нияза, киргизские феодалы Алымбек и Кыдыр, тюрк Худай-Назар «в согласии» с киргиз-

¹ ЦГА РУз. Ф. И. 715. Оп. 1. Д. 25. Док. 116 и 126; *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории... С. 181—183.

² *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). Ч. 2. С. 582—583.

кыпчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля 1862 г. убили Малля-хана ¹. На престол был возведен племянник Худояр-хана Ша-Мурад. Алымбек стал первым лицом — главным визирем ханства. Правда, ненадолго. Вскоре его сопернику Алымкулу удалось выйти вперед и постепенно расправиться с Алымбеком, Кыдыром и др. ² Сосредоточив всю правительственную власть в своих руках, Алымкул стал выступать также в роли «начальника киргизов и кыпчаков» ³.

Видя начавшиеся междоусобицы в ханстве, Худояр-хан, находившийся в изгнании в Бухаре, начал борьбу за возвращение в Коканд. С небольшими силами он вступил в пределы ханства. Эмир, воспользовавшись благоприятной обстановкой, с войсками переправился через границу и начал грабить окрестное киргизское население. Когда эмир Музаффар и Худояр-хан приблизились к стенам

¹ Тарих-и Шахрохи... С. 108.

² В отношении точной даты гибели Алымбека в источниках имеются расхождения. По словам одного из его сыновей, Алымбек был убит во время дворцового заговора в Коканде в 1861 г. По другим сведениям — отравлен из мести в 1863 г. Ходила романтическая легенда о его убийстве на почве ревности одной из подневольных женщин-киргизок. Об Алымбеке как «начальнике» г. Коканда в 1862 г. и одном из советников при Шадман-ходже — опекуне малолетнего сына Малля-хана — Султане Сеиде в 1863 г. упоминания имеются в «Тарих-и Шахрохи». Н. Аристов прямо говорит, что Алымбек-датха был казнен в 1863 г. Алымкулом. Таким образом, вероятнее всего, Алымбек пал в результате и в ходе очередной вспышки междоусобной борьбы киргизских феодалов за влияние и власть при кокандском дворе в 1863 г. См.: Ювачев И. Курбан-Джан-Датха... С. 966; Алексеев А. Курбан-Джан-Датха...; Лукницкий П. Всадники и пешеходы... С. 289; Аристов Н. Западный Тянь-Шань... (Рукоп.). С. 580.

³ Тарих-и Шахрохи... С. 109—112.

Коканда, слабовольный Ша-Мурад бежал¹. Вслед за ним в сторону Андижана и Оша бежали «Алымкул и прочие военачальники киргизского и кыпчакского войска»².

Худояр-хан занял столицу. Однако это не привело к спокойствию в стране. Задавленный налогами, разоряемый грабежами ханских и эмирских войск, народ поднялся на восстание. Феодалы, используя ситуацию, перехватили руководство восстанием в свои руки и выступили против Худояр-хана. Ханские войска возле Ассаке были разбиты, Худояр оказался в долговременной осаде. Между осаждёнными ханскими отрядами и повстанцами начались затяжные эпизодические стычки. Постепенно к киргизам и кыпчакам переходят основные кокандские города — Андижан, Маргелан, Наманган. Алымкул и наиболее активные киргизские родоправители — таласский Сарымсак-бай, некто Тавалды и другие во второй половине июня 1863 г. провозгласили ханом малолетнего племянника Худояра Султан-Сеида³. Алымкул стал при нём регентом.

Сообщая по просьбе Г. Колпаковского сведения о кокандских правителях, киргизский манап Байтык Канаев в одном из писем в декабре 1863 г. информировал, что на престоле находится 12-летний Султан-Сеид, хотя вместо него фактически управляет ханством Мулла Алымкул — «дикочаменный киргиз»⁴. В источниках нередко встре-

¹ *Наливкин В. Н.* Краткая история... С. 194—195.

² *Зимин Л.* Зерцало побед и его значение для истории... С. 34.

³ *Наливкин В.* Краткая история... С. 196—197, 200.

⁴ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 92. Байтык говорил со знанием дела, так как сам вёл переписку с Алымкулом, на что есть указание в одном из писем Джантая (ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 105).

чается упоминание об Алымкуле, как о киргизе, иногда его называют кыпчаком, а также киргиз-кыпчаком. Сам Алымкул и назначенный им новый наместник Ташкента Койчи называли себя киргизами: первый — из племени кыпчак, второй — карабагыш ¹.

Как видно из донесения Г. Колпаковского командиру Отдельного Сибирского корпуса, в 1863 г. Койчи был назначен правителем Ташкента и сразу же обратился к кочевавшим по Чу киргизам, призывая объединиться «как против внешних, так и против внутренних врагов» ².

В эти годы роль киргизских феодалов в Кокандском ханстве настолько возросла, что казахский бий Турзат-Ногай говорил в 1864 г. верненскому приставу: «Кокандом управляют черные киргизы, кыпчаки и адыгине, сарты же положительно присмирели» ³.

Определённое влияние в 60-х гг. в Кокандском ханстве имели и другие киргизские феодалы не только из южных, но и северных районов. Периодически навещал кокандский двор манап Шабдан Джантаев. Он не терял связей с кокандскими сановниками и даже с ферганскими священнослужителями, выделял средства на поддержание «святых» мест и т. д. ⁴ В свою очередь хан, заигрывая с влиятельным киргизским феодалом, наделял его званиями, одаривал халатами.

Алымкул в послании к Джантаю ссылается на свое «родство» с киргизами. Там же. Л. 122.

¹ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 109, 122—124.

² Там же. Л. 112. Воззвания... С. 106—111, 122—124.

³ ЦГА РК. Ф. И. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 117.

⁴ Сыдыков О. Тарихи Шадмания... С. 57, 72.

На середину 60-х гг. XIX в. приходится успешное продвижение царских войск в Средней Азии. Кокандские крепости одна за другой попадают под контроль России. Алымкул пытался противостоять этому движению, но силы были неравны. В одном из боев под Ташкентом в 1865 г. сам Алымкул был сначала тяжело ранен, затем, узнав о бегстве из Ташкента ферганских киргизов и кыпчаков, после нервного припадка скончался ¹.

Время возвышения Алымкула нашло отражение в санатах киргизского певца второй половины XIX в. Молдо Нияза. Он пишет о деспотизме и произволе кокандских ханов, беков, биев, бичует ростовщичество. Специально поэт посвятил санат Алымкулу, которого хорошо знал, описал его походы, рассказал о соперничестве с Якуббеком, позже создавшем государство в Кашгаре. Восхваляя Алымкула, которого автор называет киргизом, Молдо Нияз, однако, не выходит за рамки традиционных мусульманских представлений и воспринимает противоборство ханских и царских войск как «священную войну» (*газават*) с «неверными» (*кафирами*) ².

Оставшись без сильного покровителя и при разбитом войске, кокандский хан Султан-Сеид отправился на поклон к бухарскому эмиру, но был по его приказанию зарезан. В Бухарском эмирате уже давно в изгнании ждал своего часа Худояр-хан. Но киргизские феодалы, руководимые Икын-Мирзой, решили провозгласить новым ханом 16-летнего Худай-Кул-бека, одного из многочисленных

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 202.

² *Молдо Нияз.* Санаты...

дальних отпрысков династии минг. Бай-Мат — кыпчак — стал минбашой в ханстве, Худай-Кул-бек под предлогом «священной войны» с Россией решил взиманием предназначенного для её ведения налога пополнить 100 тысячами тилла (380 тыс. руб. серебром) опустевшую казну. Но дело оказалось непосильным, повсюду поступал отказ. Народ был недоволен и оказывал активное сопротивление, Худай-Кул-бек вместе с киргизскими и кыпчакскими феодалами вынужден был бежать в Мады, (кишлак под г. Ош) затем в Гульчу и, наконец, еще далее — в Кашгар¹. Худояр-хан при поддержке войск бухарского эмира занял Коканд.

За два года до этого, в 1863 г., против цинского гнета восстает всё население Восточного Туркестана. Повстанцы во главе с кыпчаком (по другим сведениям, киргизом) Садык-беком овладевают Кашгаром. Не будучи уверенным своими силами вести дальнейшую борьбу с цинским Китаем, Садык-бек обращается за помощью к кокандскому временщику Алымкулу, бывшему с войсками в Ташкенте. Повстанцы приглашали в правители Кашгара отпрыска некогда правившей там династии ходжей Бузурука-ходжу. Алымкул не имел ничего против отъезда Бузурука, но одновременно решил избавиться и от одного из своих соперников — Якуб-бека. Под защитой отряда джигитов в 50 человек, возглавляемых Якуб-беком и кыпчаком Алдашем, Бузурук прибыл в Кашгар. Здесь Якуб-бек вскоре отеснил сначала Садык-бека, а затем и Бузурука-ходжу, провозгласив себя правителем — бадаулетом государства уйгуров — Йеттышар².

¹ *Наливкин В.* Краткая история... С. 202—204.

² *Куропаткин А. Н.* Кашгария... С. 135, 159.

После гибели Алымкула (особенно когда кокандский престол вновь перешел к Худояр-хану) началось гонение киргизов и кыпчаков алымкулова войска. Беженцы решили было искать спасения в Восточном Туркестане. Однако правитель Йеттышара Якуб-бек видел в них, прежде всего, силу, поддержавшую его соперника Алымкула, и принял против них суровые меры. Началось сведение старых счетов, пошли казни киргизов. «Очень кровавый день настал», — сокрушался Молдо Нияз, называя Якуб-бека «предателем». Киргизы оказались меж двух огней: с одной стороны, жаждал мести Худояр-хан, с другой — встретивший их оружием Якуб-бек. Когда первые страсти утихли, часть киргизов всё же осталась в Кашгаре, часть вернулась, многие осели на Сарыколе ¹.

Киргизские и кыпчакские феодалы пошли к Худояр-хану с выражением покорности. С Алая спускается (не без риска быть наказанной) преемница Алымбека-датхи — его жена Курманджан, взявшая управление алайскими киргизами в свои руки. Худояр-хан ласково встречает алайскую правительницу, подтверждает ее наследственные права и утверждает в звании датхи ².

Фигура Курманджан-датхи вызывала удивление российской прессы рубежа XX в. Современники идеализировали Курманджан, которая действительно была незаурядным лицом на фоне всеобщего восточнодеспотического пренебрежения к женщине.

После смерти Алымбека-датхи Курманджан унаследовала его власть на Алае как родопрavitельница киргизов,

¹ *Молдо Нияз. Санаты...*

² *Ювачев И. Курбан-Джан-Датха... С. 171—186.*

а также заменила Алымбека в феодальной иерархии Кокандского ханства, стала датхой — исключительный случай в истории ханства. Её управление алайскими киргизами представлялось в то время чем-то особенным: женщина в мусульманском государстве возвысилась до официального преемника родовой власти после мужа ¹.

¹ Примечательна биография Курманджан. Происходя из простого семейства киргизов монгуш, кочевавших в окрестностях Гульчи на Алае, Курманджан рано проявила свои способности. На восемнадцатом году она стала женой некоего киргиза из рода ювач, однако не подчинилась мужу, которого впервые увидела в день свадьбы, и осталась жить в юрте отца. Так прошло три года. В 1831 г. кокандский хан присвоил титул датхи Алая энергичному феодалу Алымбеку. Ему понравилась Курманджан. Он освободил ее от мужа, а в 1832 г. женился сам. Курманжан стала хорошей помощницей Алымбеку: во время его отсутствия на Алае по делам ханства с успехом заменяла его, полновластно управляя населением. В 1845 г. только благодаря хладнокровию жены, Алымбек избежал казни. Затем пошли годы падения и возвышения Алымбека. После его смерти Курбанджан заменила мужа и властвовала еще целых столетия.

Во время вмешательства Бухарского ханства в кокандские дела произошла встреча эмира с алайской правительницей. Музаффар, узнав о влиянии Курманджан-датхи на алайских киргизов, «вопреки мусульманскому обычаю, дал ей почетное звание датхи, снабдив ее надлежащим ярлыком и одарив подарками», — писали в русских журналах. Это действительно был уникальный случай, тем более, что законным претендентом на звание датхи и правителя алайских киргизов после смерти Алымбека должен был стать старший его сын Джаркинбай, пасынок Курбанджан. Но наследник отказался от титула датхи в угоду мачехе и в 1864 г. был назначен ошским хакимом.

Описывая влияние Курманджан-датхи, современники отмечали, что с ней считались и кокандский хан и бухарский эмир. «Однажды жадный Худояр-хан сделал попытку обложить податью алайских кочевников, но датха не только не допустила этого, но ещё принудила хана подписать льготную грамоту. Она управляла Алаем очень дол-

Пример с феодалами Алая показывает, что, невзирая на симпатии или антипатии кокандских ханов, киргизские родоправители пользовались огромным влиянием, фактически держали в своих руках управление родами, передавали власть по наследству, играли серьёзную роль в политической жизни ханства. Их сила заключалась в сохранении власти в родо-племенных объединениях, что могло сказаться на ханском ополчении, сборе налогов и т. п.

Последние годы существования Кокандского ханства были ознаменованы все возрастающим противоборством киргизских племен с ханской властью и вступлением в российское подданство.

Таким образом, при рассмотрении политической истории Кокандского ханства напрашивается вывод о том, что роль киргизских феодалов в ней была немалой и довольно активной. Используя недовольство народа ханской политикой, свою власть родоправителей, патриархальные традиции, киргизские феодалы не довольствовались второстепенным и подчинённым положением, а принимали

го и прославилась своей мудростью», — читаем в одной из русских корреспонденций.

А. П. Федченко, посетивший Алай в 1871 г., отмечал, что Курманджан-датха «пользуется огромным авторитетом, наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением». Даже хан в случае приезда её в Коканд принимал «алайскую царицу», «как важного бека». Уже после присоединения Алая к России Курманджан любезно принимал генерал М. Скобелев, сохранив за ней права управления алайскими киргизами. «Царица» Алая прожила до 96 лет и скончалась 1 февраля 1907 г. в с. Мады, в 13 верстах от Оша. См.: *Ювачев И.* Курбан-Джан-Датха... С. 172—186; *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана... С. 249; *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан... С. 371; *Report of a Journey to Kokan...* P. 8; *Садыков Х., Бабабеков Х.* Курманжан — калк таламдашы...

самое деятельное участие во многих внутри- и внешнеполитических событиях ханства. Киргизские и кыпчакские феодалы — правители таких крупных вилайетов и бекств, как Андижанское, Ошское, Алайское и др., находились в центре интриг ханского двора, выступали активной силой в дворцовых переворотах и возводили своих ставленников на кокандский престол. При этом в большинстве случаев субъективно киргизские феодалы преследовали лишь своекорыстные интересы.

Говоря о роли киргизских феодалов в политической жизни Кокандского ханства, следует отметить, что они не были ни пассивным, ни угнетённым сословием, не испытывали экономического, политического и национального угнетения, а наоборот, сами участвовали в составе ханского административного аппарата в налоговом ограблении как узбекского, так и киргизского народа.

На примере истории Кокандского ханства и роли в нём киргизских феодалов видно, как вопреки национальным интересам, господствующие классы разных народов объединялись с целью личного возвышения и совместного ограбления и угнетения народов.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ** — Архив внешней политики Российской империи
АИЭА РАН — Архив Института этнологии и антропологии РАН
АО — Археологические открытия
[Б. в. д.] — без выходных данных (об издании)
[Б. м.] — без места (издания)
ВУА — Военно-учёный архив
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГА ОО — Государственный архив Омской области
ГА ОрО — Государственный архив Оренбургской области
ГПБ — Государственная публичная библиотека
ЗВГО — Записки Всесоюзного географического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИВ АН — Записки Института востоковедения Академии наук
ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИВ — Институт востоковедения
ИВР — Институт восточных рукописей
ИЭА — Институт этнологии и антропологии
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
К — коробка (хранения архивного дела)
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КирГУ — Киргизский госуниверситет
КирФАН — Киргизский филиал Академии наук
ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения
МИКК — Материалы по истории киргизов и Киргизии

- НАН КР** — Национальная Академия наук Кыргызской Республики
НБОУМ — Научная библиотека Омского областного музея
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ООГА — Ошский областной государственный архив
ООН — Отделение общественных наук
ПВ — Проблемы востоковедения
ПЗСТКЛА — Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии
ПСС — Полное собрание сочинений
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РОГПБ — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки
САГУ — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
СЭ — Советская этнография
Св. — связка
ТВ — Туркестанские ведомости
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
Ф. И. — Фонд исторический
ЦГА КР — Центральный государственный архив Кыргызской Республики
ЦГА ПД КР — Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики

Список принятых сокращений

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЦГА РУз. — Центральный государственный архив Республики Узбекистан

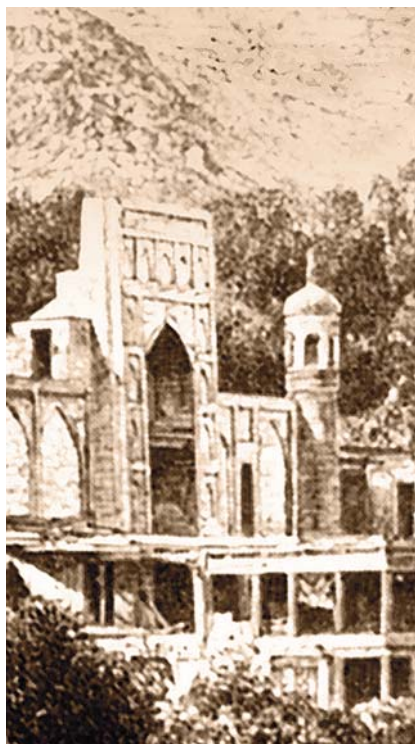
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Въездные ворота в г. Коканд.

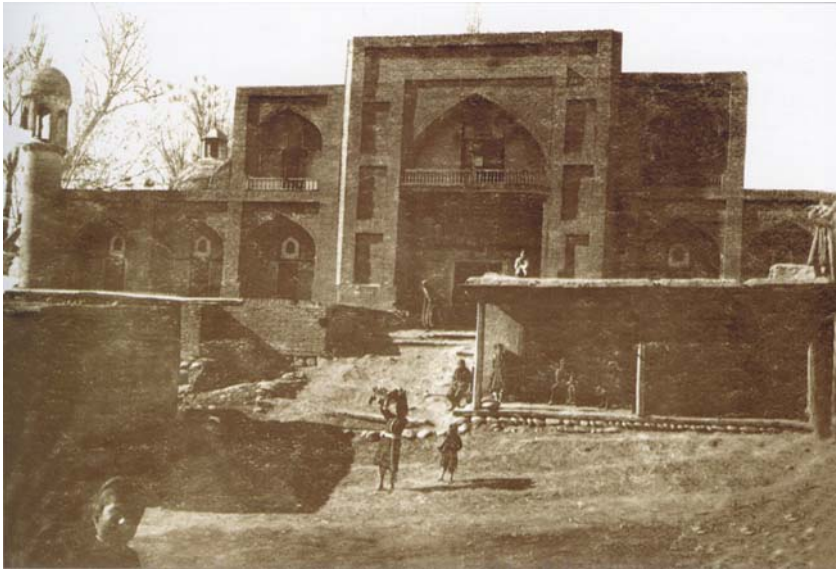

Городская архитектура времен Кокандского ханства.

**Городская архитектура
времен Кокандского ханства.**

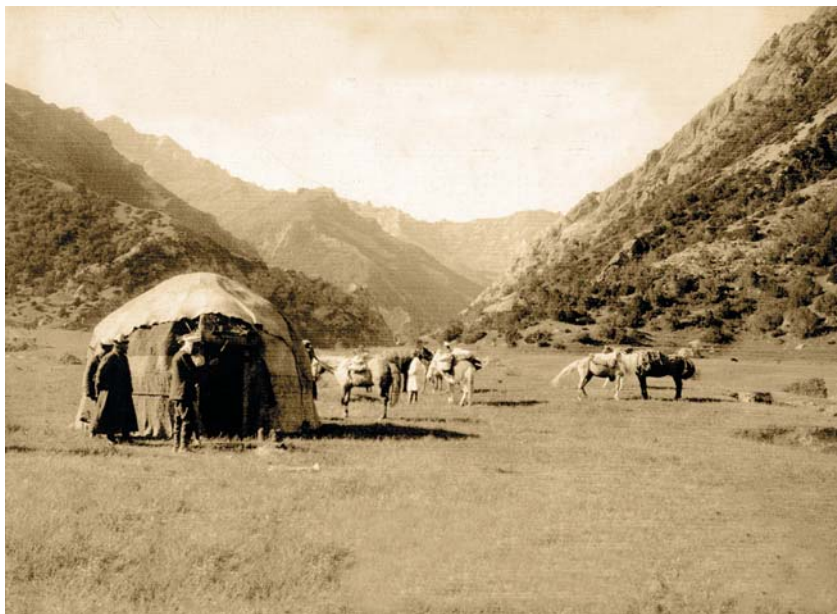
Медресе Алымбека-датки в г. Ош.

Рукописная книга времен Кокандского ханства.

Перекочевка на летнее пастбище.

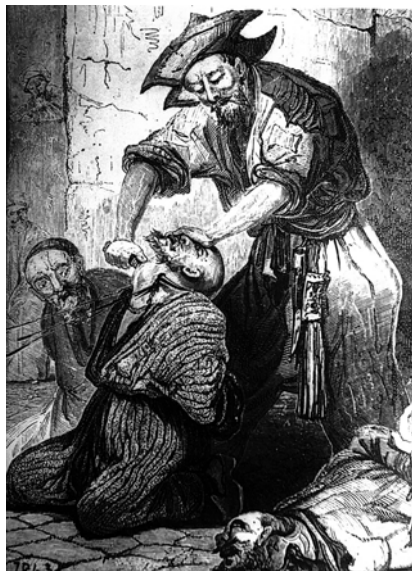
Кочевье в горах.

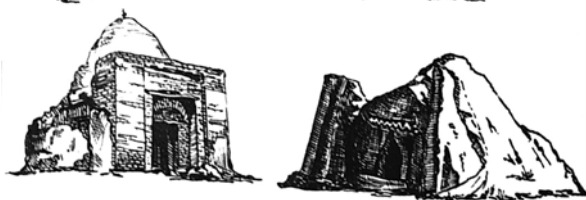
Кокандское войско.

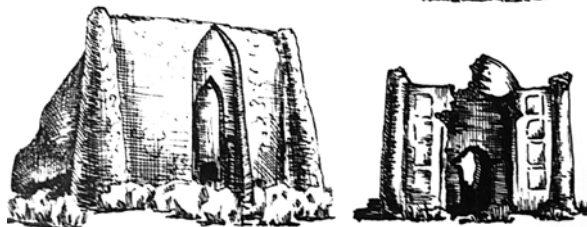
Киргизская крепость Кан.

Казнь в Кокандском ханстве (рис. худ. XIX в.).

Зарисовки киргизских гумбезов XIX в.

جهان تختینی تاشلاب موندہ سلطانیم قیان کیتی
بو دویادین اووردی بوز بهشت جاودان کیتی
خدا کا تعفه اورنیده آنی آلدیغه جان کیتی
جهاندین حسرت ابله شاه دوران مله خان کیتی

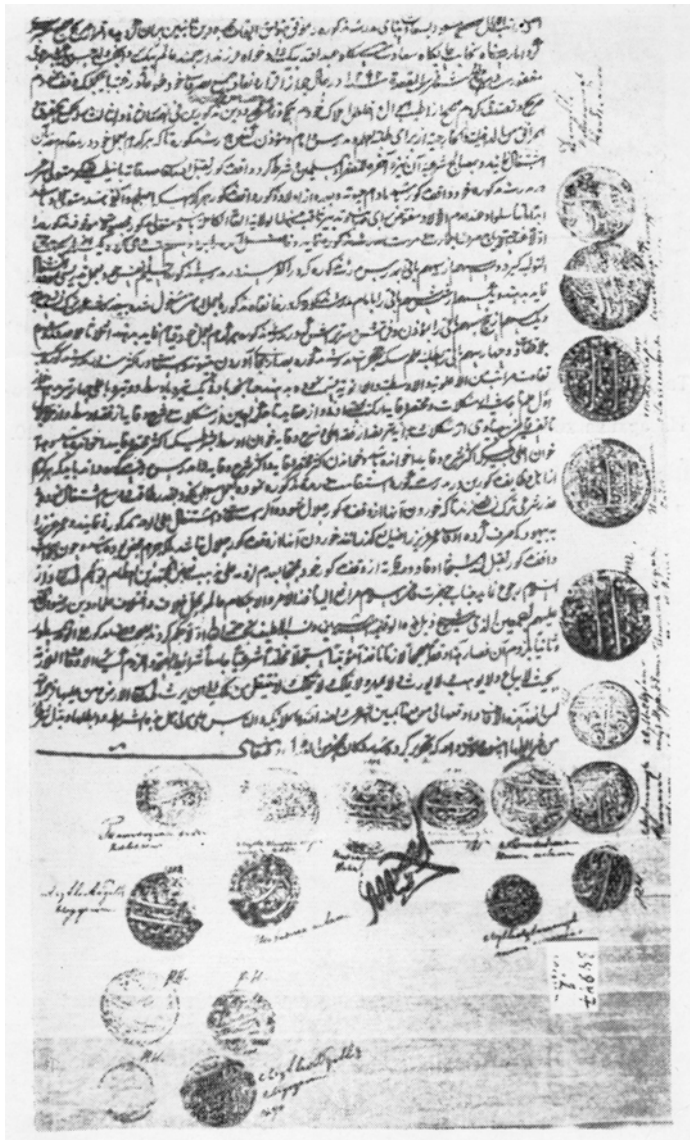
کوزون بومای تواضع برله فورکان بندہ لار فایده
آط اویساتکان وشال کیکان اولوغ سرکرده لار فایده
سه حقدن فورقہای چافسکان قلیچ بدکرده لار فایده
خدانی سایه سیکا تیغ اوروب شرمندہ لار فایده
قزیل فانسکا بویالیب اول شه صاحبقران فایده
جهاندان حسرت ابله شاه دوران مله خان کیتی

کیچه کوندیز دعا کوی ابدلار هم شیخ ملالار
قصیده باغلار ایردی مدح برله لفظه کویالار
شیراع همشغه قیلدی تعسین جمله دانالار
یمان کوز بیله باقیمو شهیم کا کوزی پجالار
آیلسکان اوق کمی ایل نینک کوزیدان بی نشان کیتی
جهاندان حسرت ابله شاه دوران مله خان کیتی

Страница книги
М. Алибека «Домашняя
жизнь Худояр-хана».

Мазар на Сулайман-горе г. Ош.

Вақф-наме Абдуллы-бека на пожертвование в пользу медресе своего отца Алымбека-датки. 1875 г.

Фрагмент рукописной книги кокандского времени.

**Эмир Бухары
Сейд Музафар.**

Худояр-хан.

**Атаке-бий, организатор
первого киргизского
посольства в Россию.
1784—1789 гг.**

**Качибек Шералин, первый
киргизский посол в Россию.**

Байтик-баатыр.

Шабдан-баатыр.

Ормон-хан.

**Исхак Хасан-уулу
(Пулат-хан).**

**К. П. фон Кауфман
Туркестанский
генерал-губернатор.**

Генерал М. Д. Скобелев.

**Бегство кокандского хана от повстанцев.
(Рис. Худ. Карзин. 70-е годы XIX в.)**

**Курманджан-датка.
(Фото Маннергейма)**

**Курманджан-датка с сыном
и джигитом.**

Юрта Курманджан-датки на Алае. (Фото Маннергейма)

**Курманджан-датка с сыном.
(Фото Маннергейма)**

**Полковник российского генштаба
К. Г. Э. Маннергейм. 1909 г.**

**В гостях у Курманджан.
Слева направо: П. Пеллиот, Курманджан-датка, ее внук
и К. Г. Э. Маннергейм. 1906 г.**

**За сбором рукописей палеоархеографической экспедиции
на Юге Киргизии. 1970-е гг.**

**Президент АН СССР А. П. Александров за осмотром
рукописных находок экспедиции в АН Кирг. ССР.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	7
1. Историография	7
2. Источники	47
II. КИРГИЗИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА	90
1. Взаимоотношения киргизов с соседними народами в середине XVIII в.	90
2. Борьба против цинской агрессии	104
3. Подчинение Кокандским ханством южных районов Киргизии	120
4. Завоевание северной Киргизии	136
III. КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА	150
1. Территориально-административное подчинение	150
2. Местное управление.....	172
3. Кокандские крепости — оплот ханского гнёта.....	196
4. Роль киргизской знати в политической жизни ханства.....	224
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	252
ИЛЛЮСТРАЦИИ	255

В. М. Плоских.

Владимир Михайлович Плоских
КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО
Собрание научных трудов
ТОМ 1

Редактор-составитель: проф. *В. А. Воропаева*
Ответственный редактор: *Н. А. Халфин*

Дизайн: *В. Горнушкин*
Компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 05.12.2014.
Заказ №8.
Формат бумаги 60x84 1/16. Объем 17,25 п.л.
Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»